

ISSN 2712-9519 (Online)

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Том 5 №3

2025

LINGUISTICS & EDUCATION

Volume 5 №3

2025

«Лингвистика и образование» – рецензируемое электронное издание сетевого распространения профессиональное издание, в котором отражаются результаты научных исследований ученых из России и других стран в области теории языка, германистики, романистики, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания.

Миссия журнала – отражать результаты научно-исследовательской, научно-практической и инновационной деятельности, а также профессорско-преподавательского состава и научных работников вузов и научных организаций России, стран СНГ и дальнего зарубежья; привлекать внимание к наиболее актуальным, перспективным и интересным направлениям лингвистики; публиковать материалы исследований молодых ученых; информировать специалистов о жизни международного и национального научного сообщества, о конгрессах, конференциях, публикациях монографий.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория языка, германистика, романистика, сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, обзоры.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Санья Ибрагимовна Маджаева, д-р филол. наук, заведующий кафедрой физики, цифровой медицины и прикладной профессор, заведующий кафедрой латинского и иностранных информатики, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Елена Юрьевна Гагарина, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Земфира Ришадовна Гречухина, канд. филол. наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Екатерина Михайловна Дьякова, старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Жером Багана, д-р филол. наук профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и М.К., ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия.

Елена Владимировна Бекишева, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных и латинского языков ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России, Самара, Россия.

Елена Иосифовна Голованова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВО «ЧелГУ», Челябинск, Россия.

Сергей Викторович Гринев-Гриневич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры английской и межкультурной коммуникации, ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия.

Татьяна Васильевна Дроздова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки и речевая коммуникация», ФГБОУ ВО АГТУ, Астрахань, Россия.

Ольга Станиславовна Зубкова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия.

Ольга Викторовна Иванчук, д-р пед. наук, доцент,

профессор, заведующий кафедрой физики, цифровой медицины и прикладной профессор, заведующий кафедрой латинского и иностранных информатики, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

Евгения Юрьевна Кислякова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО "ВГСПУ", Волгоград, Россия.

Марина Владимировна Косова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики, ФГАОУ ВО ВолГУ, Волгоград, Россия.

Татьяна Владимировна Лукоянова, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры латинского и иностранных языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ, Астрахань, Россия.

Валентина Авраамовна Маслова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования, ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь.

Мария Евгеньевна Михайлова, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой философии, биоэтики, истории и социологии, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ, Астрахань, Россия

Светлана Леонидовна Мишланова, д-р филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики, ФГБОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия.

Мехринаиссо Бозоровна Нагзисекова, д-р филол. наук, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан.

Елена Александровна Никулина, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина, ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия.

Альфия Хамитовна Сатретдинова, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ, Астрахань, Россия.

Эльвира Анатольевна Сорокина, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия

Алтынгуль Жакиповна Суюнбаева, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры государственного языка, Военный институт Сил Воздушной Обороны МО, Актобе, Республика Казахстан.

Нина Юрьевна Штрекер, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры теории и методики дошкольного, начального и специального образования, ФГБОУ ВО КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

ISSN 2712-9519 (Online)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07 декабря 2020 г. (Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г. – электронное издание)
Периодичность	4 раза в год
Учредитель и издатель	ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия
Адрес учредителя и издателя	414000, Российская Федерация, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121.
E-mail	lingv_edu@astgmu.ru
Дата выхода в свет	08.10.2025

«Linguistics & Education» is a peer-reviewed online publication. It presents the results of scientific research by scholars from Russia and other countries in the fields of language theory, Germanic studies, Roman studies, comparative-historical, typological, and contrastive linguistics.

The journal's mission is to present the results of research, practical research, and innovation activities, as well as those of the faculty and research staff of universities and scientific organizations in Russia, the UFC, and abroad; to draw attention to the most relevant, promising, and interesting areas of linguistics; to publish research materials by young scientists; to inform specialists about the activities of the international and national scientific community, congresses, conferences, and the publication of monographs.

The journal publishes papers on the following topics: linguistics, Germanic studies, Roman studies, comparative-historical, typological, and contrastive linguistics.

The journal accepts original articles, reviews.

EDITOR-IN-CHIEF

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Latin and Foreign Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Yu. Gagarina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

SCIENTIFIC EDITOR

Zemfira R. Grechukhina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Latin and Foreign Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina Mikhailovna Dyakova, Senior Lecturer of the Department of Latin and Foreign Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

EDITORIAL BOARD

Jerome Bagana, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Roman and Germanic Philology and M.C., Deputy Director for Research and International Activities, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Elena V. Bekisheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University, Samara, Russia.

Elena I. Golovanova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

Sergey V. Grinev-Grinevich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Studies and Intercultural Communication, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Tatyana V. Drozdova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department «Foreign Languages and Speech Communication», FSBEI HE ASTU, Astrakhan, Russia.

Olga S. Zubkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, FSBEI HE Kursk State University, Kursk, Russia.

Olga V. Ivanchuk, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physics, Digital Medicine and Applied Informatics, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Evgeniya Yu. Kislyakova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, FSBEI HE VSSPU, Volgograd, Russia.

Marina V. Kossova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, VolSU, Volgograd, Russia.

Tatyana V. Lukyanova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Latin and Foreign Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Valentina A. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Preschool and Primary Education, VSU named after P.M. Masherova, Vitebsk, Republic of Belarus.

Maria E. Mikhailova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Bioethics, History and Sociology, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Svetlana L. Mishlanova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Lingvodidactics, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Mekhriniso B. Nagzibekova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Elena A. Nikulina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Phonetics and Lexicon of the English Language named after V.D. Arakina, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Alfiya Kh. Satretdinova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Russian Language Department, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Elvira A. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, FSAEI HE "State University of Education", Moscow, Russia

Altynkul Zh. Suyunbaeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the State Language Department, Military Institute of the Air Defense Forces of the Ministry of Defense, Aktobe, Republic of Kazakhstan.

Nina Yu. Shtreker, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Preschool, Primary and Special Education, K.E. Tsiolkovsky Kazan State University, Kaluga, Russia

ISSN 2712-9519 (Online)

Name of the agency that registered the publication

The peer-reviewed online edition of "Linguistics & education" was registered by the Federal service for supervision of communications, information technologies and mass communications on December 7, 2020 (Certificate of registration Эл № ФС77-79816 on December 7, 2020 – online edition).

Publication Frequency

4 times a year

Founder and Publisher

FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia., Astrakhan, Russia

Postal address

414000, Russian Federation. Astrakhan region, Astrakhan, Bakinskaya street, 121.

E-mail

lingv_edu@astgmu.ru

Signed for printing

08.10.2025

СОДЕРЖАНИЕ

Ономасиологический потенциал цветообозначений в клинической ветеринарной терминологии	6
<i>E.A. Абросимова</i>	
Об особенностях языковой картины мира в русских оренбургских говорах	15
<i>E.H. Бекасова</i>	
Дискурс фармацевтической рекламы в условиях правового регулирования: лингвистический инструментарий и прагматические стратегии	24
<i>Н.И. Данилина, Л.П. Прокофьев, К.М. Сальникова</i>	
Особенности выражения таксиса в сложноподчиненных предложениях с относительным придаточным в современном французском языке	34
<i>E.B. Донченко</i>	
Семантическое содержание понятия <i>patchworker</i> в современном английском языке	43
<i>E.Ю. Кислякова, С.И. Маджаева</i>	
Роль англоязычных заимствований в развитии современной географической науки	55
<i>H.M. Колоколова</i>	
Роль метафоры в формировании терминологии экспериментальных музыкальных инструментов в английском языке	65
<i>M.Ю. Кудашева</i>	
Проблемы реализации нормативных требований при обучении правилам оформления рецептурных прописей на латинском языке	76
<i>M.H. Лазарева, Е.Р. Курбатов, Ф.В. Собин</i>	
Лингвоаксиологические характеристики понятия элита	87
<i>T.B. Поляк</i>	
Современные регламентирующие тексты: к вопросу о жанровой специфике	96
<i>M.K. Шептухин</i>	
Требования к оформлению статьи	106

CONTENTS

Onomasiological potential of color designations in clinical veterinary terminology	6
<i>E.A. Abrosimova</i>	
On the peculiarities of the language picture of the world in Russian Orenburg dialects	15
<i>E.N. Bekasova</i>	
The discourse of pharmaceutical advertising under legal regulation: linguistic tools and pragmatic strategies	24
<i>N.I. Danilina, L.P. Prokofyeva, K.M. Salnikova</i>	
Features of expressing taxis in complex sentences with a relative clause in modern French	34
<i>E.V. Donchenko</i>	
Semantics of the notion patchworker in contemporary English	43
<i>E.Y. Kislyakova, S.I. Madzhaeva</i>	
The role of english-language borrowings in the development of modern geographical science	55
<i>N.M. Kolokolova</i>	
The role of metaphor in shaping the terminology of experimental musical instruments in the English language	65
<i>M.Yu. Kudasheva</i>	
Problems of implementing regulatory requirements when teaching the rules of registration of prescription prescriptions in Latin	76
<i>M.N. Lazareva, E.R. Kurbatov, F.V. Sobin</i>	
Linguo-axiological characteristics of the concept <i>elite</i>	87
<i>T.V. Polyak</i>	
Modern regulatory texts: on the issue of genre specifics	96
<i>M.K. Sheptukhin</i>	
Requirements for article arrangement	114

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-6-14>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КЛИНИЧЕСКОЙ ВЕТЕРИНАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Екатерина Алексеевна Абросимова

ФГБОУ ВО Омский ГАУ им. П.А. Столыпина, Омск, Россия

abrosimova@inbox.ru

Аннотация. Целью статьи является выявление и когнитивно-ономасиологическое описание ветеринарных клинических терминов, мотивированных цветовыми признаками. В результате работы на основе анализа ономасиологических моделей выделено 5 групп ветеринарных профессиональных номинаций, каждая из которых характеризуется особенностями языковой реализации компонентов ономасиологических моделей: базиса, признаков и предиката. Делаются выводы об особой продуктивности метонимического переноса в ветеринарных номинациях, что отражает рациональные связи между цветовым признаком и заболеванием, о тенденциях номинативного процесса в ветеринарной терминологии при категоризации цветового признака.

Ключевые слова: ономасиология, ономасиологическая модель, профессиональная языковая картина мира, ветеринарная терминология, цветообозначение, колороним

Для цитирования: Абросимова Е.А. Ономасиологический потенциал цветообозначений в клинической ветеринарной терминологии // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 6-14. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-6-14>

Original article

ONOMASIOLOGICAL POTENTIAL OF COLOR DESIGNATIONS IN CLINICAL VETERINARY TERMINOLOGY

Ekaterina A. Abrosimova

Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia

abrosimova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the cognitive-onomasiological description of veterinary clinical terms motivated by color features. As a result of the work based on the analysis of onomasiological models, 5 groups of nominations are identified, each of which is characterized by the peculiarities of the linguistic implementation of the components of onomasiological models: basis, features and predicate. Conclusions are made about the special productivity of metonymic transfer in veterinary nominations, which reflects rational connections between the color feature and the disease, about the tendencies of the nominative process in veterinary terminology in the categorization of a color feature.

Keywords: onomasiology, onomasiological model, professional linguistic picture of the world, veterinary terminology, color designation, colonym

For citation: Abrosimova E.A. Onomasiological potential of color designations in clinical veterinary terminology, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 6-14. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-6-14>

Введение

К настоящему времени исследователи сходятся во мнении о том, что разные типы профессиональной деятельности обладают спецификой, связанной с языковой реализацией гносеологических категорий, в том числе категории цвета [1; 2; 3], при этом именно цвету «приписывается первичный индекс значимости в базовых структурах познания» [2, с. 35]. Терминологические единицы, мотивированные тем или иным цветообозначением, закрепляют в своей внутренней форме ход профессионального мышления. В таком аспекте целесообразным представляется применение ономасиологического подхода, позволяющего описать номинации в их многообразии и вариативности, с акцентом на особенности реализации в языке ключевых для той или иной области понятий. Особый интерес, на наш взгляд, представляет ономасиологическое описание терминов ветеринарной медицины, которые формируются на стыке общемедицинского знания и различных аспектов животноводства [4] и отличаются семантической и структурной разноплановостью.

С одной стороны, ветеринарный дискурс находится в тени медицинского, цветовые номинации которого подробно проанализированы в ряде терминологических исследований: описана роль цвета в категоризации концептов медицины [1], отмечена прагматическая специфика колоронимов [5], рассмотрены особенности функционирования данных номинаций в связи с различными подсистемами, входящими в медицинскую терминологию [6], определен инвентарь цветообозначений и установлена частотность обращения к тому или иному цвету в анатомических наименованиях [7]. С другой стороны, ветеринарная терминология формировалась под влиянием сферы животноводства, располагающей богатой палитрой цветообозначений и отличающейся специфическими, часто выходящими за рамки конвенциональных представлений о цвете, номинациями окрасов животных [8; 9].

Цель исследования

Цель данной статьи – выявить и описать ономасиологические модели образования клинических ветеринарных терминов, мотивированных признаком цвета.

Материалы и методы

Источниками послужили профессиональные ветеринарные справочники [10; 11; 12]. В рамках данной статьи рассматриваются только клинические термины, мотивированные цветовым признаком. Ставя задачу определить специфику именно ветеринарных номинаций, мы исключили из материала работы общемедицинские термины (*цианоз, мелена, ксантома, альбинизм* и т.п.). Стоит отметить, что ряд медицинских цветообозначений в принципе невозможен в ветеринарии из-за отсутствия соответствующей понятийной области (например, *заболевания красной каймы губ*).

Также из исследования были исключены животноводческие (*русская белая порода кур*) и биологические (*ржавчинные грибы*) наименования с цветовым признаком: несмотря на то, что данные номинации входят в

ветеринарные словари и справочники (некоторые породы животных, в том числе названные по признаку окраса, имеют предрасположенность к тем или иным патологиям, а организмы, наименования которых мотивированы обозначением цвета, способные вызывать определенные заболевания), во внутренней форме данных единиц не зафиксирована связь между патологией и цветом.

В статье применяется когнитивно-ономасиологический подход, позволяющий рассмотреть определенный фрагмент профессиональной языковой картины мира (далее ПЯКМ), связанный с концептуализацией цвета при обозначении болезней животных. Под ПЯКМ понимается «образ конкретной профессиональной сферы, сложившийся в сознании специалистов какой-либо отрасли в результате их когнитивной и коммуникативной деятельности и вербализованный в знаках профессионального языка» [13, с. 123]. В современном терминоведении важнейшую роль играет описание концептуальных моделей, структурирующих ментальное пространство той или иной области человеческой деятельности [14]. В нашей статье реализация категорий ПЯКМ рассматривается сквозь призму ономасиологического подхода, что предполагает анализ ономасиологических моделей – схем образования профессиональных наименований. Ономасиологическая модель включает базис, обозначающий класс понятий; признаки, указывающие на видовые особенности того или иного объекта или явления; и предикат, с помощью которого устанавливается связь между базисом и признаками [15].

Результаты и обсуждение

Так как материалом исследования послужили клинические термины, все отобранные для анализа номинации имеют ономасиологический базис «болезнь, патология» и признак, связанный с обозначением цветового оттенка.

На основании особенностей реализации ономасиологических моделей было выделено несколько групп наименований.

Термины **первой** группы мотивированы патологической окраской того или иного органа, не свойственной его нормальному состоянию и приобретенной вследствие болезни. Базис в таких номинациях формально не выражен, при этом характерно взаимодействие двух ономасиологических признаков: «цвет» и «часть тела». С помощью ономасиологического предиката устанавливается метонимическая связь между болезнью и ее симптомом/результатом, выраженным через обозначение цвета определенной части тела животного. Данные наименования, как правило, мотивированы названиями базовых, с психолингвистической точки зрения, цветов: *блутанг /блютанг*, или *синий язык, красный рот, голубой глаз*, либо общепонятными, устоявшимися в языке метафорическими номинациями, типа *вишневый глаз*. Как видно из примеров, цветообозначения грамматически относятся к наименованию самой части тела (*синий язык, красный рот*), при этом в термине нет формальных компонентов, указывающих на патологическое состояние: ономасиологический базис не находит выражения в определенных словообразовательных элементах или полнозначных словах.

Во **второй** группе терминов базис, обозначающий отношение понятия к классу патологий, эксплицирован (как правило, используется номинация «синдром»), а признаками являются, во-первых, «цвет», приобретенный животным в процессе болезни, а во-вторых, «вид/возраст животного»: *синдром лавандовых жеребят* или *лавандовый синдром жеребят*; *синдром бледной птицы*. Ономасиологический предикат отражает связь между цветом тела и заболеванием, результатом развития которого стала патологическая окраска.

Третья группа номинаций содержит три ономасиологических признака: «цвет», «часть тела» и «вид, порода или возраст пациента» (термин мотивирован цветом той или иной части тела, приобретенным животным в результате болезни): *болезнь телят беломышечная, земляничная болезнь ног овец, мраморная болезнь селезенки индеек /фазанов, белый понос молодняка, белый понос ягнят, пятнистая болезнь икры сигов.*

Базис в данных терминах выражается словами со значением патологического процесса или явления, причем ономасиологический предикат формально связывает цветовой признак именно с патологией, хотя семантически признак характеризует часть тела или организм в целом: в терминах данной группы прилагательное с цветовым значением грамматически согласуется с существительными, называющими патологию (*болезнь, понос*). Кроме того, отношение к классу патологий может быть выражено традиционным общемедицинским термином, уже содержащим в своей внутренней форме цветовой признак (*краснуха, желтуха, рожа, меланоз*): *рожа свиней, краснуха карпов, желтуха шелкопряда, меланоз пчел* и др. Следует отметить, что часть таких наименований, в сочетании с ономасиологическим признаком, указывающим на животное, образуют номинацию с совершенно иным значением. В таких терминах, как *краснуха угрей, краснуха карпов, меланоз пчел* традиционные медицинские номинации становятся своеобразными метафорами и обозначают болезни, по цветовому впечатлению (очаги кровоизлияний при краснухе карпов и угрей, черный цвет колонии грибков, вызывающий меланоз [10]) *напоминающие* о краснухе или меланозе.

К **четвертой** группе относятся преимущественно однословные термины с ономасиологическим признаком «цвет» и базисом, выраженным словообразовательными элементами с общим значением «патологический процесс, явление, признак». Среди таких средств можно наблюдать международный терминоэлемент *-изм*: *меланизм, ксантизм* – уродства окраски рыб [10, т. 6, с. 184]; в отдельных случаях роль базиса может выполнять суффикс русского языка типа *-ин(а)* (*небрина* от лат. *rīper* – перец – болезнь тутового шелкопряда, при котором «тело гусеницы... покрывается темно-коричневыми пятнами» [10, т. 4, с. 865]). С помощью ономасиологического предиката устанавливается характеризующая связь между болезнью и цветом, причем во внутренней форме таких наименований обычно нет указания ни на пораженный орган, ни на само животное, ни на вид патологии: такие номинации напоминают медицинские термины типа *краснуха, желтуха* и т.д.

К **пятой** группе терминов базисом выступают эксплицированные наименования патологии (*глухота, синдром, проблемы здоровья*), признаками – «цвет» и «вид/порода животного»; ономасиологический предикат при этом устанавливает связь между природным окрасом животного и заболеванием, которому оно подвержено: *глухота у собак окраса «платтен», проблемы здоровья у белых, забеленных, недоокрашенных догов, синдром серых (седых) колли*. Такие номинации обычно являются многокомпонентными и, в отличие от вышерассмотренных терминов, во внутренней форме которых на первый план выносится патологическая окраска животного или части его тела, не обладают яркой образностью и имеют описательный характер.

Стоит отметить, что предложенное деление на группы во многом условно, так как ряд наименований, мотивированных цветовым признаком, имеет синонимы, в которых реализуются различные ономасиологические модели. Например, «заболевание собак породы цвергшнауцер, характеризующееся появлением золотистых пятен на шерсти» [11, с. 36.] может называться *ауротрихия* (базис выражается международным терминоэлементом –*ия*, а признаками, также репрезентированными традиционными средствами греко-латинского терминологического фонда, являются «цвет» и «часть тела» – шерсть); *приобретенная ауротрихия миниатюрных шнауцеров* (в этом составном наименовании добавляется признак породы животного, а также уточняется характер заболевания); *синдром позолоты* (базис, выраженный номинацией «синдром» и цветовой признак).

Хотя многие цветовые номинации активно используются в языке ветеринарии, что подтверждается в том числе международным характером цветообозначений и, по-видимому, объясняется калькированием терминов и стремлением к универсализации языка ветеринарии (ср. *синий язык* и *Bluetongue*, *красный рот* и *redmouth disease*, *вишневый глаз* и *cherry eye*), рассмотренные термины во многих случаях имеют синонимы, категоририрующие болезнь по особенностям самого патологического процесса, а не наиболее яркого симптома: *синий язык* – *febris catarrhalis ovium* (катаральная лихорадка овец), *вишневый глаз* – пролапс (аденома) мигательной железы третьего века.

Однако у терминов с ономасиологическим базисом, выраженным словом «синдром», как правило, имеются аналоги, называющие то или иное расстройство по иным ономасиологическим признакам, отражающим другой яркий симптом заболевания: например, *синдром бледной птицы* также называется *синдромом плохого усвоения кормов, болезнью ломких костей, «слабостью ног»*, а *синдром лавандовых жеребят* – *летальным синдромом осветления шерсти*.

В наименованиях болезней животных целый ряд терминов мотивирован обозначением чистых цветов: *красный рот*, *синий язык*; смешанные же цвета, как правило, представлены общепонятными метафорами (*лавандовый*, *вишневый*): важным для номинаций патологии становится яркий цветовой образ.

В словарных статьях к практически всем рассмотренным терминам цветовой признак, мотивирующий наименование, разъясняется: *красный рот* –

«заболевание радужной форели, характеризующееся покраснением ротовой полости, глотки, жаберных крышечек» [10, т. 3, с. 683]; болезнь телят беломышечная... характеризуется «резким побледнением мышечной и других тканей» [10, т. 1, с. 565]. При этом оттенок цвета, используемый в дефиниции, не обязательно точно совпадает с зафиксированным во внутренней форме термина. В определениях к терминам присутствуют сложные и переходные оттенки цветов. Например, клиническим признаком *лавандового синдрома жеребят* является «розовый оттенок» [11, с. 89], а при описании патологии *синий язык* используется объяснение «язык темно-красного или синюшного цвета» [10, т. 3, с. 337], что связано, на наш взгляд, с большим стремлением к яркости номинации, чем к их точности.

Как видно из рассмотренного материала, в ветеринарии широко представлены номинации с живой внутренней формой (*красный рот, синий язык, синдром лавандовых жеребят*): метонимический перенос «цвет органа/пациента – признак болезни» создает термин с ярким образным компонентом, возможно, не всегда уместным для медицинского диагноза (аналогично выходящим из употребления в человеческой медицине «живым» метафорам типа *волчья пасть*). При этом сравнение ветеринарных и медицинских терминов с цветовыми компонентами в значении, а также субъективная оценка экспрессивности номинаций, безусловно, требует проведения дополнительных исследований.

Заключение

Итак, на основе анализа ономасиологических моделей было выделено пять групп ветеринарных клинических терминов.

К первой были отнесены номинации с имплицитным ономасиологическим базисом и с признакомой частью, характеризующей патологическую окраску той или иной части тела. Такие наименования представляют собой яркие метонимии, с помощью которых на первый план выводится наиболее заметный симптом заболевания.

Во второй группе терминов базис представлен словом «синдром», а признаковая часть включает обозначение цвета, приобретенного животным определенного вида/возраста в процессе болезни; цветовая номинация представлена определением, согласованным с названием животного.

Третья группа номинаций включает три ономасиологических признака: «цвет», «часть тела» и «вид / порода или возраст пациента»; базис же выражается существительным со значением патологии, признак цвета формально характеризует болезнь, а не животное.

В четвертую группу номинаций вошли преимущественно однословные термины с ономасиологическим признаком «цвет» и базисом, выраженным словообразовательными элементами с общим значением «патологический процесс, явление, признак».

К пятой группе мы отнесли многокомпонентные номинации, в которых установлена наблюдаемая связь природного окраса животного и заболевания. Базисом выступают наименования патологии, признаками – «цвет» и

«вид/порода животного»; при этом цветовой признак характеризует не патологию, а окрас пациента.

Ономасиологический предикат в рассмотренных моделях номинации выполняет две основные функции: устанавливает причинно-следственную связь между цветом, который приобрело животное в результате патологического процесса, и самим заболеванием, либо отражает вероятность возникновения патологии у животных определенного окраса.

Традиционные медицинские колоронимы могут получать в ветеринарии новые значения и сопровождаться введением в наименование несогласованного определения, характеризующего вид больного животного.

Международные терминоэлементы с семантикой цвета (*мелан-*, *ксант-*, *ауро-*) демонстрируют продуктивность при образовании специфических ветеринарных терминов (*ксантазм*, *меланизм*, *ауротрихия*).

Практически все рассмотренные номинации так или иначе основаны на метонимическом переносе и отражают рациональные связи между цветовым признаком и заболеванием, причем в первой группе терминов (*красный рот*, *синий язык*) изобразительная функция метонимии проявлена максимально ярко за счет имплицитности ономасиологического базиса и, соответственно, формального отсутствия категоризации патологического процесса в номинации.

Таким образом, ономасиологический потенциал цветообозначений в клинической ветеринарной терминологии связан с особым, рациональным взглядом на мир, фиксирующим объективную связь между окраской животного и предрасположенностью к заболеванию, а также между неестественным цветом той или иной части тела ветеринарного пациента и патологией; тенденцией скорее к яркой образности цветовых номинаций, чем к их точности; продуктивностью традиционных медицинских колоронимов и международных терминоэлементов, обозначающих цвет.

© Абросимова А.Е., 2025

Список источников

1. Бекишева Е.В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: дис ...д-ра. филол. н. / Е.В. Бекишева. – М.: 2007. – 401 с.
2. Астафурова Т.Н. Лингвосемиотика цвета в институциональной коммуникации / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 1(20). – С. 34-45.
3. Маджаева С.И. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины / С.И. Маджаева, Э.М. Байдашева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38. – № 2. – С. 219-226.
4. Новикова О.Н. Ветеринарный дискурс: лингвистический и лингводидактический аспекты / О. Н. Новикова. – Уфа: Башкирский гос. аграрный университет, 2023. – 163 с.
5. Владимирова С.Б. Прагматическая специфика цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования / С.Б. Владимирова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 58-68.
6. Байдашева Э.М. Особенности функционирования цветовых лексем в медицинской терминологии / Э.М. Байдашева, А.Р. Уразалиева // Лингвистика и образование. – 2023. – Т. 3. – №4. – С. 6-15.
7. Костромина Т.А. Колоронимы в медицинской терминологии / Т.А.

Костромина, О.М. Новикова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 1(30). – С. 245-247.

8. Клейнер С.Д. Проблемы этимологии латинских лексем, обозначающих конскую масть: дис. ... канд. филол. наук. / С. Д. Клейнер. – СПб, 2011. – 178 с.
9. Миронов М.В. Лексико-семантическая группа «масть лошади» в русском и английском языке: дис. ...канд. филол. наук. / М.В. Миронов. – М., 2022. – 195 с.
10. Ветеринарная энциклопедия: в 6 т. / глав. ред. К.И. Скрябин. М.: Сов. энциклопедия, 1968–1972.
11. Лэйн Д. Краткий толковый словарь ветеринарных терминов / Д. Лэйн, С., Гутри /. пер. с англ. Ю.М. Кеда. – М.: Софион, 2007. – 512 с.
12. Храброва Л.А. Наследственные дефекты лошадей: диагностика и профилактика / Л.А. Храброва // VetPharma. – 2014. – № 4(20). – С. 86-96.
13. Фельде О.В., Мезит А.Э. Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 488. – С. 120-126.
14. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
15. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова; отв. ред. Б.А. Серебренников. – Изд. 2-е – Москва: URSS, Изд-во ЛКИ, 2008. – 156 с.

References

1. Bekisheva E.V. Formy yazykovoj reprezentacii gnoseologicheskikh kategorij v klinicheskoj terminologii: diss. ...dok. filol. nauk [Forms of linguistic representation of epistemological categories in clinical terminology. Thesis doct. of philol. sci.]. Moscow, 2007. – 404 p.
2. Astafurova T.N., Olyanich A.V. Lingvosemiotika cveta v institucional'noj kommunikacii [Semio-linguistics of color in institutional communication]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2014. – №. 1 (20). – Pp. 34-45.
3. Madzhaeva S.I., Bajdasheva E.M. Terminy s komponentom cvetooboznacheniya v yazyke mediciny [Terms with a color designation component in the language of medicine]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities], 2019. – Vol. 38. – №. 2. – Pp. 219-226. doi 10.18413/2075-4574-2019-38-2-219-226.
4. Novikova O.N. Veterinarnyj diskurs: lingvisticheskij i lingvodidakticheskij aspekty [Veterinary discourse: linguistic and linguodidactic aspects]. Ufa, Bashkir State Agrarian University, 2023. – 163 p.
5. Vladimirova S.B. Pragmaticeskaya specifika cvetooboznachenij chelovecheskogo tela v tekste sudebno-medicinskogo issledovaniya [Pragmatic specificity of color designations of the human body in the text of a forensic medical examination]. Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2020. – Vol. 18. – №. 4. – Pp. 58-68. doi 10.25205/1818-7935-2020-18-4-58-68.
6. Baydasheva E.M., Urazalieva A.R. Osobennosti funkcionirovaniya cvetovyh leksem v medicinskoj terminologii [Features of the functioning of colorisms in medical terminology]. Lingvistika i obrazovanie [Linguistics & education], 2023. – №. 4. – Pp. 6-15. doi 10.17021/2712-9519-2023-4-6-15.
7. Kostromina T.A. Novikova O.M. Koloronimy v medicinskoj terminologii [Coloronyms in medical terminology] Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal], 2020. – Vol. 9. – №.1 (30). – Pp. 245-247. doi 10.26140/bgz3-2020-0901-0056.
8. Klejner S.D. Problemy etimologii latinskikh leksem, oboznachayushchih konskuyu mast': diss. ... kand. filol. nauk. [Problems of the etymology of Latin lexemes denoting horse color.

Thesis cand. of philol. sci.]. St. Petersburg, 2011. – 178 p.

9. Mironov M.V. Leksiko-semanticeskaya gruppa «mast' loshadi» v russkom i anglijskom yazyke: diss. ...kand. filol. nauk. [Lexical-semantic group "horse color" in Russian and English. Thesis cand. of philol. sci.]. Moscow, 2022. – 195 p.

10. Scriabin K.I. (Eds). Veterinarnaya enciklopediya v 6 tomah [Veterinary Encyclopedia in 6 volumes]. Moscow: Soviet Encyclopedia. – 1968-

11. Lejn D., Gutri S. Kratkij tolkovyj slovar' veterinarnyh terminov [Brief explanatory dictionary of veterinary terms]. 2nd English edition. Moscow: Sofion, 2007. – 512 p.

12. Khrabrova L.A. Nasledstvennye defekty loshadej: diagnostika i profilaktika [Hereditary defects of horses: diagnostics and prevention]. VetPharma, 2014. – No. 4 (20). – P. 86-96.

13. Fel'de O.V., Mezit A.E. Professional'naya yazykovaya kartina mira kak ob'ekt issledovaniya v terminovedenii i v lingvistike LSP [Professional linguistic picture of the world as an object of research in terminology and in LSP linguistics]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State University], 2023. – No. 488. – Pp. 120-126. doi: 10.17223/15617793/488/12.

14. Lakoff Dzh, Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. Moscow. Editorial URSS, 2004. – 256 p.

15. Kubryakova E.S. Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti [Nominative Aspect of Speech Activity]. Ed. B.A. Serebrennikov. Moscow: URSS, LKI Publishing House, 2008. – 156 p.

Абросимова Екатерина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО Омский ГАУ им. П.А. Столыпина, Омск, Россия

abrosimova@inbox.ru

candidate of philology, associate professor of the department of foreign languages, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia

abrosimova@inbox.ru

Abrosimova Ekaterina Alekseevna

Научная статья

УДК 811.161.1(с173): 81'1

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-15-23>

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ ОРЕНБУРГСКИХ ГОВОРАХ

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

bekasova@mail.ru

Аннотация. Становление и развитие русских говоров на территории Оренбуржья осложнялось не только отрывом от материнских говоров и межславянским взаимодействием, но и контактированием с тюркскими и финно-угорскими языками. При этом новые природные условия обусловливали тесное социальное, хозяйственное и языковое взаимодействие проживающих рядом этносов, что отражалось на становлении новой диалектной картины мира. Накопленный почти за двести лет диалектный материал, начиная от пребывания В.И. Даля на территории Оренбургской губернии, позволяет в определённой степени реконструировать специфику диалектной картины мира в её территориальном разнообразии и в изменении регистров сохранности или трансформации картины мира во внутриязыковом и межязыковом взаимодействии. Наиболее устойчивыми в этом плане являются диалектные системы казачества в связи с особенностями их менталитета и жизненного уклада. Остальная часть переселенцев оказывалась, судя по лексикографическим данным фиксации оренбургской диалектной лексики, в более тесных связях с формирующимся оренбургским сообществом, что позволяет исследовать не только специфику контактирования славянских и неславянских диалектов, но и определить особенности заполнения языковых лакун в новой диалектной картине мира и механизмы семантической дифференциации.

Ключевые слова: вторичные говоры, языковая картина мира, русские оренбургские говоры, В.И. Даляр, Б.А. Моисеев, межязыковые и междиалектные контакты, лексические заимствования

Для цитирования: Бекасова Е.Н. Об особенностях языковой картины мира в русских оренбургских говорах // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 15-23.
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-15-23>

Original article

ON THE PECULIARITIES OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN RUSSIAN ORENBURG DIALECTS

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

bekasova@mail.ru

Abstract. The formation and development of Russian dialects on the territory of the Orenburg region was complicated not only by separation from maternal dialects and inter-Slavic interaction, but also by contact with Turkic and Finno-Ugric languages. At the same time, new natural conditions determined the close social, economic and linguistic interaction of ethnic groups living nearby, which in a certain way affected the formation of a new dialect picture of the world. The dialect material accumulated in almost two hundred years, starting from the stay of V.I. Dahl in

the territory of the Orenburg province, allows to a certain extent to reconstruct the specifics of the dialect picture of the world in its territorial diversity in changes in the registers of preservation or changes in the picture of the world in intralanguage and interlanguage interaction. The most stable in this regard are the dialect systems of the Cossacks in connection with the peculiarities of their mentality and lifestyle. The rest of the immigrants, judging by the lexicographic fixation of the Orenburg dialect vocabulary, found themselves in closer ties with the emerging Orenburg community, which makes it possible to study not only the specifics of contacting Slavic and non-Slavic dialects, but also to determine the specifics of filling language gaps in the new dialect picture of the world and the mechanisms of semantic differentiation.

Keywords: secondary dialects, language picture of the world, Russian Orenburg dialects, V.I. Dal, B.A. Moiseev, interlanguage and interdialect contacts, lexical borrowings

For citation: Bekasova E.N. On the peculiarities of the language picture of the world in Russian orenburg dialects, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 15-23. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-15-23>

Введение

Системное описание языка во времени и пространстве обуславливает актуальность исследований исторической изменчивости организации и параметров страт, их взаимодействие и реакции на действие экстралингвистических факторов. В этом аспекте особую значимость приобретает изучение национальной картины мира, в том числе и русской диалектной картины мира, которая «не может быть полностью тождественной в силу территориальной разобщенности диалектов, различий исторических условий их формирования, различий природных, климатических условий и т. д.» [1, с. 258], но именно поэтому она представляет особую лингвокультурную ценность, особенно в условиях исчезающих диалектных систем.

В таком направлении необходимо обратить внимание на наименее изученные, в том числе в русле современной лингвистической парадигмы, территории позднего заселения, к которым относится Оренбургская область [2]. Актуальность данного исследования также обусловлена тем, что в других субъектах Российской Федерации подобная работа на лингвокраеведческом материале активно ведётся на протяжении последних десятилетий, что позволило член-корреспонденту РАН, редактору «Словаря русских народных говоров» С.А. Мызникову определить такое положение в лингвистической науке как «региональный взрыв» [3]. Однако на данном этапе территории, прославленная в изысканиях В.И. Даля, нуждается в научной и общественной реабилитации.

В связи с этим цель статьи заключается в выявлении специфики русской диалектной картины мира на территории Оренбуржья, обусловленной особенностями формирования и развития вторичных говоров русского языка в условиях культурно-исторического влияния в результате интенсивных междиалектных и межъязыковых контактов. В соответствии с целью был избран материал лингвистического анализа, к которому следует отнести труды П.И. Рычкова, зафиксировавшие ряд историко-культурных и языковых явлений Оренбургской губернии [4, с. 22–30; 5, с. 185–200]; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; заметки и научные статьи по изучению языкового ландшафта Оренбуржья XIX–XXI вв.; лексикографические данные

словарей, включающих материал русских оренбургских говоров [6; 7]; полевые данные обследования лингвистического пространства Оренбургской области (более 8,5 тыс. единиц, собранных с 2003 г. студентами филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета под руководством автора статьи во время учебной диалектологической практики).

Методологической основой исследования стали работы по изучению языкового пространства Л.И. Баранниковой, Е.Л. Березович, А.С. Герда, Т.И. Вендиной, А.К. Матвеева, С.А. Мызникова и др. Использование разработанного комплексного подхода к изучению культурно-исторического и языкового пространства региона позволяет проследить специфику регистров организации системы русского языка и её специфику в синхронии и диахронии на определённой территории [4; 5].

Основные результаты исследования

Оренбуржье представляет относительно молодой регион, который пережил серьёзные языковые потрясения, связанные как с его обширностью и положением на границе Российской империи, так и с особенностями заселения. Определённая доступность для лингвистического изучения в связи с дошедшими до нас сведениями и, особенно с деятельностью В.И. Даля, позволяет определить значимость Оренбуржья в лингвокраеведческом аспекте (см. работы [3; 4; 5; 6; 8; 10]). В этом случае затруднения в исследованиях языкового пространства Оренбуржья вызывают не только определённые лакуны в изучении данной территории, появляющиеся практически почти каждые 50 лет (от Рычкова до Даля, вторая половина XIX в., первая половина XX в.), но и сложная языковая ситуация, которая, с одной стороны, характеризуется формированием гетерогенных систем вторичных оренбургских русских говоров, их контактированием с родственными и неродственными системами говоров, а с другой стороны, влиянием просторечия и литературного языка, что своеобразно преломлялось в недостаточно устойчивой системе говоров территорий позднего заселения. Следует отметить, что характерные для Оренбургской губернии признаки языковой ситуации наблюдаются и в XXI в. [2].

Наиболее существенным представляется тот факт, что достаточно развёрнутая научно корректная картина языковой ситуации Оренбургской губернии в один из важных моментов её развития была зафиксирована В.И. Далем и некоторые из его рассуждений, почти на век обогнавших лингвистические исследования в этой области, касаются непосредственно Оренбургской губернии [5, с. 33–40]. В.И. Даль первым отмечает разнообразие и гетерогенную основу говоров русских переселенцев в Оренбуржье, описывает специфику говора оренбургского казачества [11, с. LXXIII], определяет тенденции интерференции контактирующих говоров, которые проявляются в речи молодого поколения [11, с. LI]. В частности, он указывает на престижность казачьих говоров среди крестьянского населения, что было подтверждено через 60 лет пребывания В.И. Даля в Оренбургской губернии Д.К. Зелениным при описании казачьих говоров Благословенного и Нежинки

[12, с. 237]. Следы таких особенностей казачьих говоров фиксируются и в работах Б.А. Моисеева, который описывает взаимодействия окающих говоров оренбургского казачества с акающими говорами высланных в Оренбуржье донских казаков [6, с. 7-10]. Однако казачьи говоры, даже в условиях конкуренции и возможности их смешения, не допускали языковые элементы соседствующих крестьянских говоров, независимо от их первоначальной прикреплённости. В свою очередь крестьянские говоры, судя по исследованиям Б.А. Моисеева частной системы вторичного говора «мужицкой» Саратовки [6, с. 8], оказываются более лояльными к иноязычным системам – тюркским и финно-угорским.

Описания изменений систем казачьих говоров предоставляют богатый материал для определения казачества как особого сословия, достаточно замкнутого, но весьма престижного для крестьянства в условиях приграничных территорий. Такое положение казачества формирует особое осмысление мира, без бытовых заимствований соседствующих русских крестьян и иноверцев, но с внедрением тех элементов, которые нужны были служилому сословию, осваивающему территории до Каспийского моря, а во время походов – до Парижа, при этом языковая картина мира чётко дифференцируется по гендерному признаку [5, с. 34-37].

Историко-культурные регистры диалектного пространства Оренбуржья показывают специфику традиционного быта и его изменений во времени, а также определённую устойчивость вплоть до 50-60-х годов XX в. и дают основание считать, что в настоящее время имеются возможности дальнейших исследований данного языкового феномена [10].

В оренбургских говорах в складывающуюся на новом месте картину мира добавляются или номинации новых реалий и их осмысление, или необходимые заимствования из тюркских и финно-угорских языков, которые закрывают возникшие лакуны. Об этом свидетельствуют прежде всего словари Б.А. Моисеева и Н.М. Малечи, в которых проявляются не только культурно-исторические слои, но и отражаются следы межъязыкового контактирования. Показательно в этом плане преобразование языковой картины мира за счёт перестройки языкового пространства, связанного с изменениями физико-географических и этнических особенностей региона. С одной стороны, уходят или изменяют свои значения те слова, которые были свойственны исходной территории, например, из многочисленных наименований *бруслики* и связанных с ней названий в оренбургских говорах фиксируется только *бруслига*; с другой стороны, при сохранении части номинаций традиционного рыболовства широко представлены термины *багренья* [4, с. 43–45] – одного из главных промыслов служивого казачества [13].

Надо отметить, что именно лексическая составляющая позволяет выявить культурно-исторические регистры формирования и развития языковой картины мира переселенцев. В частности, известный филолог А.М. Панченко утверждал, что культурно-ментальный фон «слагается из “прописей”, из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие

структур, нравственные и эстетические запреты и рекомендации» [14, с. 83]. Для Оренбуржья такими «прописями» становится способность усвоить культурные ценности соседнего народа, что начинается с уважения к его образу жизни и мировоззрению, а затем продолжается во встраивании определенных понятий в собственную языковую картину мира.

Прежде всего надо отметить контакты оказавшихся рядом народов в бытовой и хозяйственной сферах. Например, в новых условиях оказались востребованы тюркские номинации животных. В первую очередь это касается верблюдоводства, которое было распространено в Оренбуржье вплоть до второй половины XX в., о чем свидетельствуют слова тюркского происхождения называющие разновидности верблюдов и их детёнышей (*куспак, илюк, каспак, коспак, бута, бутак, бутакан, башмач, дюнен, дюнен огуз* и др.), а также появление своеобразных трансплантов (гетерогенов) типа *одночокий верблюд* (верблюд с одним горбом), *двучокий верблюд* (двугорбый верблюд).

Широко представлены названия лошадей, коров, овец, указывающие не только на возраст, но и – главное – на происхождение скота, например: *адаевская лошадь* (адайская лошадь) – казахская порода лошадей, отличающихся мелким ростом и большой выносливостью. *Раньше киргизы продавали адаевских лошадей. Адайские лошади дикие, как звери, и бегают сильно быстро* [6, с. 22]; *башмак, басмак, башмач* – бычок в возрасте одного года. *Если один год быку, то называют башмаком. В этом году мы два башмача держали.* (В каз. яз. *баспак* – теленок к первой осени.; в баш. яз. *башмак* – годовалая тёлка) [6, с. 33]; *дюнен* – 1. Бык в возрасте четырёх лет. *Когда быку четыре года, то говорят дюнен.* (В каз. яз. *дюнен огуз* – бык с четвёртой весны [6, с. 104]; *кунан* – 1. Бык трёх лет. *Кунан трёхлетний бывает.* Молодая лошадь в возрасте трёх лет. *На кунане не работают, он необученный, он пока так бегает* [6, с. 200]. Надо отметить, что для быков, используемых в сельскохозяйственных работах, фиксируются только исконные номинации, например: *корневой бык* – бык, запрягаемый в корень (один плуг). *В корневые быки выбираем лучших быков* [6, с. 178]; *колесневой (колеиневый) бык* – бык, запрягаемый в плуг в первой (от плуга) паре. *Это лучшие быки, самые сильные и умные* [6, с. 200]; *подрушиной бык* – бык, запряженный в плуг со стороны погонщика (под рукой погонщика). *Подрушиной бык идёт по непаханой земле* [6, с. 341] и под.

«Прирастание» языковой картины мира активно происходит за счёт номинаций традиционных тюркских кушаний, присвоение которых подтверждается иллюстративным материалом «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева, например: «*зюрьма* – 1. Жидкая каша из пшеничной муки. *Зюрьму башкиры любят, русские тоже её варят.* 2. Лапша из раскатанного и порезанного на кусочки теста. *Зюрьму мы варили обычно вечером*» [6, с. 52]; «*сарса / сарца* – вид сухого сыра, приготовленного из кислого молока. *Сарсу делают русские и киргизы, она сладкая, вкусная, её с чаем пьют*» [6, с. 153]. Особенно показательным является присвоение национального блюда *кужес* в деминутивной антрополексеме *кузя*: «*Кузю варили: пшено и молоко*», «*Пшённая каша с последнего вида молока (прокисшего) называется кузя*» [6, с. 196].

Следует также отметить номинацию «бижбармак», которая, судя по записи рассуждений информантов, показывает процесс угощения национальными блюдами людей разной национальности, находящихся в близких и дружеских отношениях [6, с. 21-22, 23, 79]. Вхождение таких номинаций в диалектную картину мира доказывается номинациям прозвищного характера для русских переселенцев, например: «*Верхнегумбетцы* (жители с. Верхний Гумбет) называют нас *саламатники*, а мы их *дразним черносливниками*» [6, с. 399].

За счёт заимствований в диалектах происходит свойственная им из-за «низкой парадигматической экономии» [15, с. 534] дифференциация реалий жизни, например: *тамыр* (друг), *тамырство* (дружба), *тамырить* (дружить с казахами): «*Они были с ним тамыры*», «*Тот киргизин был моим тамыром, он ко мне ездил, а я к нему*» [6, с. 440]; *буриТЬ, буриТЬся, разбуриТЬся* – 1. О верблюде (о буре, см. бура): находиться в возбуждённом состоянии в период случки. *Верблюды буряТЬся весной. Верблюд разбуриЛЬся, теперь не поймаешь.* 2. *Перен.* о человеке: бушевать, разбушеваться, дебоширить. *Зашёл к нему, а он так разбуриЛЬся! Придёт пьяный и начинает буриТЬ, семье покоя не дает. Не бури больно, как верблюд* [6, с. 51]; *курдюк* – 1. Жировое отложение у хвоста овец казахской породы. У *киргизской овцы* *большой курдюк* *растёт*. 2. Казахская порода овец с жировыми наростами на хвосте. *Киргизские (казахские) овцы курдюками называются. Киргизы* *больше курдюков разводят*. 3. *Перен.* Задняя часть тела человека. У *ней* *курдюк* *большой. Трясёт* здесь *своим курдюком. Ну и сшила юбку, разве этой юбкой я свой курдюк обтяну* [6, с. 220]; *джибага, джебага – ирон.* Тяжёлая и неудобная верхняя одежда. *Вот надела джибагу, и повернуться нельзя. Уж бросил бы носить свою джибагу. Надрючил на себя джибагу и ходит.* (В баш. яз. ябага – весенняя шерсть-линька) [6, с. 94] и др. В пользу корректировки смыслов свидетельствует, например, зафиксированное В.И. Далем слово *куян* (татарское, оренбургское) – заяц, ушкан [11, с. 230], которое первоначально, судя по оренбургским прозвищам, имело значение ‘одинокий, матерый заяц-самец’ [5, с. 65, 82]

Заключение

Следовательно, заимствования для обозначения названий еды, домашнего скота, природных особенностей, коннотативных названий детей, женщин и мужчин в русских диалектах [4, с. 19–22] убедительно показывают отношения между народами, ставшими соседями в результате освоения огромного края. Сконцентрированный в словарях В.И. Даля, Б.А. Моисеева и Н.М. Малечи иллюстративный материал, фиксирующий речь, а в ряде случаев культурно-исторические регистры народной памяти, убедительно показывает, как расширялась диалектная картина мира переселенцев на территории Оренбуржья за счёт заимствования бытовых и хозяйственных достижений соседних народов в области традиционного питания, одежды, обработки шерсти, строительства, освоения природных ресурсов и характеристики метеоусловий.

Определённая фрагментарность фиксации заимствований в говорах территорий позднего заселения [2; 3] не позволяет в полной мере прояснить

механизмы заимствования в каждом конкретном случае, однако «следы» межъязыковых контактов и введение в научный оборот новых материалов позволяет в какой-то степени восстановить то языковое богатство Оренбуржья, которое в своё время сподвигло В.И. Даля на «сбор запасов из живого языка, не из книг и без учёных ссылок» [11, с. XLVIII]. При этом следует подчеркнуть, что заимствования как часть системы оренбургских русских говоров предоставляют возможность определить модель организации новой диалектной картины мира и ту специфику смешения языков, которую И.А. Бодуэн де Куртенэ рассматривает как «начало всякой жизни как физической, так и психической» [16, с. 363].

© Бекасова Е.Н., 2025

Список источников

1. Нефедова Е.А. О региональных вариантах русской национальной картины мира / Е.А. Нефедова // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Краков, 2015. – Т. 2. – С. 257–264.
2. Bekasova Elena N. Linguacultural Interactions in Orenburg Region / Elena N. Bekasova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2021 14(10): 1474–1485 р.
3. Мызников С.А. Оренбургская лексика на страницах «Словаря русских народных говоров» / С.А. Мызников // Девятые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22 ноября 2024 г. – Оренбург: Издательство: Оренбургская книга”, 2025. – С. 3-7.
4. Бекасова Е.Н. Языковое пространство Оренбуржья / Е.Н. Бекасова /Монография. – Brno: TribunEU, 2022. – 254 с.
5. Бекасова Е.Н. Лингвистическое краеведение Оренбуржья / Е.Н. Бекасова / Монография. – М.: МАКС Пресс, 2024. – 260 с.
6. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь [послесл. Е.Н. Бекасовой] / Б.А. Моисеев. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2019. 516 с.
7. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х т. / Н.М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003.
8. Абубакирова Л.Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае / Л.Ф. Абубакирова // Вестник ОГПУ, 2011. – № 4. – С. 17-24.
9. Мызников С.А. О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков / С.А. Мызников // Исследования по славянской диалектологии. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. – М.: Институт славяноведения, 2018. – С. 24-36.
10. Якимов П.А. Русские говоры как отражение национальной ментальности. Научно-популярное издание / П.А. Якимов. – Оренбург: «Издательство «Оренбургская книга», 2017. – 157 с.
11. Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. / В.И. Даляр. – Т. 1. – М.: Русский язык, 2000. – 702 с.
12. Зеленин Д.К. О говоре оренбургских казаков / Д.К. Зеленин // Русский филологический вестник. 1905. Т. – LVI. № 3–4. С. 234–245
13. Годовова Е.В., Кобытов П.С. Рыбный промысел в повседневной жизни казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.В. Годовова, П.С. Кобытов // Вестник Самарского

университета. История, педагогика, филология. – Т. 23. – № 4. – 2017. – С. 12– 16. DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-4-12-16.

14. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь: Россия: история и культура / А.М. Панченко. – Санкт-Петербург: Изд-во журн. «Звезда», 2005. – 543 с.

15. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М.: «Прогресс», 1968. – С. 534–562.

16. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. I. – М.: Изд-во Академии наук СССР, – 1963. – 384 с.

References

1. Nefedova E.A. O regionalnykh variantakh russkoi natsionalnoi kartiny mira [On regional versions of the Russian national picture of the world]. Iazyk i metod. Russkii iazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka [Language and method. Russian language in linguistic studies of the XXI century], Krakow, 2015. – Vol. 2. – Pp. 257-264.
2. Bekasova Elena N. Linguacultural Interactions in Orenburg Region. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2021 No. 14(10). – Pp. 1474-1485.
3. Myznikov S.A. Orenburgskaia leksika na stranitsakh «Slovaria russkikh narodnykh govorov» [Orenburg vocabulary on the pages of the Dictionary of Russian Folk Dialects]. Deviatye Moiseevskie chtenii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati kandidata filologicheskikh nauk, dotsenta Borisa Aleksandrovicha Moiseeva [Ninth Moiseev Readings: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of the candidate of philological sciences, associate professor Boris Alexandrovich Moiseev]. Orenburg, «Izdatelstvo Orenburgskaia kniga», 2025. – Pp. 3-7.
4. Bekasova E.N. Iazykovoe prostranstvo Orenburzhia. Monografiia [Language space of the Orenburg region. Monograph], 2022, Brno: TribunEU. – 254 p.
5. Bekasova E.N. Lingvisticheskoe kraevedenie Orenburzhia. Monografiia [Linguistic local history of the Orenburg region. Monograph], 2024, Moscow: MAKS Press. – 260 p.
6. Moiseev B.A. Orenburgskii oblastnoi slovar [Orenburg Regional Dictionary], 2019, Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo imeni G. P. Donkovtseva». – 516 p.
7. Malecha N.M. Slovar govorov uralskikh (iaitskikh) kazakov. V 4-kh t. [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks. In 4 volumes], 2002–2003, Orenburg: Orenburg Book Publishing House.
8. Abubakirova L.F. Dialektnoe izuchenie russkogo iazyka v Orenburgskom krae [Dialect study of the Russian language in the Orenburg Territory], 2011, Vestnik OGPU. – No. 4. – Pp. 17-24.
9. Myznikov S.A. O leksicheskikh osobennostiakh govora iaitskikh (uralskikh) kazakov [On the lexical features of the dialect of the Yaitsky (Ural) Cossacks]. Studies on Slavic dialectology. Slavic dialects in the modern language situation, 2018, M.: Institute of Slavic Studies. – Pp. 24-36.
10. Iakimov P.A. Russkie govory kak otzashenie natsionalnoi mentalnosti. Nauchno-populiarnoe izdanie [Russian dialects as a reflection of national mentality. Popular science publication], 2017, Orenburg: «Izdatelstvo «Orenburgskaia kniga». – 157 p.
11. Dal V.I. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo iazyka v 4-kh t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vol.], 2000, M.: Russian language. – Vol. 1. – 702 p.
12. Zelenin D.K. O govore orenburgskikh kazakov [On the dialect of the Orenburg Cossacks]. Russkii filologicheskii vestnik [Russian philological bulletin], 1905. – Vol. LVI. – No. 3-4. – Pp. 234–245.
13. Godovova E.V., Kobyтов P.S. Rybnyi promysel v povsednevnoi zhizni kazakov (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Fishing in the life of the Cossacks (second half of the XIX - beginning of the XX century)]. Vestnik samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia

[Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology], 2017. – Vol. 23. – No. 4. – Pp. 12-16. DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-4-12-16.

14. Panchenko A.M. Ia emigrioval v Drevniuiu Rus: Rossiia: istoriia i kultura [I emigrated to Ancient Russia: Russia: history and culture], 2005, Sankt-Peterburg: Izd-vo «Zvezda». – 543 p.

15. Martine A. Osnovy obshchei lingvistiki [Fundamentals of general linguistics]. Novoe v linvistike [New in linguistics], 1968, M.: «Progress». – Release 3. – Pp. 534-562.

16. Boduen de Kurtene I. A. Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu [Selected works on general linguistics], 1963, M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. – Vol. I. – 384 p.

**Бекасова Елена
Николаевна**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

**Bekasova Elena
Nikolaevna**

doctor of philology, associate professor, professor of the department of russian language and methods of teaching Russian, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia
bekasova@mail.ru

Научная статья

УДК 316.776.3:81`42:614.27(045)

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-24-33>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИСКУРС ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Наталья Ивановна Данилина¹, Лариса Петровна Прокофьева², Карина Михайловна Сальникова³

^{1,2,3}Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия

¹Danilina_ni@mail.ru

²prokofievalp@mail.ru

³i@ruslatkaf.ru

Аннотация. Статья представляет pilotное исследование языковых и внеязыковых средств, используемых для нахождения компромисса между целями рекламы и законодательными ограничениями. Материалом послужила печатная реклама непосредственно на упаковках лекарственных средств и БАДов, а также видеоролики на телевидении и в сети интернет. Показано, как требования закона «О рекламе» побуждают рекламистов к использованию языковых и внеязыковых средств косвенной коммуникации, преимущественно тропов. Отмечается, что тропеические приемы распространяются не только на текстовый, но и на визуальный компонент рекламы. Полученные результаты могут быть использованы при формировании маркетинговой стратегии нового лекарственного средства или БАДа.

Ключевые слова: реклама, косвенность в коммуникации, лекарственный препарат, стилистические средства

Для цитирования: Данилина Н.И., Прокофьева Л.П., Сальникова К.М. Дискурс фармацевтической рекламы в условиях правового регулирования: лингвистический инструментарий и прагматические стратегии // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 24-33. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-24-33>

Original article

THE DISCOURSE OF PHARMACEUTICAL ADVERTISING UNDER LEGAL REGULATION: LINGUISTIC TOOLS AND PRAGMATIC STRATEGIES

Natalya I. Danilina¹, Larisa P. Prokofyeva², Karina M. Salnikova³

^{1,2,3}Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia

¹Danilina_ni@mail.ru

²prokofievalp@mail.ru

³i@ruslatkaf.ru

Abstract. The article presents a pilot study of linguistic and extra-linguistic means used to find a compromise between advertising objectives and legislative restrictions. The material was printed advertisements directly on the packages of medicines and dietary supplements, as well as video clips on television and the Internet. It is shown how the requirements of the law “On Advertising” encourage advertisers to use linguistic and extra-linguistic means of indirect communication, mainly tropes. It is noted that tropeic techniques apply not only to the textual, but also to the visual component of advertising. The obtained results can be used in the formation of marketing strategy of a new drug or dietary supplement.

Keywords: advertising, indirectness in communication, medicinal product, stylistic devices

For citation: Danilina N.I., Prokofyeva L.P., Salnikova K.M. The discourse of pharmaceutical advertising under legal regulation: linguistic tools and pragmatic strategies, *Linguistics & education*, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 24-33. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-24-33>

Введение

Реклама является одним из наиболее эффективных каналов продвижения любого товара, что справедливо и для фармацевтики. Вместе с тем подобная деятельность в медицине обладает спецификой, которая «заставляет рассматривать влияние рекламы на людей не только с точки зрения коммерции, но и через призму общественной и личной безопасности граждан» [1, с. 44]. Поэтому оправданным представляется существование правил, на законодательном уровне регулирующих рекламу лекарств и медицинских услуг. Подобные ограничения в области медицины распространяются на все каналы продвижения, включая размещение в поисковых системах, социальных сетях и других сферах интернет-пространства; исключение делается лишь для специализированных медицинских и фармацевтических изданий и мероприятий [2]. Лингвистическая составляющая рекламы давно является предметом пристального внимания филологов, но исследование языка под призмой права и маркетинга позволяет внести новые штрихи как в теорию, так и прагматику фармацевтического образования в нашей стране. С этим связана необходимость данного междисциплинарного исследования.

Сущность любой рекламы заключается в привлечении внимания потребителя к объекту продвижения, для чего используется целый спектр разнообразных средств, лежащих в сферах психологии, логики, риторики, стилистики, невербальной коммуникации, в том числе и манипулятивного характера [3]. По законам маркетинга рекламой может быть даже само название (ср. понятие рекламного имени в ономастике) [4]. Также в поле языковых исследований попадает и рекламная функция названий лекарственных препаратов [5, 6]. Ограничения, накладываемые законодательством развитых стран на медицинскую рекламу, взаимоотношения между государством и big Pharma (термин, принятый для обозначения крупнейших мировых фармацевтических компаний, играющих значительную роль в здравоохранении и экономике) делают актуальным вопрос, какие из традиционных рекламных приемов допустимы и реально реализуются в медицинском дискурсе. Эта проблема может стать значимой для новых участников рынка производства фармпрепаратов, чтобы предотвратить возможные потери при продвижении нового лекарственного средства или БАДа.

Цель нашей работы – выявить языковые и внеязыковые средства, используемые для нахождения компромисса между целями рекламы и законодательными ограничениями.

Материал и методы

Материалом исследования явились примеры рекламы лекарственных препаратов на телевидении, в интернете, непосредственно на упаковках

лекарственных средств и БАДов – всего 105 единиц печатной рекламы и 15 минут аудио и видео. В работе использован синтез методов: лингвистический анализ текстов (дискурс-анализ, контент-анализ) применялся сквозь призму правовых ограничений, выявленных с помощью юридического анализа. Это позволило не просто описать язык рекламы, а объяснить, почему он именно такой, и выявить стратегии адаптации убеждающего сообщения к нормам закона.

Результаты

Законодательным регулятором рекламы лекарственных средств и медицинских услуг выступает статья 24 закона «О рекламе» [2]. На практике требования данной статьи соблюдаются не в равной мере. Так, в материале исследования не было замечено нарушений пп. 1.3 (запрет выражения персональных благодарностей), 1.4 (запрет ссылок на клинические исследования как доказательство преимуществ рекламируемого объекта), 1.8 (запрет гарантий безопасности и отсутствия побочных эффектов), 1.9 (запрет представления лекарственного средства как БАД), 1.10 (запрет подачи естественного происхождения лекарственного средства как гарантии его эффективности). Остальные пункты статьи не нарушаются рекламистами прямо, однако дискурсивный анализ демонстрирует наличие языковых средств проявления косвенных способов речевой манипуляции, а также невербальных компонентов, что позволяет обходить прописанные в законе ограничения, опираясь на способность ассоциативного мышления реципиента связывать имеющуюся информацию с невысказанной прямо и восполнять лакуны в изображенных ситуациях с помощью обобщенного опыта в рамках данной национально-социальной общности. Это умение находить косвенные средства для достижения своей цели, часто связанные с творческим использованием языковых ресурсов и выходом за рамки собственно языкового воздействия, мы называем креативностью в рекламе, в соответствии с общепринятым определением как способности индивида (в нашем случае создателя рекламы) к нахождению нестандартных решений.

Согласно п. 1.1 реклама не должна обращаться к несовершеннолетним. Однако в съемках рекламы лекарственных препаратов часто бывают задействованы дети. Цель такого рекламного хода – апелляция к традиционным ценностям реципиента, создание образа идеальной семьи. Социологические исследования показывают, что этот прием чаще всего применяется именно в фармацевтической рекламе [7, с. 17]. Изображения детей можно увидеть в рекламе таких препаратов, как Кардиомагнил (фото трех поколений семьи), Мирамистин, Називин, Цитомед, Антитоксин нано, Кудесан и др. (родители с детьми). Следует обратить внимание, что персонажи «семейной» рекламы всегда улыбаются, что косвенно обходит и п. 1.2 (запрет ссылок на случаи улучшения состояния здоровья в результате приема рекламируемого препарата), так как действует пресуппозицию, что у искренне улыбающегося человека все в порядке, в том числе со здоровьем.

Довольно часто к реализации семейной и детской темы подключаются лексические и грамматические средства («Бальзам Биттнера – здоровье нашей

семьи») или даже словообразовательные («Називин. Для носов и носиков»). В первом примере используется общезыковая грамматическая конструкция с нулевой связкой «что – это что», где форма глагола «быть, есть» имплицируется пунктуационным знаком тире в структуре предложения. Во втором примере диминутив, передающий субъективно-оценочное значение малого аффиксом, без труда связывается в сознании реципиента с ребенком, автоматически расширяя в сознании потребителя сферу использования рекламируемого средства.

Популярны у рекламистов также изображения персонажей «мультипликационного» типа. Они присутствуют не только в рекламе, но и на упаковках препаратов. Например, пингвиненок в шапочке (Анаферон), медвежонок со щитом (Витамишки), пожарные (Гевискон), корова (Аципол), вирусы и микробы (Деринат, Имудон) и др. Такая реклама, безусловно, имеет шансы привлечь внимание смотрящих телевизор детей, хотя и не обращена непосредственно к ним. С другой стороны, здесь можно видеть «психологическую отсылку» к детству в целях создания у взрослых положительного ассоциативного фона, что также служит одним из важных принципов эффективной рекламы.

Согласно п. 1.2, реклама не должна содержать ссылок на конкретные случаи выздоровления или улучшения состояния здоровья в результате использования рекламируемого препарата, а п. 1.5 запрещает выдвигать предположения о наличии у потребителя рекламы заболеваний или расстройств здоровья. Однако сам факт появления медицинской рекламы базируется на предположении, что в обществе, т.е. у ряда конкретных людей, имеется необходимость и потребность в лекарственном средстве того или иного действия. Очевидно, что такие симптомы как насморк, кашель, диарея, зуд, боли разного характера и локализации чаще или реже, но возникают у любого человека.

Разумеется, случаи выздоровления или снятия болезненных симптомов, изображаемые в рекламе, не называют потребителю имен пациентов (т.е. соответствуют прописанным в законе ограничениям), но с точки зрения восприятия рекламного текста эти случаи вполне конкретны, ведь в них показаны реальные люди (часто это известные актеры, спортсмены). Особенность выразительна в этом отношении телереклама, где ситуация излечения может быть передана исключительно невербальными средствами, а рекламным текстом служит лишь непосредственное название препарата. Достаточно вспомнить, сколько раз мы видели в рекламе людей, корчащихся от болей в животе, согнувшихся от радикулита, чихающих, с красными носами, слезящимися глазами, с укутанным горлом и т.п., а затем их же – легко дышащих, быстро бегущих, улыбающихся или танцующих. Строго говоря, все это не означает, что человек выздоровел, ведь возможно, что эффект был разовым и через некоторое время симптомы возобновятся, т.е. формально и здесь нет нарушения закона.

Запрет предполагать наличие у потребителя заболеваний или расстройств здоровья часто преодолевается вербальными или грамматическими средствами.

Лингвистически для этого достаточно небольшого эллипсиса или легко домысливаемой пресуппозиции. Например, «Если цистит – то Цистон» (пропущено «у тебя» и «прими»); «Цетрин. Помощь при аллергии в любое время года» (подразумевается наличие аллергии); «Холс. Простуда вас не остановит» (подразумевается наличие простуды); «АЦЦ. Попрощайтесь с мокротой». В качестве рекламного риторического средства встречаются вопросно-ответные единства, где вопрос представляет собой диагноз или симптом, ответ – название рекламируемого препарата: «Псориаз? Дайвобет»; «Изжога? Ренни превращает кислоту в воду»; «Проблемы с желудком? Маалокс надежно защитит ваш желудок».

Довольно часто симптомы могут даже не быть названы прямо. Для рекламы некоторых групп лекарственных средств типичным приемом выступает эвфемизация. Так, эвфемизмы используются в рекламе средств от диареи, грибковых заболеваний, нарушения потенции. Например, «Энтерофурил помогает сохранить ваше лицо!» (средство от диареи); «Если каждый день никак — принимайте Дюфалак» (слабительное); «Аципол — чтобы дискомфорт в кишечнике прошел!»; «Простамол. Просто будь мужчиной»; «Если больше, чем два раза, встаете ночью – Афалаза». Данный прием, известный со времен античной риторики, в данном случае устраниет чувство неловкости у потребителя. Обратим внимание, что наряду с понятными всем общеупотребительными словами используются термины и терминологические сочетания, которые являются способом маркетинговой стратегии по созданию высокой ценности рекламируемого объекта [8].

У создателей рекламы в активе использование информирования о симптоматическом действии препаратов. С медицинской точки зрения, перечень симптомов не может быть приравнен к наличию определенного диагноза (т.е. требования закона соблюдены), а с точки зрения лингвопрагматики, имеет место апелляция к рациональной сфере, что повышает статус потребителя в собственных глазах, создавая у него иллюзию самостоятельного анализа собственного здоровья и принятия решения о выборе препарата. Подобная «игра на повышение» считается в лингвопрагматике эффективным коммуникативным ходом и задействует манипулятивные техники. Например, «Детралекс эффективно устраняет симптомы: боль, тяжесть и усталость ног, замедляет ход болезни вен»; «Двухслойные таблетки Гевискон гасят изжогу и тяжесть с двух сторон»; «Максилак. Нормализует микрофлору кишечника. Укрепляет иммунитет. Улучшает пищеварение. Предупреждает запоры». Заметим, что перечень симптомов в медицинской рекламе выступает и средством языковой гиперболизации: препарат тем «лучше», чем большее количество симптомов способен устраниТЬ.

Сообщение о действии препарата часто подкрепляется специфическим видеорядом: демонстрируется система организма, в которой локализована патология (наличие воспаления обычно символизирует красная подсветка), затем изображается постепенное движение препарата по этой системе (соответственно исчезает красный цвет). Данный прием визуализации использован в рекламе средств Коделак Бронхо, Микразим, Тизин, Гевискон и

др. и нацелен на комплексное воздействие: с одной стороны, обращен к рациональной сфере потребителя (опирается на его знание анатомии), с другой – к подсознанию (цветовое решение и анимация). Подобные видео, по сути, метафорически изображают улучшение состояния здоровья (о чем закон запрещает говорить прямо).

В этой же связи популярен прием олицетворения, причем как на вербальном уровне, так и в сопутствующих тексту изображениях. Например, интернет-реклама Аципола: «А есть ли кто живой? Да! Мы! Живые лактобактерии» (вопрос задает корова во врачебной шапочке и с микроскопом, отвечают невидимые бактерии). Еще примеры: «Против вирусов отряд – спрей и капли Деринат!» (вирусы изображены в виде анимированных персонажей), «Инфекции горла, сдавайтесь!» (Имудон), «Трепещите, вирусы простуды и гриппа!» (Арбидол). В рекламе «Витамишек» препарат предстает в виде медвежонка со щитом, символизирующего защиту от вирусов и бактерий. Олицетворение болезни выступает не только языковым, но и психологическим приемом, создавая наглядный «образ врага» и имитируя ситуацию борьбы и победы. В виде анимированного персонажа может быть представлен пораженный орган, например, печень в видеорекламе препарата Резалют. Изображения больного органа часто присутствуют на упаковках препаратов (Мезим, Тримедат, Энзистал и др.).

То же в целом можно сказать и о намеренном выражении идеи гарантированного выздоровления: персонажи рекламы могут сообщать об улучшении своего состояния, а роль в этом рекламируемого препарата лишь подразумевается. Например: «Раньше на работе я переживала по любому поводу, боялась сделать что-то не так... За последний месяц моя жизнь изменилась. На работе я сконцентрирована и внимательна, все успеваю и обо всем помню» (название препарата Тенотен написано в рекламном поле, но персонаж его не произносит). Пример подхода, многократно усиливающего манипулятивность воздействия рекламы, представляет видеоклип с трансформацией популярной песни «На Титанике», в которой в повторяющемся припеве прямым текстом произносится название того же препарата, на видеокартинке демонстрируется его упаковка и имитируется прием таблетки различными персонажами видеоклипа. Здесь срабатывает эффект «узнавания» знакомой мелодии, ритмичный характер произносимых rhymeованных строк, яркий видеоряд, причем апогеем каждого повторяемого фрагмента становится название гомеопатического препарата (требования закона формально соблюдены в возникающей «бегущей строке» с номером лицензии и предусмотренным регламентом сопровождающим текстом). Используемый игровой прием активно используется, так как выявлено его несомненное маркетинговое воздействие [9]. В ходе данного исследования не изучалось использование медиийных лиц в подобной рекламе, но объем манипулятивного влияния показывает, что перед нами явный материал для возможных законодательных ограничений.

Очень часто в рекламе имеет место метонимическое смещение акцента с улучшения состояния здоровья, предположительно достигаемого вследствие применения препарата, на общее качество жизни и даже социальное

благополучие и статус потребителя. Создателям рекламы представляется недостаточной апелляция к здоровью, как ценности, слишком очевидной для медицинского дискурса, тем более что подобная апелляция ограничивается законом, а расширение ценостной палитры предстает в данном случае как креативный ход. Например: «Энергия сердца – удовольствие жизни!» (Кудесан), «Французская легкость ваших ног!» (Детралекс), «Лицо – на обложку!» (Лакто-фильтрум), «Дышать, чтобы чувствовать» (Виброцил), «Аллергия – не помеха на пути к успеху!» (Супрастинекс), «Эссенциале форте Н. Ничто не должно отвлекать от победы!» (в видеоряде идет игра в хоккей), «Климаксан. Негормональный препарат для гармоничной жизни» (дополнительно задействована парономазия, стилистический прием намеренного сближения в ближайшем контексте разных значений фонетически схожих слов), «Ты сильнее стресса» (Афобазол), «Большое будущее маленьких гениев» (Супрадин Кидс). Видеоряд, представляющий успешного, социально активного человека, не занятого непосредственно приемом лекарств, типичен для медицинской рекламы.

Довольно проблематичным выглядит требование закона не гарантировать эффективность рекламируемого средства. Разумеется, слово «гарантия» в рекламе можно опустить, но эффективность – весомый аргумент для потребителя, поэтому пренебречь им невозможно. На вербальном уровне сигналами эффективности становятся как само слово *эффективный*, так и выражения типа № 1 или «Хит домашней аптечки» (Мирамистин). Определение *современный* как показатель эффективности не частотно, хотя и встречается: «Современный антигистаминный препарат» (Лордестин), «Современное средство против дизбактериоза» (Линекс). Популярен у создателей рекламных текстов прием гиперболизации: «Тройная забота о вашей печени» (Эссенциале форте Н), «Двойной удар по кашлю!» (Гербион). Встречается противопоставительно-выделительная конструкция: «Кашель разный, а сироп – один!» (Стодаль), «Симптомов стресса много. Ново-Пассит такой один». Наши лингвистические наблюдения подтвердили работы представителей юридических компаний, занимающихся правоприменительной практикой в сфере рекламы лекарственных средств. Так, М. Борозова выделила список слов-триггеров, потенциально свидетельствующих о нарушении требований Закона о рекламе [10]: *эффективный, безопасный* и под. Как нам кажется, список этот может быть расширен на основании продолжения языкового анализа рекламного материала. Создание алгоритма, позволяющего избежать юридических и, как следствие, финансовых проблем в будущем, – потенциальная прикладная задача данного исследования.

Выводы

Анализ материала показал, что современная фармацевтическая реклама использует целый ряд языковых и внеязыковых средств, способных придать рекламному тексту выразительность и действенный эффект, а законодательные ограничения, скорее, побуждают создателей рекламы к поиску креативных решений в рамках приемов косвенной коммуникации. В аргументативно-психологическом аспекте происходит смещение ценностных акцентов с

личностных ценностей (здоровье) на социальные (семья, статус в обществе). В аргументативно-логическом аспекте запрещенное предположение о нездоровье потребителя заменяется описанием предназначения рекламируемого препарата, в плане языкового воплощения чаще всего сопровождаемое гиперболизацией и эвфемизацией. В жанровом аспекте решающую роль играет прием олицетворения, позволяющий перевести ситуацию оздоровления человека в события с неантропоморфными субъектами (больной орган, вирусы и т.п.). Для синтаксиса медицинской рекламы особенно характерна эллиптичность, которая опирается на способность реципиентов самостоятельно домысливать неназванное и позволяет рекламистам, оставаясь в рамках закона, продвигать идею эффективности рекламируемого средства и необходимости пользоваться им в определенных ситуациях. Отдельного исследования заслуживает выявленный в материале огромный потенциал использования фонетических средств всех уровней – от аллитерации и ассоциантов до рифмы любого типа.

Считаем, что, при создании нового лекарственного средства или биологически активных добавок необходимо уже на этапе определения маркетинговых стратегий продвижения средства изучать имеющийся законорегулирующий и законоприменительный опыт для выработки актуальной действенной методики и предупреждения возможных ограничений при ее использовании. Лингвистическое сопровождение в данном случае оказывает существенное влияние на восприятие потенциальной аудиторией создаваемого рекламного продукта, формирует его устойчивый образ, как вербальный, так и невербальный.

© Данилина Н.И., Прокофьева Л.П., Сальникова К.М., 2025

Список источников

1. Скрипко А.А., Фёдорова Н.В., Клименкова А.А. Информационные технологии в фармации. Ч. 3. Информация о товарах аптечного ассортимента. – Иркутск, 2020. – 76 с.
2. О рекламе. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/8fb3d05dbc778e17bfc1b45fb7339df525c1985/ (Дата обращения 20.11.2024).
3. Песоцкий Е. Современная реклама: Теория и практика. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 315с.
4. Крюкова И.В. Рекламное имя в массовом сознании носителей языка. // Медиалингвистика. – 2018. – №5(4). – Рр.471-484.
5. Данилина Н.И. Словообразование в фармацевтической терминологии (опыт системного изложения студентам-фармацевтам). // Классические языки в современном профессиональном образовании. – Казань, 2022. – С. 73-82.
6. Верхозина А.А., Другова Е. С. Особенности языка рекламы лекарственных препаратов и биологически активных добавок // Язык. Речь. Общество: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 28 апреля 2021 года. – Иркутск, 2021. – С. 15-21.
7. Кочемасова Л.А., Петряева Е.В. Социологическое исследование образа семьи в современной телевизионной рекламе. // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – (43). – С.14-21.
8. Вардзелашвили Ж.А., Прокофьева Л.П. Новый взгляд на проблему заимствований: языковая фрустрация vs маркетинговые стратегии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 117-130. –

9. Абдумуминов А. Привлечение знаменитостей для рекламы биологически активных добавок: проблемы, зарубежный опыт и рекомендации. URL: <https://imrs.uz/publications/articles-and-abstracts/bfq> (Дата обращения 15.01.2025)/
10. Борзова М. Новые старые тренды. Практика в сфере рекламы. // Ремедиум – 2023. – №1. – С. 68-71.

References

1. Skripko A.A., Fedorova N.V., Klimenkova A.A. Informacionnye tekhnologii v farmacii. CH. 3. Informaciya o tovarah aptechnogo assortimenta. [Information technologies in pharmacy. Vol. 3. Information about goods of pharmacy assortment]. – Irkutsk, 2020. – 76 p.
2. O reklame. Federal'nyj zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ (red. ot 08.08.2024). Konsul'tant Plyus. [On advertising. Federal law from 13.03.2006 № 38-FZ (ed. from 08.08.2024). Consultant Plus]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/8fbc3d05dbc778e17bf1b45fb7339df525c1985/ (date of access 20/11/2024).
3. Pesotsky E. Sovremennaya reklama: Teoriya i praktika. [Modern advertising: Theory and practice]. – Rostov n/D: Fenix, 2001. – 315p.
4. Kryukova I.V. Reklamnoe imya v massovom soznanii nositelej yazyka. [Advertising name in the mass consciousness of native speakers]. // Medialingvistika. – 2018. – 5(4)/ – Pp.471-484.
5. Danilina N.I. Word formation in pharmaceutical terminology (experience of systematic presentation to student-pharmacists). // Classical languages in modern professional education. – Kazan, 2022. – Pp. 73-82.
6. Verkhozina A. A., Drugova E. S. Osobennosti yazyka reklamy lekarstvennyh preparatov i biologicheski aktivnyh dobavok [Features of the language of advertising of medicines and biologically active additives]. // Yazyk. Rech'. Obshchestvo: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Language. Speech. Society: Materials of scientific and practical conference with international participation], Irkutsk, April 28, 2021. – Irkutsk, 2021. – Pp.15-21.
7. Kochemasova L.A., Petryaeva E.V. Sociologicheskoe issledovanie obraza sem'i v sovremennoj televizionnoj reklame. [Sociological study of the image of the family in modern television advertising]. // Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya. [Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history]. – 2014. – (43). – Pp.14-21.
8. Vardzelashvili Zh.A., Prokofyeva L.P. Novyy vzglyad na problemu zaimstvovaniy: yazykovaya frustratsiya vs marketingovyye strategii [A new perspective on the problem of borrowings: linguistic frustration vs. marketing strategies] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanije. [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics] – 2024. – V. 23, № 1. – Pp. 117-130. – DOI 10.15688/jvolsu2.2024.1.10.
9. Abdumuminov A. Attraction of celebrities for advertising of biologically active supplements: problems, foreign experience and recommendations. URL: <https://imrs.uz/publications/articles-and-abstracts/bfq> (date of access 15/01/2025).
10. Borzova M. Novye starye trendy. Praktika v sfere reklamy. [New old trends. Practice in the field of advertising]. // Remedium. – 2023. – №1. – Pp.68-71.

Данилина Наталия
Ивановна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия
Danilina_ni@mail.ru

**Danilina Natalya
Ivanovna**

doctor of philology, professor, department of Russian and Latin languages, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia
Danilina_ni@mail.ru

**Прокофьева Лариса
Петровна**

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия
prokofievalp@mail.ru

**Prokofyeva Larisa
Petrovna**

doctor of philology, associate professor, head of the department of Russian and Latin languages, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia
prokofievalp@mail.ru

**Сальникова Карина
Михайловна**

студент 2 курса Института фармации, профилактической медицины и биомедицины, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия
i@ruslatkaf.ru

**Salnikova Karina
Mikhailovna**

second-year student of the Institute of pharmacy, preventive medicine and biomedicine, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia
i@ruslatkaf.ru

Научная статья

УДК 81-2

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-34-42>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(французский)

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСА В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРИДАТОЧНЫМ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Елена Валентиновна Донченко

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

edontchenko@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена теме дальнейшего изучения выражения таксисных отношений в сложных предложениях с относительным придаточным и в составе многокомпонентных сложных предложений с последовательным подчинением. Целью данного исследования является выявление специфики выражения таксисных отношений, определяемых характером антецедента в главном предложении, структурой придаточного предложения, соотношением временной, видовой и лексической семантики глаголов в полипредикативном комплексе, включающем различные компоненты и типы синтаксической связи, что и определяет актуальность данного анализа.

Ключевые слова: антецедент, зависимый, независимый таксис, многокомпонентное сложное предложение, относительное местоимение, таксис, таксисные отношения, одновременность, предшествование, следование

Для цитирования: Донченко Е.В. Особенности выражения таксиса в сложноподчиненных предложениях с относительным придаточным в современном французском языке// Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 34-42. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-34-42>

Original article

FEATURES OF EXPRESSING TAXIS IN COMPLEX SENTENCES WITH A RELATIVE CLAUSE IN MODERN FRENCH

Elena V. Donchenko

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

edontchenko@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the topic of further studying the expression of taxis relations in complex sentences with a relative clause and in multi-component complex sentences with sequential subordination. The purpose of this study is to identify the specific expression of taxis relations determined by the nature of the antecedent in the main clause, the structure of the subordinate clause, the relationship between the temporal, aspectual, and lexical semantics of verbs in a polypredicative complex, including various components and types of syntactic connection, which determines the relevance of this analysis.

Keywords: antecedent, dependent, independent taxis, multi-component complex sentence, relative pronoun, taxis, taxis relations, simultaneity, precedence, following

For citation: Donchenko E.V. Features of expressing taxis in complex sentences with a relative clause in modern French, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 34-42. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-34-42>

Таксисные отношения характеризуются как временные отношения между действиями в рамках единого периода времени, охватывающего значения всех компонентов полипредикативного комплекса независимо от момента речи. Будучи категорией семантической, отражающей значения одновременности/предшествования/ следования действий между собой, эта категория по формальному выражению является синтаксической. Понятие таксиса включает сочетание разных типов предикатии и полипредикатии в сложных предложениях [1, с. 234]. В сложноподчиненных предложениях – это сочетание основной и вторичной предикатии в рамках целостного временного периода. Отнесенность действий полипредикативного комплекса, связанных временными отношениями, к одному временному периоду, является основным условием реализации таксиса [1, с. 238]. Употребление наклонения и временных форм в сложноподчиненном предложении с относительным придаточным определяется рядом критериев, одним из которых является выбор вводного слова. Относительное придаточное предложение может вводиться относительным местоимением или наречием: *qui, que, quoi, lequel, dont, où*, иногда союзом *que* или даже союзом *et*: Например: *Du temps que les bêtes parlaient. Les jours qu'il faisait beau. C'était un ivrogne, et qui jurait...* [2, с. 1322].

В отличие от союзов, вводящих придаточные предложения, относительные местоимения выполняют функцию номинализаторов глагольной синтагмы и служат, таким образом, важным средством распространения предложения путем введения нового глагола в личной форме.

В сложном предложении относительные придаточные предложения проявляют себя неоднозначно, выполняют функцию определения, но могут выступать и в роли субстантивных, дополнительных и даже обстоятельственных предложений: *O fortuné jeune homme, qui a trouvé Hommère pour célébrer ta vaillance!* [2, с. 1322] – *О как удалив тот молодой человек, что выбрал Гомера, чтобы прославить твою храбрость!* (Здесь и далее перевод наш – Е.Д.).

Если относительное местоимение или наречие не связано с антецедентом в главном предложении, то мы имеем дело с субстантивным придаточным предложением, например: *Qui vivra verra.* – *Поживем – увидим.* Связь относительного местоимения с антецедентом в главном предложении, за которым стоит придаточное, позволяет определить это придаточное как относительное предложение, например: *Tel qui rit vendredi dimanche pleurera.* – *Кто смеется в пятницу, в воскресенье заплачет.* Русский эквивалент поговорки: *Рано птишечка запела, как бы кошечка не съела.*

Относительные придаточные вносят дополнительную информацию и соотносятся с антецедентом главного предложения. Как известно, существует два вида относительных придаточных: определительные, или ограничительные и объяснительные. Определительные придаточные (*les relatives déterminatives*) являются неотъемлемой частью всего предложения, тесно связаны с ним по смыслу и синтаксически, они ограничивают содержание антецедента, например: *Il a rencontré une fille qui parle basque* [3, с. 85]. – *Он встретил девочку, которая говорила на баскском языке = говорящую на баскском языке.*

Объяснительные придаточные предложения (*les relatives explicatives*) вносят дополнительную информацию, уточнения, которые характеризуют антецедент, отделяются на письме запятыми и могут быть опущены без нарушения смысла: *Un chrétien, qui se doit d'être charitable, a le souci de son prochain* [4, с. 109]. –

Каждый христианин, который обязан быть милосердным, заботится о своих близких.

По мнению М. Гревиса, эти предложения вводятся чаще всего местоимениями *qui* или *lequel*. Некоторые из объяснительных предложений вводятся нейтральным местоимением *que*: *Insensé que je suis!* [2, с. 1324]. – *Какой же я безумец!*

М. Гревис выделяет третью категорию атрибутивных относительных придаточных, которые относятся либо к подлежащему, либо к дополнению главного предложения. Эти предложения употребляются после глаголов *être, rester, se trouver, se tenir, apercevoir, entendre, voir, regarder, sentir, découvrir* и других. Например: *Me voici qui attends le jour.* – *Вот я жду наступления дня.*

В некоторых восклицательных предложениях также встречаются относительные придаточные, которые используются почти как независимые: *Oh! Ce monsieur qui mange toute la baguette!* [2, с. 1325]. – *Ох, этот господин, который может съесть весь багет!*

Особенности выражения таксисных отношений в сложноподчиненных предложениях с относительным придаточным определяются широким выбором наклонений и временных форм. Глаголы придаточного предложения могут употребляться в изъявительном, сослагательном, условном наклонениях и даже в неопределенной форме. Изъявительное наклонение используется, если в придаточном предложении, даже после оборота, требующего *subjonctif* (сослагательного наклонения), выражено реальное действие, например: *On envoia un courrier qui annonça la victoire.* – *Был отправлен гонец, который и объявил о победе.* *C'est l'unique poste que vous pouvez remplir* [2, с. 1325]. – *Это единственная должность, которую вы можете занять.*

Время главного и придаточного предложений совпадает, выражая одновременность действий в рамках независимого таксиса. Продемонстрируем это в примере: *Les visites de Swann avaient été les dernières qu'elle avait reçues* [5, с. 207]. – *Сван был тогда последним, кого она еще принимала.*

В данном примере мы также можем констатировать одновременность действий зависимого таксиса в рамках одного временного периода.

Условное наклонение употребляется в придаточном предложении, в котором выражено гипотетическое действие: *Il n'est personne ici qui ne voudrait mourir pour lui* [6, с. 44]. – *Здесь нет никого, кто не хотел бы умереть за него!*

Довольно распространенное явление, когда глагол относительного придаточного предложения употреблен в *subjonctif*, если в придаточном предложении выражена цель, намерение или следствие какого-либо действия, как в следующем примере: *On envoia un courrier qui annonçât la victoire* [2, с. 1327]. – *Был отправлен гонец, который объявил бы о победе.*

Употребление *Imparfait du subjonctif*, как письменной формы сослагательного наклонения плана прошлого, в сочетании с *Passé simple* главного предложения, которые имеют одинаковую формальную базу, позволяет передать семантику одновременности действий в плане прошлого.

Характер антецедента также является определяющим фактором в выборе наклонения в придаточном относительном предложении. Если антецедент употреблен в превосходной степени или содержит прилагательное – *seul, premier, dernier, unique, suprême*, – употребляется *subjonctif*, который смягчает категоричность утверждения главного предложения и делает неактуальным значение одновременности /разновременности. Например: *C'est l'unique poste que vous puissiez remplir* [2, с. 1327]. – *Это единственная должность, которую вы можете занять.*

Сослагательное наклонение используется в относительных придаточных, если антецедентом в главном предложении является неопределенное прилагательное (местоимение) *tout* или другие неопределённые местоимения, а также после отрицания. Например: *Rien qui vaille.* – *Ничего стоящего. Il n'était jusqu'au dernier clerc aux écritures qui ne voulût se donner la mine d'un dignitaire* [2, с. 1327]. – *Не было в писании даже последнего священнослужителя, который не пытался бы представить себя высокопоставленным лицом.*

Глагол относительного предложения может быть и в неопределенной форме. Чаще всего, это модальный глагол (*pouvoir, devoir, falloir*), а предложение вводится относительным местоимением с предлогом или наречием *où*: *Aucun visage sur qui reposer ses yeux dans cette foule* [7, с. 57]. – *В толпе не было ни одного лица, на котором бы хотелось остановить взор.*

Как показывают примеры, использование в придаточном предложении сослагательного наклонения, инфинитива делает нерелевантными отношения одновременности/ разновременности.

Особый случай употребления относительного придаточного предложения имеет место, когда в составе многокомпонентного сложного предложения оно связано и подчиняет другое, субстантивное или дополнительное придаточное предложение, таким образом, что местоимение, вводящее это придаточное, зависит от глагола субстантивного предложения, как в следующих примерах: *Cet enfant sans parents, qu'elle dit qu'elle a vu* [2, с. 1329]. – *Это тот ребенок без родителей, которого она, по ее словам, видела. Ce fut la vengeance qu'on crut qu'un tel discours méritait.* – *Считалось, что подобная речь заслуживала мести. Pour vous le dire d'un mot, que je suppose, que vous allez comprendre* [8, с. 21]. – *Расскажу вам это в двух словах, которые, я полагаю, вы поймете. C'était l'homme que les autres imaginent que nous sommes.* [2, с. 1329]. – *Он был таким человеком, которым нас считают другие.*

Значительно более редки в современном французском языке примеры, когда два относительных предложения вводятся соответственно местоимением *que* и местоимением *qui*, например: *C'est une feuille qu'on dit qui paraît toutes les semaines.* – *Это листок, который, как говорят, выходит каждую неделю.*

Время глаголов совпадает, и это подчеркивается расширенным настоящим (*Présent non momentané*). М. Гривис рассматривает эти предложения

как сложноподчиненные с относительным придаточным и вводным предложением, которое встроено в структуру придаточного предложения. Следовательно, оно может быть трансформировано в конструкцию – *Une feuille qui – à ce qu'on dit – paraît*, где *à ce qu'on dit* – не что иное, как вводное предложение, которое вносит в семантику всего высказывания элемент субъективности, но не трактуется ученым как относительное придаточное. Вводное предложение может быть опущено, и это не повлияет на выбор временных форм главного и относительного придаточного предложений и в следующих примерах: *C'est une feuille (qu'on dit) qui paraît toutes les semaines. Malgré le mal (que personne ne peut contester) qui existe.* – Несмотря на то, что зло существует, и никто не может этого отрицать. *Cette rencontre assez étrange, (que vous dites) qui eût lieu ce matin.* – Эта довольно странная встреча, о которой вы говорите, произошла сегодня утром. *Pourtant c'est l'esprit et le génie de la France (qu'on sent) qui respire en ses toiles de Poussin* [2, с. 1329]. – Однако именно дух и гений Франции дышат в этих картинах Пуссена.

Употребленные в скобках вводные предложения также вводятся относительными местоимениями и могут трактоваться вместе с предложениями, вводимыми в данных примерах местоимением *qui*, как однородные придаточные относительные: *Malgré le mal que personne ne peut contester qui existe*.

К тому же, вводные предложения, как правило, отделяются запятыми, чего мы не наблюдаем в примерах М. Гревиса. В подобных предложениях также может использоваться вопросительное местоимение: *Qui crois-tu qui a fait cela?* [2, с. 1330]. – Кто, по-твоему, это сделал?

В предложениях типа – *Cet enfant que je dis que j'ai vu* – первое *que* – это относительное местоимение – прямое дополнение, вводящее относительное придаточное, тогда как второе *que* (*Que je dis que j'ai vu (=cet enfant)*) – это союз, вводящий дополнительное предложение *que j'ai vu*.

Как отмечает М. Гревис, в предложениях типа: *Une feuille qu'on dit qui paraît*, кажется, что слова *que* и *qui* поменялись местами. Однако в этих предложениях местоимение *que* – это нейтральное относительное местоимение без антецедента, которое вводит относительное придаточное, подобное случаям употребления предложений, которые можно трансформировать: *Il n'est pas venu, que je sache. Une feuille qu'on dit qu'il paraît = Une feuille qui – à ce qu'on dit – paraît*.

Ученые Ж. и Р. Лебидуа считают, что здесь речь идет о психологическом языковом факте, когда мозг нуждается в концентрации, и говорящий инстинктивно прибегает к комбинации двух элементов – союзов, но использует *qui* вместо *que* [8, с. 57]. Современный французский язык конструкциям – *Cet enfant que je dis que j'ai vu* и *Le mal que je dis qui me possède* – предпочитает инфинитивные обороты с местоимением *que* в роли подлежащего. Например: *Cet enfant que je dis avoir vu.* – Этот ребенок, которого, я говорю, что видела. *Le mal que je dis me posséder* [2, с. 1331]. – Зло, о котором я говорю, овладевает мной.

Предложение – *C'est une belle fleur que la rose* (Роза – прекрасный цветок) – может быть трансформировано следующим образом:

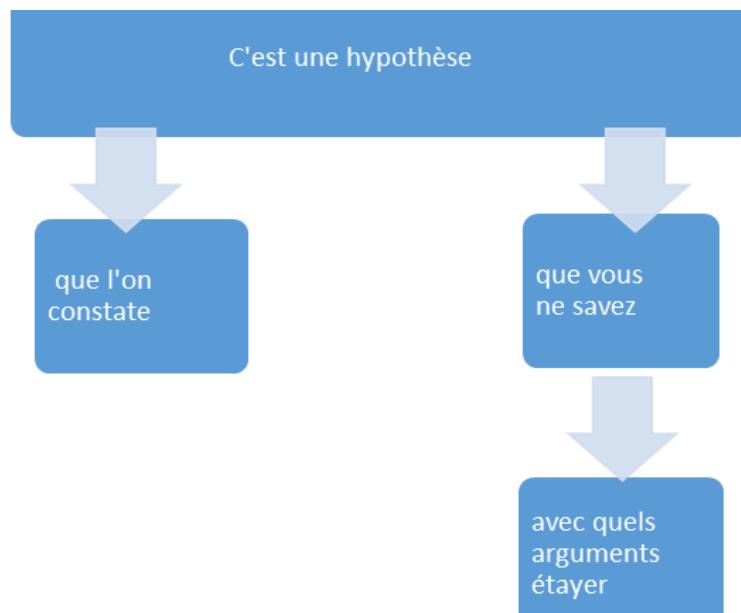
C'est une belle fleur que est la rose, где *que* – это относительное местоимение в роли именной части сказуемого, а относительное предложение, которое оно вводит, дополняет местоимение *ce* в роли подлежащего к предполагаемому глаголу-сказуемому *être*.

Как видим, структура сложноподчиненного предложения с относительным придаточным определяется ролью и характеристикой антецедента, относительного местоимения или наречия, вводящего придаточное предложение, и может быть осложнена наличием двойного подчинения. Присутствие антецедента в главном предложении многокомпонентной сложной синтаксической структуры делает более тесной связь между главным и придаточными и оказывает влияние на выбор наклонения и грамматических форм глаголов. Функционирование сложных предложений с подобным двойным подчинением во французском языке является объектом анализа ученых. В фундаментальном лингвистическом исследовании «*La syntaxe des relatives en français*» Даниэль Годар рассматривает предложения, в которых относительное придаточное является частью подчинительной конструкции, а категория относительности выражена в дополнительных предложениях [9, с. 54]: *C'est un problème auquel il me semble qu'on m'a dit que tu t'étais attaqué*. – Это проблема, которой, как мне сказали, ты уже занимался.

Д. Годар рассматривает эти предложения как сложные с двойным подчинением, в которых два относительных придаточных предложения имеют один общий антецедент в главном предложении [9, с. 74-83]. *C'est un problème lequel ? – qu'on m'a dit. C'est un problème lequel ? – auquel tu t'étais attaqué*.

Часть предложения – *il me semble* – это вводное предложение, которое не является придаточным и может быть опущено. Однако между двумя придаточными относительными тоже есть подчинительная связь: *on m'a dit quoi? – que tu t'étais attaqué!* Таким образом, второе придаточное предложение, будучи относительным в рамках сложного предложения, является дополнительным по отношению к первому придаточному, выражает предшествование по отношению к первому и соответственно использует грамматическую форму *Plus-que-parfait*. Автор приводит и другие, не менее интересные, примеры: *C'est une hypothèse que l'on constate que vous ne savez avec quels arguments étayer*. – Это гипотеза, которую, как мы видим, вы не знаете, какими аргументами подкрепить.

В данном примере в главном предложении – *C'est une hypothèse* – существительное *une hypothèse* является антецедентом первого относительного придаточного, содержание которого представляет собой тему и отсылает читателя к источнику данной информации, – *que l'on constate* – и второго относительного придаточного – *que vous ne savez*, – представляющего рему и имеющего дополнительное придаточное *avec quels arguments étayer* (Рис.1).

Как видно, синтаксически они являются однородными относительными придаточными, но семантически содержание второго придаточного предложения обусловлено содержанием первого, и оно не может быть употреблено без первого придаточного. Опущение первого придаточного предложения синтаксически возможно, но это приведет к изменению смысла предложения (*C'est une hypothèse que vous ne savez avec quels arguments étayer*). Опущение второго придаточного предложения вовсе невозможно, так как в этом случае предложение теряет смысл (**C'est une hypothèse que l'on constate*). К тому же синтаксически они тоже взаимосвязаны: второе предложение по отношению к первому выполняет функцию дополнения (*on constate quoi? – que vous ne savez – (quoi?) – avec quels arguments étayer*). Второе относительное придаточное предложение также имеет придаточное дополнительное. Таким образом, это предложение с двойным подчинением представляют собой уникальную структуру, где одно из придаточных относительных встроено в состав другого относительного придаточного, синтаксически подчинено и придаточному, и главному. В качестве глаголов первого придаточного выступают обороты или глаголы суждения: *il est vrai, faux, juste, bon, mauvais, normal, étrange, bizarre, comme on dit, on constate*. Д. Годар называет их «*verbes-ponts*» (глаголы-мосты) [9, с. 83]. Употребление всех глаголов в настоящем времени (*Présent*) свидетельствует о нерелевантности временных соотношений между глаголами главного и придаточных предложений.

Автор приводит целую серию подобных примеров сложных предложений с двойным подчинением, когда придаточные предложения вводятся относительным местоимением *que*, а подчинение усилено употреблением *subjonctif*. Каждое из относительных придаточных предложений подчиняет себе придаточное дополнительное предложение: *Une quantité de jouets qu'il est dommage qu'elle ne sache pas à qui donner. – Солько игрушек, что она не знает, кому их отдать. Une quantité de jouets – lesquels? – qu'il est dommage... Une quantité de jouets – lesquels ? qu'elle ne sache pas... Elle ne sache – quoi ? – à qui donner. Une attaque, à laquelle on constate que notre journal ne sait toujours*

pas quels arguments opposer. – Нападки, которым, как мы видим, наша газета до сих пор не знает, какие аргументы противопоставить.

Сказуемое первого придаточного предложения содержит оценку действия следующего придаточного предложения, оспаривает достоверность представленных в нем действий или фактов и может быть выражено глаголами: *désirer, apprécier, regretter, croire*, то есть глаголами чувств, в настоящем времени, что способствует выражению таксисных отношений одновременности в рамках единого временного отрезка.

Выводы

Анализ сложноподчиненных предложений и многокомпонентных сложных предложений с последовательным подчинением позволил выявить сложный тип временной связи между действиями нескольких предложений, которые содержат дополнительные смысловые оттенки, оказывающие влияние на выбор временных форм и наклонений. Частое употребление *Subjonctif* в придаточных предложениях подчеркивает подчинительный характер связи между действиями и выводит эту связь за пределы временных отношений, так как делает их нерелевантными. Анализ нескольких многокомпонентных сложных предложений показал многообразие подчинительной связи в подобных предложениях, но определяющей является атрибутивная связь между главным и придаточными, а таксисные отношения устанавливались лишь в тех случаях, когда эти действия были объединены целостностью временного периода. С реализацией таксисной функции связаны вопросы взаимодействия грамматического значения морфологических глагольных форм главного и придаточных предложений, взаимосвязи конструктивных свойств относительных местоимений с лексическим значением глаголов-сказуемых, характера семантических отношений между ними. Особый тип осложненных временных отношений между действиями полипредикативного комплекса образуется там, где аспектуально-таксисные отношения включают модальные элементы, среди которых сослагательное наклонение, вводные предложения, последовательное подчинение, анализ взаимодействия которых углубляет понимание сложных морфологических форм глаголов и расширяет возможности их функционирования.

© Донченко Е.В., 2025

Список источников

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. – М.: Едиториал УРСС, 2017. – 352с.
2. Grevisse M. Le bon usage. – P. : Duculot, 1980. – 1520 p.
3. Dontchenko E. L'ordre temporel dans une phrase à subordonnée relative en français et en russe / I. Novakova, E. Dontchenko // Grammaire et lexique. Regards croisés. – Maison d'édition de l'Université d'Astrakhan, ELLUG, Université Stendhal, Grenoble – 2010. – Pp. 75-93.
4. Fuchs C., Milner J. A propos des relatives. Paris, SELAF, 1979. – 123 p.
5. Proust M. Du côté de chez Swann, M. : Editions du progrès, 1970. – 436 p.
6. Kessel J. L'équipage, P. 1923. – 221 p.
7. Mauriac F. Thérèse Desqueyroux, M. : Editions du progrès, 1975. – 448 p.
8. Le Bidois G. Et R. Syntaxe du français moderne, Paris : Picard, 1967. – 770 p.
9. Godard D. La syntaxe des relatives en français. P. Éditions du CNRS, 1988. – 230 p.

References

1. Bondarko A.V. Teoriya funktsionalnoi grammatiki. – M.: Editorial URSS, 2017. – 352 s.
2. Grevisse M. Le bon usage. – P.: Duculot, 1980. – 1520 p.
3. Dontchenko E. L'ordre temporel dans une phrase à subordonnée relative en français et en russe / I. Novakova, E. Dontchenko // Grammaire et lexique. Regards croisés. – Maison d'édition de l'Université d'Astrakhan, ELLUG, Université Stendhal, Grenoble – 2010. – p. 75-93.
4. Fuchs C., Milner J. A propos des relatives. Paris, SELAF, 1979. – 123 p.
5. Proust M. Du côté de chez Swann, M.: Editions du progrès, 1970. – 436 p.
6. Kessel J. L'équipage, P.:1923. – 221 p.
7. Mauriac F. Thérèse Desqueyroux, M.: Editions du progrès, 1975. – 448 p.
8. Le Bidois G. Et R. Syntaxe du français moderne, Paris: Picard, 1967.–770 p.
9. Godard D. La syntaxe des relatives en français. P.: Éditions du CNRS, 1988, –230 p.

**Донченко Елена
Валентиновна**

доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, edontchenko@mail.ru

**Donchenko Elena
Valentinovna**

associate professor, candidate of philology, professor of the department of Romano-Germanic philology, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, edontchenko@mail.ru

Научная статья

УДК 81-2

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-43-54>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(английский)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ *PATCHWORKER* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Евгения Юрьевна Кислякова¹, Саня Ибрагимовна Маджаева²

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

¹evgenia.kislyakova2@yandex.ru

²sanya-madzhaeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению понятийной и образной составляющей семантики неологизма *patchworker* в современном английском языке. В результате применения семно-семасиологического и дискурсивного подходов к анализу данного и смежного с ним понятий было выявлено, что *patchworker* является одним из важных маркеров деловой конъюнктуры XXI века, и в своей семантике обнаруживает латентные признаки, обусловленные образностью его начальной формы, – разносторонность как уникальное деловое качество, открывающее возможности профессионального роста и сохранения заработка, более мотивированный подход к работе, приносящий удовлетворение в силу постоянной смены деятельности и ее содержания.

Ключевые слова: семая семасиология, неологизм, *patchworker*, латентный признак, образно-понятийное содержание, деловой дискурс

Для цитирования: Кислякова Е.Ю., Маджаева С.И. Семантическое содержание понятия *patchworker* в современном английском языке // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 43-54. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-43-54>

Original article

SEMANTICS OF THE NOTION *PATCHWORKER* IN CONTEMPORARY ENGLISH

Evgenia Y. Kislyakova¹, Sanya I. Madzhaeva²

¹Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia

²Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

¹evgenia.kislyakova2@yandex.ru

²sanya-madzhaeva@yandex.ru

Abstract. The article contemplates the imagery and semantic aspects of a *patchworker* as a neologism in contemporary English. As a result of the semasiological and discursive approach to the study of the notion and its associatives, it has been uncovered that a *patchworker* is one of the main important markers of the business structure in the XXI century, with such latent characteristics in its semantics that are specified by the imagery of its initial form as variability - a unique business quality, which enlarges the possibilities of career growth, and profit retention, as well as a more motivational attitude to work, ensuring more job satisfaction based on the constant change of activities and their content.

Keywords: semantic semasiology, neologism, *patchworker*, latent characteristic, imagery and semantics of the notion, business discourse

For citation: Kislyakova E.Y., Madzhaeva S.I. Semantics of the notion *patchworker* in

Введение

В современной лингвистической науке все больший интерес вызывают исследования языкового сознания, частными компонентами которого являются концепты и категории. В связи с этим изучение современных разножанровых текстов на предмет понимания различных концептов и категорий приобретает особое значение. Таким образом, **актуальность** заявленной проблемы заключается в её соответствии направлениям современных лингвистических изысканий.

Согласно работам таких ученых, как З.Д. Попова, И.А. Стернин, концепты и понятия, будучи дискретными содержательными единицами коллективного сознания, отражающими предмет реального или идеального мира и хранимых в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, представляют собой явление национального характера [1]. В связи с этим имеют место исследования конкретных концептов и понятий в различных лингвокультурах, например, в англоязычной.

Однако в связи со способностью понятий видоизменяться, т.е. терять часть своих компонентов и приобретать новые вследствие исторических и общественных трансформаций, в научных кругах встает вопрос об ограниченности понятий временными рамками и вертикальным контекстом эпохи.

Таким образом, с целью наиболее полного и точного изучения лингвокультурного понятия *patchworker* необходимо не только ограничивать круг анализируемых текстовых источников, но также учитывать временные и социокультурные рамки их существования.

Цель данной статьи – выявление и описание семантики понятия *patchworker* как неологизма начала XXI века. Предметом научного анализа являются ментальные и языковые основания появления неологизма *patchworker*, используемого как родовое имя нового понятия, представляющего современный субъект экономической и социальной деятельности, и образованного в результате действия языкового механизма метафоризации.

Материалом исследования послужили деловые аналитические статьи и блоги, раскрывающие понятие *patchworker* и его образно-семантическое содержание.

В работе использовались следующие **методы**: описательный, дискурсивный, а также методы компонентно-семантического и контекстуального анализа.

Вертикальный контекст и его влияние на языковое функционирование понятия *patchworker*

Термин «вертикальный контекст» был впервые употреблен О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет в 1977 в статье «“Вертикальный контекст” как филологическая проблема». Исследователи определили данный термин как «историко-филологический контекст данного литературного произведения» [2].

В свою очередь, М.В. Вербицкая отмечает, что «вертикальный контекст» составляют «культурно-исторические, социальные, политические факты, реалии данной страны и эпохи, общий историко-филологический фон и литературно-общественная борьба эпохи, стилистические традиции и культурные аллюзии, т.е. информация общекультурного плана, объективно заложенная в литературном произведении, но как бы находящаяся за пределами текста как такового» [3].

Говоря о контекстах, следует также принимать во внимание коррелирующие понятия «горизонтальный контекст» и «вертикальный контекст». «Горизонтальный контекст» предъявляется читателю в тексте открыто в качестве непосредственного лингвистического окружения языковой единицы, движения авторской мысли, в то время как «вертикальный контекст» только подразумевается текстом.

Таким образом, можно заключить, что анализ «горизонтального контекста» как эксплицитной языковой составляющей авторского сообщения и анализ «вертикального контекста» как совокупности подразумевающихся фоновых знаний читателя имеют равное значение для полноценного исследования всех пластов информации, заложенной в тексте.

Понятие *patchworker* является одним из важных маркеров деловой конъюнктуры XXI века. Вертикальный контекст рассматриваемой временной эпохи включает следующие фоновые знания современного носителя языка: *economic decline, price rise, market instability, self-employment, non-standard business decisions, work-life balance* и др. Данные факторы играют определяющую роль в семантизации неологизма *patchworker*, о чем подробнее будет сказано в следующих разделах статьи.

Лексикографическое описание понятия *patchworker* в современном английском языке

Предметом лексико-семантического анализа в данной статье является лексема *patchworker*, которую мы классифицируем как неологизм, поскольку он создан для обозначения нового понятия англоязычной картины мира, связанного с трудовой деятельностью в современных меняющихся экономических условиях. Доказательством того, что анализируемая лексема представляет собой неологизм, выступает и тот факт, что оно не зафиксировано ни одним из лексикографических источников, кроме онлайн словаря *Urban Dictionary*, известного своей направленностью на сиюминутную фиксацию новых слов и понятий. Кроме этого, *patchworker* не имеет фиксированного перевода на русский язык и может быть только транслитерировано – пэтчворкер.

Так, вышеупомянутый словарь определяет лексему *patchworker* следующим образом: *patchworker – one of an increasing number of people unable to find full-time employment, and who resort to taking many part-time jobs without benefits.*

"Yeah I just got my master's degree but I'll probably still be a patchworker when I'm 30" [4]. («Да, я только что получил степень магистра, но, вероятно,

до 30 лет так и не буду иметь постоянного места работы» – здесь и далее перевод наш – Е.К., С.М.).

Поскольку семасиология рассматривает значение как многокомпонентную структуру, состоящую из ряда минимальных значимых единиц – сем, то считаем целесообразным выделить интегральные и дифференциальные семы в содержании *patchworker* и смежных с ним понятий.

Синонимами слова *patchworker* являются *freelancer*, *self-employed*, *out-of-house*, *independent*, *temporary*, *consulting* [5].

Ниже представлена семантизация каждого из них:

1) “*freelancer* – someone who does particular pieces of work for different organisations, rather than working all the time for a single organisation: *The firm employs several freelances*”;

2) “*self-employed* – not working for an employer but finding work for yourself or having your own business: *a self-employed roofer / Do you pay less tax if you're self-employed?*”;

3) “*out-of-house* – if an employee of a company works out of house, they work from home rather than in the offices of that company: *Many of our project team-members are based out of house*”;

4) “*independent* – not influenced or controlled by other people but free to make your own decisions. Например, *an independent contractor* – a person who agrees to do a particular job for someone else for an agreed amount of money but who is not an employee: *She used to be on staff, but now she's an independent contractor*”;

5) “*temporary* – a temporary worker is employed only for a short period of time:

The temporary team will be looking among relevant executives”;

6) “*consulting* – the activity or business of giving expert advice about a particular subject: *This is an introductory course for graduates who are considering a career in consulting; a consulting business/company/firm*”;

7) *financial/IT/management, etc. consulting*: *Management consulting helps the world's leading organizations become even more effective*” [6].

В качестве интегральных сем в значениях вышеуказанных лексем, включая *patchworker*, можно выделить следующие: ‘*employment/work/job/business*’, ‘*part-time/temporary/for a short time*’. Данные семы указывают на общность номинативных понятий, относящихся к сфере бизнеса, трудовой занятости, а также непродолжительности такой деятельности.

Дифференциальные семы неологизма *patchworker* выявляются в сопоставительном анализе набора сем его синонимов. В результате можно выделить следующие отличительные семантические признаки: ‘*increasing number of people*’, ‘*unable to find full time employment*’, ‘*part-time jobs*’, ‘*without benefit*’.

Таким образом, *patchworker* характеризуется как лицо, относящееся к возрастающей категории людей, лишенных постоянной работы на полную занятость и вынужденных выполнять различные задания в рамках неполной нагрузки, не имея при этом никаких социальных гарантий. Данная

семантизация представляет собой понятийное содержание неологизма *patchworker*.

Рассмотрим образное содержание анализируемой лексемы. При анализе морфемного строения слова *patchworker* выделяется основа *patchwork*, представляющая собой отдельную лексему в системе современного английского языка, содержание которой может быть определено с помощью целого ряда академических словарей. Это позволяет выявить мотивирующую основу для понятийного содержания, а также образной составляющей лексемы *patchworker*. Для этой цели рассмотрим значение слова *patchwork*.

В Кэмбриджском словаре приводятся следующие дефиниции этого слова:

- 1) “cloth made by sewing together a lot of smaller pieces of cloth with different patterns and colours, or the activity of doing this: *a patchwork quilt/jacket / The old lady sat in the corner doing patchwork*”;
- 2) “a mixture of different things: *We looked out of the aircraft window down onto the patchwork of fields below*” [6].

Кроме этого, в процитированном словаре приводится целый ряд узульных употреблений слова *patchwork*, в которых превалируют представленные ниже семантические признаки:

- 1) ‘разногласия’ (*Alternatively, or in addition, the idea is that, given the circumstances, it is in some sense better to stitch together these patchworks than use theories of justice directly*);
- 2) ‘сочетание’ (*Riemannian space-time is a patchwork of such regions*);
- 3) ‘вкрапление, добавление’ (*Political instability, and even civil war, do not interfere with such forms of sovereignty, partly due to the patchwork of private security offered to enclaves*);
- 4) ‘сборка’ (*The text of the chant is a patchwork*);
- 5) ‘путаница’ (*On the other hand, a brief examination of the licensing policies suggests a patchwork of strategies offering customers little logic or coherence*);
- 6) ‘разнообразие, обилие’ (*Imagine that a government is gradually introducing a patchwork of tax credits*);
- 7) ‘мозаичность’ (*The resulting patchwork approach achieves optimization at the local level, but ignores benefits gained by taking a system level view*) [6].

Можно сделать вывод о том, что понятийное содержание исследуемого неологизма *patchworker* конкретизируется образно-ассоциативными признаками, заложенными во внутренней форме основы *patchwork*. Это позволяет создать уточненный семантический портрет современного человека, работающего в качестве фрилансера: его профессиональная сфера может быть хаотичной, неупорядоченной, с разнообразным выбором деятельности, сочетающей применение неоднородных, разноплановых умений, которые он должен встраивать в свои базовые компетенции и гибко их варьировать. Данные семантические признаки могут быть конкретизированы в текстовом (авторском) употреблении изучаемого понятия, поэтому обратимся к анализу дискурсивных особенностей реализации значений слова *patchworker* в следующем разделе.

Дискурсивный анализ понятийного и образного содержания *patchworker*

За два последних десятилетия ученые признали деловой дискурс самостоятельной отраслью дискурсивных исследований. Сегодня под деловым дискурсом понимается текстуализированное общение, которое конструируется коммуникантами в ходе выполнения своих каждодневных обязанностей, решения деловых вопросов и пр. [7].

В настоящее время выделяют следующие основные значения делового дискурса: 1) официальный, административно-институциональный деловой дискурс; 2) деловой дискурс как речевая практика определенной сферы; 3) деловой дискурс как *business communication* [7]. В нашем исследовании мы будем понимать деловой дискурс в его втором значении, рассматривая тексты таких жанров, как блоги и аналитические статьи, в которых изучается и аргументируется природа нового явления в бизнес-среде – *patchworking*. В данном материале нас будет интересовать смысловое наполнение (уточнение, расширение понятийной составляющей за счет контекстуальных смыслов) неологизма *patchworker*.

Рассмотрим следующий пример:

In the book 'The 9-to-5 Cure,' author and career coach Dr. Kristin Cardinale argues that "traditional, full-time jobs aren't everything they're cracked up to be."

So what's the solution? Freelancing, except apparently Cardinale calls it "patchworking." In her words, the Patchwork Principle is "a freelance career strategy based on the simple idea that working for a number of employers simultaneously presents unique business opportunities and insulates an individual from sudden and total job loss. In short, enjoyable work in abundance is the signature of this business model" [8]. (В книге «Лекарство от работы с 9 до 5» писательница и карьерный коуч доктор Кристин Кардинале утверждает, что «традиционная работа на полную ставку – это не совсем то, чем её представляют». Так в чём же решение? Фриланс, хотя Кардинале, похоже, называет его «лоскутным шитьём». По её словам, «принцип лоскутного шитья» – это «карьерная стратегия фрилансера, основанная на простой идее: одновременная работа на нескольких работодателей открывает уникальные бизнес-возможности и защищает человека от внезапной и полной потери работы. Короче говоря, приятная работа в изобилии – отличительная черта этой бизнес-модели»).

В представленном фрагменте неологизм *patchworker* отождествляется с фрилансером (*Freelancing, except apparently Cardinale calls it "patchworking"*), приоритетом которого становится поиск нескольких источников дохода с целью обеспечить себя гарантированным заработка в случае потери одной из работ. Данный контекст раскрывает необходимость такой «профессиональной пестроты и мозаичности» благодаря теме и проблеме делового дискурса – предложение способа решения текущих проблем безработицы, выгорания, дестабилизации в рыночной экономике.

В результате, слово *patchworker* обнаруживает латентный признак, обусловленный образностью его начальной формы, – разносторонность как уникальное деловое качество, открывающее возможности профессионального

роста и сохранения заработка (*unique business opportunities and insulates an individual from sudden and total job loss*). Кроме этого, подход к работе в стиле *patchworking* является более мотивирующим, приносящим удовлетворение в силу постоянной смены деятельности и ее содержания (*enjoyable work in abundance*).

В современной бизнес-среде концепция пэтчворкинга становится настолько серьезной, что приобретает статус карьерной деятельности. В подтверждение этому приведем следующий пример:

Legal careers are evolving and now there are more options than ever available to lawyers starting out on their own paths. Something that is growing in popularity is a 'patchwork' career. If you were to ask someone from 30 years ago what a patchwork career was, they would probably look at you very blankly. In fact, if you asked someone today, I think you'd still get a blank face from most people. Something to do with upholstery? Guess again [9]. (Юридическая карьера развивается, и сейчас юристам, начинающим свой путь, доступно большие возможностей, чем когда-либо. Всё большую популярность набирает карьера в стиле «лоскутного шитья». Если бы вы спросили кого-то 30 лет назад, что такое карьера в стиле «лоскутного шитья», он, вероятно, посмотрел бы на вас совершенно равнодушно. Более того, если бы вы спросили кого-то сегодня, думаю, большинство людей всё ещё остались бы равнодушными. Что-то связанное с обивкой? Угадайте ещё раз).

В данном текстовом фрагменте имеет место метафорическое сравнение пэтчворкинга с работой мастера по обивке мебели (*something to do with upholstery*), т.к. английское слово *patchwork* имеет значение «лоскутного одеяла». Такое сравнение указывает на денотативную неопределенность понятия *patchworking* в современном английском языке.

В процитированной выше статье наблюдается попытка дать определение понятию *patchworking*:

Deloitte recently described a patchwork career as a way to "break up the 40-year career into a personalised patchwork of different jobs and projects. Workers are motivated more by project-based work that advances their knowledge and less by linear pathways dedicated to a single career."

It's a new concept, but if you were to ask the question 30 years from now, I'm confident that people would know exactly what you meant. It might have a different name – a jigsaw career or a jumble career, but in principle it's a freelance career path where you choose to work simultaneously for several employers. The often-talked-about gig economy is a step toward this model – it typically features people completing short term assignments for an employer before moving on. It's been a proven model in many industries for years now and we know that it's a viable and attractive career path for legal professionals these days, too [9] (Недавно Deloitte описала «лоскутную карьеру» как способ «разбить 40-летнюю карьеру на персонализированное «лоскутное одеяло» из различных работ и проектов. Сотрудников больше мотивирует работа над проектами, расширяющая их знания, а не линейный путь, посвященный одной карьере»).

Это новая концепция, но, если бы вы задали этот вопрос через 30 лет, я уверен, что люди бы точно поняли, что вы имели в виду. Возможно, у неё другое название – «мозаичная карьера» или «карьера-мешок», но, по сути, это карьерный путь фрилансера, где вы выбираете работу одновременно на нескольких работодателей. Часто обсуждаемая гиг-экономика – шаг к этой модели: обычно она предполагает, что люди выполняют краткосрочные задания для работодателя, прежде чем перейти к другому. Эта модель уже много лет зарекомендовала себя во многих отраслях, и мы знаем, что это жизнеспособный и привлекательный карьерный путь и для юристов в наши дни).

Основными дискурсивными смыслами выступают ‘многозадачность’ (*short term assignments*), ‘сотрудничество с несколькими работодателями’ (*work simultaneously for several employers*), ‘непредсказуемость, зигзагность, ребусность’ (*a jigsaw career or a jumble career*), ‘проектность, ограниченность рыночным запросом’ (*gig economy*).

В деловом дискурсе раскрываются основные характеристики карьеры в стиле *patchworking*:

I would suggest that there are a few attributes needed though to make it in a patchwork career.

- **Connections and networking** – to supply enough work, it will be important to have contacts and links into a range of organisations. That ability to drive your own business will be crucial.

- **Discipline** – there will no doubt be a wealth of temptations when planning a day. Walk the dog, nip to the shops, head to the gym, watch just one more episode of your favourite Netflix programme; the focus required to work a sensible amount of hours will be critical to ensure the mortgage gets paid at the end of the month!

- **Changing direction** – in addition to multitasking and prioritising skills which are important, I think that ability to switch focus from one client to another is even more essential; or maybe even complete further training if industry changes are swinging toward a different path than yours...

So, the next time you hear about a patchwork career, maybe you'll answer with conviction as you talk about its viability as an attractive career option. You may even find yourself or others you know working in this manner in the very near future [9]. (Однако для успешной карьеры пэчворкера необходимо обладать некоторыми качествами.

Связи и нетворкинг – чтобы обеспечить себя работой, важно иметь контакты и связи в различных организациях. Умение управлять собственным бизнесом будет иметь решающее значение.

Дисциплина – при планировании дня, несомненно, будет множество соблазнов. Выгулять собаку, сбегать по магазинам, сходить в спортзал, посмотреть ещё одну серию любимого сериала на Netflix; концентрация внимания, необходимая для работы разумное количество часов, будет критически важна для погашения ипотеки в конце месяца!

Смена направления – помимо навыков многозадачности и расстановки приоритетов, которые важны, я думаю, ещё более важна способность

переключаться с одного клиента на другого; или, возможно, даже пройти дополнительное обучение, если изменения в отрасли меняются в сторону, отличную от вашей...

Итак, в следующий раз, когда вы услышите о карьере пэчворкера, возможно, вы с уверенностью ответите, говоря о её перспективности как привлекательного варианта карьерного роста. В самом ближайшем будущем вы, возможно, обнаружите, что сами или кто-то из ваших знакомых работает таким образом).

Приведенный фрагмент раскрывает следующие дискурсивно значимые смысловые признаки: ‘поддержание контактов и связей’ (*contacts and links*), ‘дисциплина’ (*planning a day*), ‘правильный баланс работы и личной жизни’ (*the focus required to work a sensible amount of hours*), ‘расстановка приоритетов’ (*prioritising*), ‘переключение внимания с одного клиента на другого’ (*switch focus from one client to another*), ‘гибкая смена рабочих навыков’ (*further training*), ‘привлекательность’ (*attractive career option*).

В заключение считаем целесообразным привести следующий фрагмент, раскрывающий различия между *patchworking* и *freelancing*:

Alternative term for a freelancer, reflecting the idea that freelance work allows the formation of multiple connections across companies and industries. [...]

Freelancing has been associated with gigonomics. Gigonomics is defined as a penny ante slog trying to just survive another day and piece it together. Freelancing has been depicted in a very negative light. It's a focus on desperation, and it's a myopic view of the landscape.

Carindale stated “‘The 9-to-5 Cure’ says that you can find enjoyable work in abundance,” and argued that freelancing (*patchworking*) is a more stable form of employment:

When you simultaneously work for a number of employers, you're able to make a connection with multiple companies, multiple decision makers, and, perhaps, in multiple fields or industries. If one of those jobs accounts for ten percent of your total workload and that job goes away, then you've only lost ten percent of your employment rather than if you lost one 9-to-5 job and you've lost 100 percent of your employment [10]. (Альтернативный термин для фрилансера, отражающий идею о том, что работа внештатным сотрудником позволяет устанавливать множество связей между компаниями и отраслями. [...]

Фриланс ассоциируется с гигономикой. Гигономика определяется как изнурительная работа за копейки, направленная на то, чтобы просто прожить ещё один день и собрать всё воедино. Фриланс часто изображается в крайне негативном свете. Он сосредоточен на отчаянии и представляет собой недальновидный взгляд на ситуацию.

Кариндейл заявил: «„Лекарство от работы с 9 до 5“ гласит, что можно найти много интересной работы», и утверждал, что фриланс (пэчворк) — более стабильная форма занятости:

Работая одновременно на нескольких работодателей, вы можете наладить связи с несколькими компаниями, несколькими лицами, принимающими решения, и, возможно, в нескольких областях или отраслях. Если одна из этих

работ составляет десять процентов от вашей общей рабочей нагрузки и эта работа исчезает, то вы теряете только десять процентов своей занятости, в отличие от ситуации, когда вы теряете одну работу с 9 до 5 и теряете 100 процентов своей занятости).

Как видно из приведенного примера, фрилэнсинг оценивается негативно, т.к. такой вид дохода не дает уверенности в завтрашнем дне и представляется посредством метафоры «близорукий подход» к имеющимся возможностям рынка. Пэтчворкинг, совмещающий в себе работу в разных сферах, позволяет сохранить долю дохода даже в случае потери работы на одном из направлений. Следовательно, понятие *patchworking* коннотирует преимущественно положительные смыслы, образы и оценки.

Заключение

Неологизм *patchworker* является одним из важных маркеров деловой конъюнктуры XXI века. Вертикальный контекст данной временной эпохи включает определенные фоновые знания современного носителя языка, например, экономический спад, рост цен, нестабильность рынка, самозанятость, необходимость нестандартных бизнес-решений, *work-life balance* и др. Перечисленные факторы играют определяющую роль в семантизации неологизма *patchworker*.

Понятие *patchworker* обнаруживает латентный признак, обусловленный образностью начальной формы обозначающей его лексемы (*patchwork*), – разносторонность как уникальное деловое качество, открывающее возможности профессионального роста и сохранения заработка (*unique business opportunities and insulates an individual from sudden and total job loss*). Кроме этого, подход к работе в стиле *patchworking* является более мотивирующим, приносящим удовлетворение в силу постоянной смены деятельности и ее содержания (*enjoyable work in abundance*).

Семантика рассмотренного неологизма, в сравнении с другими лексемами синонимического ряда, как показано в статье, наиболее точно отражает содержание нового понятия в его логическом (понятийном) и образном аспектах.

Перспективами данного исследования можно обозначить следующие аспекты:

- 1) необходимо изучение способов адекватного перевода неологизма *patchworker*;
- 2) представляет интерес описание национально-культурной специфики данного неологизма как формирующегося термина [11];
- 3) требует лингвистического обоснования переход данного неологизма в разряд термина в деловом дискурсе в силу его активного употребления в текстах бизнес-аналитиков и блогеров.

© Кислякова Е.Ю., Маджаева С.И., 2025

Список источников

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – С. 3-5.

2. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. "Вертикальный контекст" как филологическая проблема // Вопросы языкоznания. – М.: Наука, 1977. № 3. – С. 47-54.
3. Вербицкая М. В. Филологические основы литературной пародии и пародирования (на материале совр. англ. яз.). Автореф. дис.... канд. филол. наук.: 10.02.04. – М.: МГУ. 1981. – 23 с.
4. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=patchworker> (дата обращения: 05.12.2024).
5. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/freelance> (дата обращения: 05.12.2024).
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 05.12.2024).
7. Стеблецова А.О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovoy-diskurs-i-ego-tipy-algoritm-diskursivnogo-analiza/viewer> (дата обращения: 03.12.2024).
8. Patchworking Is The New Freelancing? URL: <https://www.adweek.com/performance-marketing/patchworking-is-the-new-freelancing/> (дата обращения: 05.12.2024).
9. Could you have a patchwork career? URL: <https://www.lawcareers.net/Explore/LCNSays/Could-you-have-a-patchwork-career> (дата обращения: 05.12.2024).
10. A Miscellany of modern words and phrases. URL: <https://archive.nytimes.com/schott.blogs.nytimes.com/2011/02/24/patchworker/#:~:text=Alternative%20term%20for%20a%20freelancer,connections%20across%20companies%20and%20industries> (дата обращения: 05.12.2024).
11. Голованова Е.И. Проблема обоснования национально-культурной маркированности терминов. *Лингвистика и образование*. 2025; 5(1). – С. 72-86. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-72-86>

References

1. Popova Z.D., Sternin I.A. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah. [The notion of concept in linguistic studies] – Voronezh: Izd-vo VGU, 1999. – С. 3-5.
2. Ahmanova O.S., Gyubbenet I. V. \"Vertikal'nyj kontekst\" kak filologicheskaya problema. [Vertical context as a philological issue]. Voprosy yazykoznaniya. [Issues of Linguistics]. – М.: Nauka, 1977. № 3. – С. 47-54.
3. Verbickaya M.V. Filologicheskie osnovy literaturnoj parodii i parodirovaniya (na materiale sovr. angl. yaz.). [Philological grounds of literary parody (on contemporary English language)]. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk.: 10.02.04. – М.: MGU. 1981. – 23s.
4. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=patchworker> (accessed: 05.12.2024).
5. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/freelance> (accessed: 05.12.2024).
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (accessed: 05.12.2024).
7. Steblecova A.O. Delovoj diskurs i ego tipy: algoritm diskursivnogo analiza. [Business discourse and its types: algorythms of discourse analysis]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovoy-diskurs-i-ego-tipy-algoritm-diskursivnogo-analiza/viewer> (accessed: 03.12.2024).
8. Patchworking Is The New Freelancing? URL: <https://www.adweek.com/performance-marketing/patchworking-is-the-new-freelancing/> (accessed: 05.12.2024).

9. Could you have a patchwork career? URL:
<https://www.lawcareers.net/Explore/LCNSays/Could-you-have-a-patchwork-career> (accessed: 05.12.2024).

10. A Miscellany of modern words and phrases. URL:
<https://archive.nytimes.com/schott.blogs.nytimes.com/2011/02/24/patchworker/#:~:text=Alternative%20term%20for%20a%20freelancer,connections%20across%20companies%20and%20industries> (accessed: 05.12.2024).

11. Golovanova E.I. Problema obosnovaniya nacional'no-kul'turnoj markirovannosti terminov. Lingvistika i obrazovanie. 2025; 5(1). – S. 72-86. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-72-86>.

Кислякова Евгения Юрьевна	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgenia Yurievna	doctor of philology, associate professor, professor of the department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Маджаева Саня Ибрагимовна	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия sanya-madzhaeva@yandex.ru
Madzhaeva Sanya Ibragimovna	doctor of philology, professor, head of the department of Latin and foreign languages, Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia sanya-madzhaeva@yandex.ru

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-55-64>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(английский)

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наталья Михайловна Колоколова

Астраханский юридический колледж, г. Астрахань, Россия

nm_kolokolova@mail.ru

Аннотация. В условиях глобализации и быстрого научного прогресса современные научные дисциплины, в том числе география, испытывают значительное влияние англоязычных заимствований. Английский язык становится лингвомафранка в научном сообществе, и это приводит к активному проникновению английских терминов и понятий в национальные языки. Автор отмечает, что в географии, как одной из наиболее многообразных и комплексных наук, эта тенденция проявляется особенно ярко. География объединяет множество дисциплин, таких как физическая география, экономическая география и социальная география, каждая из которых имеет свои методы, подходы и терминологию при изучении пространственных явлений. Это разнообразие позволяет ученым исследовать различные аспекты взаимодействия человека и окружающей среды, что делает географию важной наукой для понимания глобальных процессов и проблем. В данной работе рассматривается влияние англоязычных заимствований на различные области географии, приводятся конкретные примеры, описываются причины заимствования и прогнозируются перспективы дальнейшего развития этого явления.

Ключевые слова: англоязычные заимствования, география, англоязычная терминология, международное сотрудничество, языковая адаптация, терминология, англизмы

Для цитирования: Колоколова Н.М. Роль англоязычных заимствований в развитии современной географической науки // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 55-64.
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-55-64>

Original article

THE ROLE OF ENGLISH-LANGUAGE BORROWINGS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN GEOGRAPHICAL SCIENCE

Natalia M. Kolokolova

Astrakhan Law College, Astrakhan, Russia

nm_kolokolova@mail.ru

Abstract. In the context of globalization and rapid scientific progress, modern scientific disciplines, including geography, are significantly influenced by English-language borrowings. English is becoming the lingua franca in the scientific community, and this leads to the active penetration of English terms and concepts into national languages. The author notes that in geography, as one of the most diverse and complex sciences, this trend is particularly evident. Geography encompasses a wide range of disciplines, such as physical geography, economic geography, and social geography, each with its own methods, approaches, and terminology for studying spatial phenomena. This diversity allows scientists to explore various aspects of human-environment interactions, making geography an important science for understanding global

processes and challenges. This paper examines the impact of English-language borrowings on various areas of geography, provides specific examples, describes the causes of borrowing and predicts the prospects for further development of this phenomenon.

Keywords: English-language borrowings, geography, English-language terminology, international cooperation, language adaptation, terminopathy, anglicisms

For citation: Kolokolova N.M. The role of english-language borrowings in the development of modern geographical science, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 55-64. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-55-64>

Введение

Современный этап интернационализации международных отношений, экономических, политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью, называемый «глобализацией» (от лат. *globus* – шар), очевидно, проявляется не только в активном развитии межгосударственных финансовых, торговых и производственных связях, расширении денежных, товарных и людских потоков, ускоренной адаптации социальных структур к динамичным экономическим процессам, становлении общего информационного пространства на базе новейших компьютерных технологий [1], но и в быстром научном прогрессе, развитии разнообразных современных научных дисциплин, а также в активном проникновении английских терминов и понятий в национальные языки. Сегодня английскому языку присвоен статус *lingua franca* – универсального международного языка-посредника [2].

Согласно В.А. Виноградову, *lingua franca* (от итал. *lingua franca* — франкский язык) – это функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов [3].

В географии, как в одной из самых разнообразных и многогранных наук, тенденция влияния англоязычных заимствований на терминологический аппарат в различных областях особенно заметна.

Цель и методы исследования

Целью исследования является изучение влияния англоязычных заимствований и их классификация в различных областях географии: физическая география, экономическая и социальная география, геоинформатика и картография, экологическая география, выявление причин заимствований в географических дисциплинах, а также прогноз перспектив дальнейшего развития этого явления.

В процессе исследования были задействованы следующие методы: описание, сравнительно-сопоставительный анализ, типология, синтез.

Полученные результаты и их обсуждение

Результатом проведенного исследования явилось следующее: 1) определены четыре основные причины иностранных заимствований в географическую терминологию русского языка; 2) рассмотренные англоязычные заимствования классифицированы по трём поддисциплинам географии; 3) прогнозируется развитие явления заимствования иностранной терминологии в русской географической науке.

Обсуждение полученных результатов предлагается начать с актуальности исследования англоязычных заимствований в географических специальностях, которая обусловлена, на наш взгляд, некоторыми факторами:

1. Глобализация и международное сотрудничество: в условиях растущего взаимосвязанного мира, географы всё чаще работают в многоязычных международных командах. Англоязычные термины помогают стандартизировать профессиональную лексику и облегчают обмен знаниями и технологиями между учеными из разных стран.

2. Развитие технологий: быстрое развитие информационных и коммуникационных технологий приводит к появлению новых понятий и инструментов, которые часто описываются англоязычными терминами. Это особенно важно в таких областях, как геоинформатика и дистанционное зондирование, где английский язык является доминирующим.

3. Образование и профессиональная подготовка: многие учебные программы и профессиональные курсы включают англоязычные термины, что подчеркивает их важность для подготовки квалифицированных специалистов. Понимание и использование этих терминов становится необходимыми навыками для успешной карьеры в географических науках.

С точки зрения лингвистики, англизм – это слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения (по Толковому словарю С.И. Ожегова). С точки зрения филологии, англизм – это вид варваризма – оборот речи, выражение в каком-нибудь языке, составленное по образцу английского языка. || Заимствование из английского языка (по Толковому словарю Д.Н. Ушакова). В данной статье заимствование рассматривается как слово или словосочетание английского происхождения, вошедшее в русский язык полностью или частично, т.е. все виды/группы заимствований: прямые заимствования (climate – климат и т.п.), гибриды (global warming – глобальное потепление и т.п.), кальки и полукальки (GIS – ГИС, biodiversity – биоразнообразие и т.п.), экзотизмы (DEM – «дим» цифровая модель рельефа и т.п.), композиты (GPS-координаты и т.п.), профессионализмы (sustainable development – устойчивое развитие, urban sprawl – городское расплетание, sea level rise – подъем уровня моря и т.п.). Многие профессионализмы, используемые в географических науках, представляют собой устойчивые выражения, калькированные с английского, где невозможно заменить синонимами ни один компонент, и созданные по типу заимствованных иноязычных слов, выражений, фраз с помощью буквального перевода соответствующей языковой единицы. По мнению З.Р. Гречухиной, «калькирование рассматривается многими языковедами как один из эффективных способов пополнения лексического фонда языка, особенно усилившегося с середины XX столетия (например, калькирование из английского языка) и активно продолжающегося в XXI веке, что подтверждается появлением новых лексических единиц, образованных таким образом» [4, с. 43]. Различают разные способы калькирования: лексические, словообразовательные, фразеологические, семантические и другие.

В соответствии с целью настоящего исследования рассмотрим основные причины заимствований в географических дисциплинах, которые, на наш взгляд, можно разделить на несколько категорий:

1) Научно-технический прогресс.

С развитием технологий и методологий в географии появляются новые понятия и инструменты, для которых в национальных языках зачастую нет адекватных эквивалентов. Так, термины, связанные с геоинформационными системами (GIS) и дистанционным зондированием Земли (remote sensing), чаще всего приходят из английского языка. Например: "geospatial data" (геопространственные данные) и "satellite imagery" (спутниковые изображения) [5, с.32].

2) Глобализация и международное сотрудничество.

География, как наука, исследующая Землю и её процессы, в значительной степени зависит от международного обмена информацией. Общение и публикации на английском языке способствуют тому, что терминология этой области становится общепринятой во всем мире. Например, такие термины как "global warming" (глобальное потепление) и "sustainable development" (устойчивое развитие) широко используются в научных и популярных источниках на различных языках [6]. Глобализация оказывает значительное влияние на языковую динамику в географии. Процессы глобализации приводят к усилению международных контактов и обмену знаниями, что отражается на лексике и терминологии.

3) Образование и профессиональная подготовка.

Большинство современных учебных программ и профессиональных курсов в области географии интегрируют английские термины. Это связано с тем, что английский язык является основным языком международного академического и научного общения. Студенты и специалисты знакомятся с англоязычными источниками и материалами, что способствует закреплению этих терминов в профессиональном лексиконе.

4) Влияние средств массовой информации.

Медиа, особенно англоязычные, играют значительную роль в распространении географических терминов. Такие фразы, как "global warming" или "urban sprawl" (городское расплзание), стали привычными не только для ученых, но и для широкой аудитории благодаря их частому употреблению в новостях и публикациях.

Английский язык закрепился как основной язык международного научного общения. Это приводит к тому, что многие новые термины и концепции, впервые появляющиеся в англоязычных публикациях, быстро интегрируются в национальные языки. Например, "climate change" (изменение климата) и "biodiversity" (биоразнообразие) являются типичными примерами терминов, распространявшихся по всему миру [7].

Адекватное и полезное использование английских терминов способствует унификации и стандартизации научного языка [8, 50-55; 9, 63-69]. Это особенно важно в контексте международных исследований и публикаций, где единая терминология облегчает коммуникацию и понимание между учеными разных

стран [10, 165-173; 11, 65-76]. Однако это также может приводить к явлению «терминопатии» [12, 428-431; 13, 332-334] и к определенной утрате языкового многообразия [14, 48-53].

В учебных программах по географии английские термины используются все чаще, что связано с потребностью в актуализации знаний и методологий. Например, такие термины, как "GIS" (геоинформационные системы) и "remote sensing" (дистанционное зондирование), становятся стандартом в учебниках и курсах.

Англоязычные заимствования в географии можно классифицировать по различным поддисциплинам. Рассмотрим основные из них.

В *физической географии*, изучающей природные процессы и явления, англоязычные заимствования часто связаны с новыми концепциями и технологиями. Приведем некоторые примеры:

- *Erosion*: 1) the action or process of eroding; 2) the state of being eroded; 3) an instance or product of erosion [15] – (эрзия) – процессы разрушения горных пород и почв под воздействием воды, ветра и других факторов (здесь и далее перевод наш – Н.К.);

- *Climate change*: significant and long-lasting change in the Earth's climate and weather patterns [15] – (изменение климата) – долгосрочные изменения климатических условий на Земле;

- *Biodiversity*: biological diversity in an environment as indicated by numbers of different species of plants and animals [15] – (биоразнообразие) – разнообразие форм жизни на планете, включая все виды растений, животных и микроорганизмов.

Экономическая и социальная география исследуют взаимоотношения между экономической деятельностью и социальными процессами. В этих областях английские заимствования также активно употребляются и играют важную роль. Так, например:

- *Globalization*: the act or process of globalizing: the state of being globalized especially : the development of an increasingly integrated global economy marked especially by free trade, free flow of capital, and the tapping of cheaper foreign labor markets [15] – (глобализация) – процесс интеграции и взаимодействия между странами и народами, обусловленный экономическими, культурными и технологическими факторами;

- *Urbanization*: the quality or state of being urbanized or the process of becoming urbanized [15] – (урбанизация) – рост городов и увеличение доли городского населения;

- *Sustainable development*: the term is to serve as a comprehensive framework for efforts to sustain the biosphere and advance human fulfillment, economic security, and social justice throughout the world [16] – (устойчивое развитие) – концепция развития, удовлетворяющая потребности настоящего без ущерба для будущих поколений;

- *Migration*: 1) the movement every year of large numbers of birds or animals from one place to another; 2) the movement of people to a new country or area in order to find work or better living conditions; 3) the act of moving programs, etc.

from one computer system to another; the fact of changing from one computer system to another [15]. Данный термин используется в экономической и социальной географии своим вторым значением – «миграция – перемещение переезд людей в новую страну или район с целью поиска работы или улучшения условий жизни».

Геоинформатика и картография используют современные технологии и методы для сбора, анализа и представления географической информации. Англоязычные термины здесь особенно актуальны:

- *Geospatial data* (геопространственные данные) – информация, связанная с конкретным местоположением на Земле;
- *Remote sensing* (дистанционное зондирование) – технология получения информации о Земле с помощью спутников и воздушных сенсоров;
- *Geographic Information System (GIS)* (географическая информационная система) – система для управления, анализа и визуализации географической информации;
- *Digital elevation model (DEM)* (цифровая модель рельефа) – цифровое представление рельефа местности [16].

Англоязычные термины часто встречаются в научных статьях и исследованиях. Например, в статье о влиянии изменения климата на прибрежные экосистемы может использоваться термин "sea level rise" (подъем уровня моря):

«As water warms, it expands, causing an additional rise in sea level. Such a sea-level rise would affect low-lying regions of the world like Bangladesh, the ...» [16].

В исследовании о влиянии урбанизации на водные ресурсы будет уместен термин "urban sprawl" (городское разрастание, разрастание городов). Например: «В географической научной литературе отмечается, что urban sprawl приводит к изменению природных ландшафтов и негативно влияет на состояние водных ресурсов, так как увеличивается площадь непроницаемых поверхностей, что, в свою очередь, снижает способность почвы впитывать воду и ухудшает качество подземных и поверхностных вод (Brown, 2019)» [16].

В учебных пособиях и лекциях по географии английские термины используются для объяснения современных концепций и технологий. Например, в курсе по геоинформатике студенты изучают работу с "GIS" и анализ "satellite imagery" (спутниковых изображений) [17].

В практике географов и специалистов по охране окружающей среды англоязычные термины также находят широкое применение. При составлении карт и проведении полевых исследований часто используются "GPS coordinates" (GPS-координаты) и "environmental impact assessment" (оценка воздействия на окружающую среду) [18].

Таким образом, фактически во всех направлениях географических исследований отечественные ученые, практические специалисты-географы, студенты не только встречают англизмы, но и активно употребляют их в своем профессиональном лексиконе. И поскольку международная и международная интеграция новых знаний и практических навыков сегодня

происходит очень быстро благодаря интернету и искусственному интеллекту, то можно ожидать более стремительного и глубокого процесса заимствования новых иностранных терминов в русский язык.

Выводы

Англоязычные заимствования играют важную роль в развитии современной географической науки. Они способствуют интеграции новых знаний и технологий, облегчению международного сотрудничества и унификации научной терминологии. Однако использование заимствованных терминов также ставит перед учеными и практиками задачи адаптации и правильного применения этих терминов в национальных контекстах. Важно находить баланс между сохранением языкового многообразия и использованием общепринятых международных терминов. Одной из основных проблем, связанных с использованием англоязычных заимствований, является их адаптация в национальных языках. Это может включать трудности с переводом, пониманием и правильным использованием терминов. Так, термин "sustainable development" часто переводится как "устойчивое развитие", но смысл и интерпретация этого понятия могут варьироваться в разных языковых и культурных контекстах. В географии "sustainable development" понимается именно как «концепция развития, предполагающая баланс между экономическим ростом и охраной окружающей среды». Например: «В рамках современных географических исследований концепция sustainable development (устойчивое развитие) рассматривается как ключевой фактор при разработке стратегий управления природными ресурсами и территориальным развитием (Smith, 2020)».

Несмотря на трудности, использование англоязычных заимствований открывает новые возможности для международного сотрудничества и обмена знаниями. Ученые и специалисты из разных стран могут легче общаться и работать над совместными проектами. В будущем можно ожидать дальнейшего углубления интеграции и унификации терминологии в географической науке.

© Колоколова Н.М., 2025

Список источников

1. Большая российская энциклопедия, 2004–2017 – URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Галеева А.Р. Глобализация и судьба явления «лингва франка» - URL: <https://scienceforum.ru/2024/article/2018036272> (дата обращения: 15.01.2025).
3. В.А. Виноградов. Лингвистический энциклопедический словарь – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/267c.html> (дата обращения: 15.01.2025).
4. Гречухина З.Р. Словообразовательный потенциал лексем периода пандемии COVID-19 / З.Р. Гречухина // Термины в коммуникативном пространстве: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Терминология, дискурсология и экология языка в современной лингвистике» (08 февраля 2024 года) / отв. ред. С.И. Маджаева. – Астрахань: Изд-во ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, 2024. – С. 39-47.
5. Dodds, K., & Sidaway, J. D. (2020). Geopolitics: A Very Short Introduction. Oxford University Press; 3rd edition (October 1, 2019), 176 p., P 32 – URL: info:X-6gQXj2V-8J:scholar.google.com (дата обращения: 10.01.2025).

6. Journal of Geography and Earth Sciences – URL: <https://psiref.com/periodicals/98064951/journal-of-geography-and-earth-sciences> (дата обращения: 9.01.2025).
7. University of St Andrews – URL: <https://research-portal.st-andrews.ac.uk/en/searchAll/index/?search=climate+change&pageSize=25&showAdvanced=false&allConcepts=true&inferConcepts=true&searchBy=PartOfNameOrTitle> (дата обращения: 10.01.2025).
8. Колоколова Н.М. Англоязычные заимствования в географической терминологии русского языка: сравнительно-сопоставительный анализ / Н.М. Колоколова // Гуманитарные исследования. - 2022. - № 2 (82). - С. 50-55.
9. Колоколова Н.М. Терминологические заимствования в русском языке (shelf) / Н.М. Колоколова // Основные проблемы современного языкоznания. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Сост. Б.Н. Батырбекова. Астрахань, 2021. – С. 63-69.
10. Kolokolova N.M. Talk about borrowings from the English language of terms denoting geographical concepts: a comparative study / N.M. Kolokolova // Язык и межкультурная коммуникация. Сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2022. – С. 165-173.
12. Колоколова Н.М. Терминологические заимствования в области информационных и инженерных технологий: лексико-семантический сравнительно-сопоставительный анализ англицизмов в русском языке / Н.М. Колоколова // Евразийский филологический вестник. 2023. – № 4 (4). – С. 65-76.
13. Колоколова Н.М. Терминопатия англицизмами: паттерн (pattern) / Н.М. Колоколова // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2021. – С. 428-431.
14. Колоколова Н.М. Терминопатия: дорожная карта / Н.М. Колоколова // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции; составитель С.Н. Бориско – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. – С. 332-334.
15. Колоколова Н.М. Терминопатия: коуч / Н.М. Колоколова // Основные проблемы современного языкоznания. Сборник статей XII международной научно-практической конференции; составитель Б.Н. Бисенгалиева - Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. – С. 48-53.
16. Толковый словарь Merriam-Webster Dictionary. (2024). – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 9.01.2025).
17. Энциклопедический словарь Encyclopedia of Public Health Goldstein, Bernard D., 2019. – URL: <https://www.encyclopedia.com/earth-and-environment/ecology-and-environmentalism/environmental-studies/> (дата обращения: 12.01.2025).
18. Geoscience News and Information. - URL: <https://geology.com/satellite/> (дата обращения: 17.12.2024).
19. Looijen J.M., Environmental impact assessment, NRS, ITC, Research Center of ECO – Environmental sciences Chinese Academy of science, 2004. – URL: <https://www2.hcmuaf.edu.vn/data/quoctuan/Environmental%20Impact%20Assesment.pdf> (дата обращения: 9.01.2025).

References

1. Bol'shaya rossiskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia], 2004–2017– Available at: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517> (accessed 15 January 2025).

2. Galeeva A.R. Globalizaciya I sud'ba yavleniya «lingva franca» [Globalization and the fate of the lingua franca phenomenon] – Available at: <https://scienceforum.ru/2024/article/2018036272> (accessed 15 January 2025).
3. V.A. Vinogradov. Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar` [Linguistic Encyclopedic Dictionary] – Available at: <https://tapemark.narod.ru/les/267c.html> (accessed 15 January 2025).
4. Grechuxina Z.R. Slovoobrazovatel'nyj potencial leksem perioda pandemii COVID-19 / Z.R. Grechuxina // Terminy' v kommunikativnom prostranstve: materialy' vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem «Terminologiya, diskursologiya i e'kologiya yazy'ka v sovremennoj lingvistike» (08 fevralya 2024 goda) / otv. red. S.I. Madzhaeva. – Astraxan': Izd-vo FGBOU VO Astraxanskij GMU Minzdrava Rossii, 2024. – S. 39-47.
5. Dodds, K., & Sidaway, J. D. (2020). Geopolitics: A Very Short Introduction. Oxford University Press; 3rd edition (October 1, 2019), P176, 32p – Available at: info:X-6gQXj2V-8J:scholar.google.com (accessed 10 January 2025).
6. Journal of Geography and Earth Sciences – Available at: <https://psiref.com/periodicals/98064951/journal-of-geography-and-earth-sciences> (accessed 9 January 2025).
7. University of St Andrews – Available at: <https://research-portal.st-andrews.ac.uk/en/searchAll/index/?search=climate+change&pageSize=25&showAdvanced=false&allConcepts=true&inferConcepts=true&searchBy=PartOfNameOrTitle> (accessed 22 January 2025).
8. Kolokolova N.M. Angloyazy'chny'e zaimstvovaniya v geograficheskoy terminologii russkogo yazy'ka: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz [English-language borrowings in the geographical terminology of the Russian language: comparative analysis]. Gumanitarny'e issledovaniya [Humanitarian researches], 2022. - No 2 (82). - Pp. 50-55.
9. Kolokolova N.M. Terminologicheskie zaimstvovaniya v russkom yazy'ke (shelf) [Terminological borrowings in Russian (shelf)]. Osnovny'e problemy' sovremennoj yazy'koznanija [The main problems of modern linguistics]. Sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference]. Astrakhan', 2021. - Pp. 63-69.
10. Kolokolova N.M. Talk about borrowings from the English language of terms denoting geographical concepts: a comparative study. Yazy'k i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. Sbornik statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference]. Astrakhan', 2022. - Pp. 165-173.
11. Kolokolova N.M. Terminologicheskie zaimstvovaniya v oblasti informacionnyx i inzhenernyx texnologij: leksiko-semanticeskij sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz anglicizmov v russkom yazy'ke [Terminological borrowings in the field of information and engineering technologies: lexical and semantic comparative analysis of Anglicisms in Russian]. Evrazijeskij filologicheskij vestnik [Eurasian Philological Bulletin]. 2023. – No 4 (4). - Pp. 65-76.
12. Kolokolova N.M. Terminopatiya anglicizmami: pattern (pattern) [Terminology with Anglicisms: a pattern]. Problemy' povy'sheniya e'ffektivnosti nauchnoj raboty' v oboronno-promy'shleynom komplekse Rossii [Problems of increasing the effectiveness of scientific work in the Russian military-industrial complex]. Materialy' IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference]. Astrakhan', 2021. - Pp. 428-431.
13. Kolokolova N.M. Terminopatiya: dorozhnaya karta [Terminopathy: a roadmap]. Problemy' povy'sheniya e'ffektivnosti nauchnoj raboty' v oboronno-promy'shleynom komplekse Rossii [Problems of increasing the effectiveness of scientific work in the Russian military-industrial complex]. Materialy' III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of the III All-Russian scientific and practical conference]. Astrakhan', Astrakhan State University, 2020. - Pp. 332-334.

14. Kolokolova N.M. Terminopatiya: kouch [Terminology: coach]. Osnovnye problemy sovremennoy yazykoznaniya [The main problems of modern linguistics]. Sbornik statej XII mezhunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii [Collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference]. Astrakhan', Astrakhan State University, 2020. – Pp. 48-53.
15. Merriam-Webster Dictionary. (2024). – Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 10 January 2025).
16. Encyclopedia of Public Health Goldstein, Bernard D., 2019. – Available at: <https://www.encyclopedia.com/earth-and-environment/ecology-and-environmentalism/environmental-studies/> (accessed 12 January 2025).
17. Geoscience News and Information. – Available at: <https://geology.com/satellite/> (accessed 17 December 2024).
18. Looijen J.M., Environmental impact assessment, NRS, ITC, Research Center of ECO – Environmental sciences Chinese Academy of science, 2004. – Available at: <https://www2.hcmuaf.edu.vn/data/quoctuan/Environmental%20Impact%20Assesment.pdf> (accessed 9 January 2025).

**Колоколова Наталья
Михайловна**

**Kolokolova Natalia
Mikhailovna**

кандидат филологических наук, доцент, Астраханский юридический колледж, г. Астрахань, Россия
nm_kolokolova@mail.ru
candidate of philology, associate professor, Astrakhan Law College, Astrakhan, Russia
nm_kolokolova@mail.ru

Научная статья

УДК 372.811.111.1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-65-75>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(английский)

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Марина Юрьевна Кудашева

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия

marp1512@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли метафоры в формировании терминологии экспериментальных музыкальных инструментов в английском языке. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к современной музыке и необходимостью понимания механизмов, лежащих в основе создания и восприятия новых музыкальных инструментов. Цель работы заключается в выявлении и анализе метафорических моделей, используемых для обозначения экспериментальных музыкальных инструментов и определении их влияния на структуру и развитие терминологии данной области. Исследование базируется на изучении корпуса из 304 терминологических единиц, выявленных из различных источников, включая научные статьи, книги, музыкальные энциклопедии, интернет-форумы и специализированные сайты. В ходе работы использовались концептуально-метафорический, количественный и компонентный методы. Результаты исследования показывают, что метафора играет ключевую роль в развитии терминологии экспериментальных музыкальных инструментов, обогащая ее, делая более доступной и способствуя формированию целостного представления об этой предметной области. В статье выделено пять основных метафорических моделей, отражающих восприятие специалистами экспериментальных инструментов: “Инструмент – Артефакт”, “Инструмент – Абстрактное Понятие”, “Инструмент – Человек”, “Инструмент – Объект Неживой Природы или Растение” и “Инструмент – Реальное или Мифическое Животное”. Результаты исследования демонстрируют, что метафоры, основанные на воображаемом сходстве с объектами, созданными человеком (артефактах), являются наиболее эффективным способом создания новых названий для инструментов (46% от общего числа метафорических терминов). Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области терминоведения, когнитивной лингвистики и музыковедения, а также для разработки более эффективных методов обучения и популяризации современной музыки.

Ключевые слова: экспериментальные музыкальные инструменты, метафора, терминология, артефакт, артефактная метафора, английский язык

Для цитирования: Кудашева М.Ю. Роль метафоры в формировании терминологии экспериментальных музыкальных инструментов в английском языке // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 65-75. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-65-75>

Original article

THE ROLE OF METAPHOR IN SHAPING THE TERMINOLOGY OF EXPERIMENTAL MUSICAL INSTRUMENTS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Marina Yu. Kudasheva

Abstract. The article explores the role of metaphor in shaping the terminology of experimental musical instruments in the English language. The relevance of this study stems from the growing interest in contemporary music and the need to understand the mechanisms underlying the creation and perception of new musical instruments. The aim of this work is to identify and analyze the metaphorical models used to designate experimental musical instruments and to determine their impact on the structure and development of terminology in this field. The study is based on the examination of a corpus of 304 terminological units, identified from various sources including scientific articles, books, music encyclopedias, online forums, and specialized websites. *The work was conducted using conceptual-metaphorical, quantitative, and componential methods.* The findings reveal that metaphor plays a key role in the development of terminology for experimental musical instruments, enriching it, making it more accessible and contributing to the formation of a holistic understanding of this subject area. The article identifies five fundamental metaphorical conceptual models reflecting experts' perceptions of experimental instruments: "Instrument as Artifact", "Instrument as Abstract Concept", "Instrument as Human", "Instrument as Non-Living Object or Plant", and "Instrument as Real or Mythical Animal". The results demonstrate that metaphors based on the perceived similarity to human-made objects (artifacts) are the most effective way to create new names for instruments (46% of all metaphorical terms). The findings can be used for further research in the fields of terminology, cognitive linguistics, and musicology, as well as for developing more effective methods for teaching and popularizing contemporary music.

Keywords: experimental musical instruments, metaphor, terminology, artifact, artifact metaphor, English language

For citation: Kudasheva M.Yu. The role of metaphor in shaping the terminology of experimental musical instruments in the English language, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 65-75. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-65-75>

Вопрос о сущности термина является одним из важнейших в современном языкоznании. Несмотря на разнообразие точек зрения лингвистов (Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова [1], С.В. Гринёв-Гриневич [2], В.М. Лейчик [3], Дж. К. Сейджер [4] и др.) относительно содержания понятия «термин», большинство исследователей считают основной характеристикой термина фиксацию понятия.

В рамках данного исследования принимается положение о диалектическом соотношении термина и общеупотребительного слова. Согласно С.В. Гринёв-Гриневичу [2, с. 29], термин представляет собой лексическую единицу, используемую для точного обозначения специальных понятий, при этом граница между терминологической и общеупотребительной лексикой остается подвижной. Как отмечает В.В. Виноградов [6, с.164], подобная динамика обусловлена взаимопроникновением профессионального и бытового языковых пластов. Таким образом, термин рассматривается как функционально-семантическая модификация слова.

Классификация способов терминологического словообразования, предложенная С.В. Гринёв-Гриневичем, является, на наш взгляд, наиболее полной [2, с.123]. В этой классификации выделены следующие способы образования терминов:

1. Семантический – формирование новых терминов путём создания омонимов;

2. Морфологический – образование новых терминологических единиц при помощи аффиксов;
3. Синтаксический – построение терминологических словосочетаний;
4. Морфолого-синтаксический – конструирование новых терминологических единиц путём словосложения, аббревиации, эллипса.

Настоящее исследование фокусируется на семантическом терминообразовании, в частности, на метафоризации как одном из наиболее продуктивных механизмов. Целью исследования является анализ метафорических процессов, участвующих в формировании терминологической системы экспериментальных музыкальных инструментов в английском языке для выявления доминирующих метафорических моделей и определения их роли в структурировании знания об этой предметной области.

В трактате “Поэтика” [7, с. 645-680] Аристотель заложил основы теории метафоры, определив её как способ переосмыслиения значений слов на основе сходства. С развитием лингвистики как науки появлялось всё больше определений термина «метафора», а с возникновением когнитивной лингвистики метафора стала выступать в качестве одного из инструментов познания в науке.

Под метафорой мы понимаем использование слова, относящегося к одному классу явлений, объектов, для описания и наименования другого класса объектов, обладающего аналогичными чертами [8, с. 296].

В рамках нашего исследования мы провели концептуальный метафорический анализ предметной сферы “Экспериментальные музыкальные инструменты”, которая включает в себя названия музыкальных инструментов, созданных в XX и в начале XXI веков. В настоящей работе мы придерживаемся определения экспериментальных музыкальных инструментов, предложенного *Lexikon der Systematischen Musikwissenschaft*, где они рассматриваются как инструменты, выходящие за рамки традиционных конструкций, техник игры и звуковых концепций, разрабатываемые с целью исследования новых звуковых возможностей и расширения музыкального словаря [9]. Терминология этой предметной сферы не зафиксирована лексикографически, не была описана ранее, лингвистическая литература, посвящённая терминологическому описанию предметной сферы «Экспериментальные музыкальные инструменты» в настоящее время практически отсутствует.

Источниками эмпирического материала для данного исследования послужили книги, в частности Nyman M. *Experimental Music: Cage and Beyond* [10], статьи о современной музыке, среди которых можно выделить статью *The End of Music* [11] и музыкальные энциклопедии, включая *Grove Music Online* [12]. В то же время мы обратились к интернет-форумам, таким как *guitarplayer.ru* [13] и сайтам, например, *sequenza21.com* [14], посвящённым музыке, так как они отражают современные тенденции в развитии музыкальной терминологии и представляют собой платформу для обмена информацией между музыкантами и любителями музыки.

В результате анализа выявлено, что 26,3% (80 из 304) терминологических единиц в сфере «Экспериментальные музыкальные инструменты» обладают

метафорическим характером. Данный факт позволяет говорить о значительной роли метафоры в формировании и концептуализации терминологии в рассматриваемой области. Использование метафорических моделей облегчает понимание и описание новых и необычных объектов, к которым относятся экспериментальные музыкальные инструменты, предлагая аналогии с уже известными концептами и явлениями.

Метод отбора лексических единиц включал следующие этапы: определение предметной области, выбор источников, сбор потенциальных терминов (выборочный анализ), определение критериев терминологичности и идентификация метафорических терминов.

Метафорическое моделирование является важным инструментом для исследования терминологии сферы «Экспериментальные музыкальные инструменты», поскольку оно позволяет изучить и систематизировать метафоры, используемые для концептуализации этих инструментов. Анализ ключевых метафорических моделей позволяет выявить основные признаки и характеристики, на основании которых происходит концептуальный перенос при номинации инструментов. Кроме того, выявление ключевых аналогий и семантических связей, лежащих в основе метафоризации, приводит к общему пониманию того, каким образом метафоры влияют на восприятие и интерпретацию инструментов музыкантами и слушателями.

За основу метафорической модели была взята модель медицинского дискурса С.Л. Мишлановой [15], универсальность которой проявляется в следующих аспектах:

1) Антропоцентричность – базовые категории («Человек как биологическое существо», «Социальный субъект» и др.) отражают когнитивную связь между телесным опытом и абстрактными понятиями;

2) Гибкость – модель допускает расширение за счёт новых категорий, что актуально для музыкальной терминологии;

3) Валидность – модель была апробирована в разных профессиональных дискурсах.

Для анализа музыкальных инструментов исходная модель была дополнена категорией «Артефакт» (46% терминов), отражающей технологическую природу инструментов и категорией «Абстрактное понятие» (19% терминов) для описания звуковых концепций, что позволило учитывать специфику материала (см. Таблицу 1).

В результате исследования было установлено, что метафорические термины в исследуемой тематической группе преимущественно основаны на следующих концептуальных областях – источниках: человек, мифологические существа, животные, растения, объекты неживой природы, артефакты и абстрактные понятия. Это позволило выделить пять метафорических моделей.

1) *Экспериментальный Музыкальный Инструмент – Артефакт*. Эта модель отражает восприятие экспериментальных инструментов как результата творческой деятельности человека, как предмета технологического творчества. Так, название музыкального инструмента *railophone* – рельсофон подчёркивает связь инструмента с индустриальным миром, технологическим прогрессом и

экспериментальным подходом к музыке. Название музыкального инструмента *musical saw* – *музыкальная пила* также подчёркивает артефактное происхождение названия инструмента, являясь метафоричным благодаря своей парадоксальности и оригинальности.

2) Экспериментальный Музыкальный Инструмент – *Абстрактное Понятие*. Эта модель передаёт восприятие музыкальных инструментов как символов и образов, отражающих абстрактные понятия и идеи. Так, музыкальный инструмент *Chaosophone* – *Хаософон* создаёт хаотичные и непредсказуемые звуковые структуры, воплощающие идею хаоса.

3) Экспериментальный Музыкальный Инструмент – *Человек*. Эта модель отражает антропоморфное восприятие экспериментальных инструментов, приданье им человеческих качеств и свойств. Например, название музыкального инструмента *Pikasso* представляет собой искажённое написание фамилии испанского художника Пикассо (Picasso). Данный инструмент представляет собой экспериментальную модификацию гитары, характеризующуюся нетипичной конструкцией, оригинальной системой настройки и уникальными акустическими свойствами.

4) Экспериментальный Музыкальный Инструмент – *Объект Неживой Природы или Растение*. Эта модель демонстрирует восприятие инструментов как частей природы, подчёркивая использование природных материалов и форм в их конструкции. Музыкальный инструмент *field of flowers* – *поле цветов* представляет собой цифровое звуковое устройство, способное генерировать широкий акустический диапазон с возможностью имитации природных звуковых явлений.

5) Экспериментальный Музыкальный Инструмент – *Реальное или Мифическое Животное*. Эта модель отражает использование образов животных для описания звучания инструментов, их форм и свойств. Так *TIPAW / tiger's raw* – *тигриная лапа* – это ударный музыкальный инструмент с мощным и агрессивным звуком, требующий энергичной игры.

Данные приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Доля терминов-метафор в каждой тематической группе (%)

Артефакт	46
Абстрактное Понятие	19
Человек	16
Объект Неживой Природы или Растение	12
Реальное или Мифическое Животное	16

Как следует из данных таблицы, преобладающим источником метафорических терминов в рассматриваемой тематической группе выступают артефакты. К тематической группе «артефакты» мы относим метафору, в состав которой входит слово-компонент бытовой лексики (предметы, созданные человеком). При этом артефактные метафоры представлены разными понятийными сферами.

Источником метафоризации послужили следующие понятийные сферы: устройства, здания и части зданий, мебель, игрушки, инструменты, еда и посуда, одежда, предметы личной гигиены (Таблица 2).

Таблица 2 – Понятийные сферы – источники метафоризации (%)

Устройства	30,4
Здания и части зданий	13
Мебель	8,7
Игрушки	10,8
Инструменты	21,8
Еда и посуда	6,5
Одежда	4,4
Предметы гигиены	4,4

Названия различных устройств в качестве источников метафоризации исследуемой тематической сферы встречаются наиболее часто. Так, струнный музыкальный инструмент *rotator – ротатор*, инструмент с двумя грифами, на первый взгляд кажется перевёрнутым. Отсюда и происходит его название. Грифы инструмента с ладами и без ладов направлены в противоположные стороны и их можно вращать для быстрой смены стилей исполнения музыки. Также в эту группу входят следующие метафорические названия экспериментальных музыкальных инструментов: *wind antenna – ветровая антенна*, *bicycle wheel – велосипедное колесо*, *jammer – глушиль*, *bass fan – вентилятор низких частот* и др.

Приведём пример использования слова *bass fan* в контексте.

By attaching a disk with holes to the fan, it converts blinks of lights to electric signals and generates sound from a bass amplifier. Different numbers of holes can generate a musical scale, and turning on/off of the power makes it roar [16] – Диск с отверстиями, прикреплённый к вентилятору, преобразует мигание огней в электрические сигналы и генерирует звук из усилителя низких частот. Различное количество отверстий может изменять высоту звука, а включение / выключение питания создаёт звук, похожий на рычание (пер. авт.).

Понятийная сфера «инструменты» представлена в нашей выборке тоже довольно широко. *Blade axe – топор с лезвием*, это разновидность гитары, по форме напоминающая топор. К этой группе мы отнесли следующие метафорические названия музыкальных инструментов: *musical saw – музыкальная пила*, *clicking coil – щелкающая катушка*, *plate axe – пластиначатый топор* и др.

Приведём следующий пример в качестве иллюстрации:

The Musical saw as a musical instrument is a wide large saw made of rolled spring steel, a crosscut saw, which is usually brought to sound by bowing with a bow. It makes a bright spherical sound. The sound resembles a soprano voice and the saw is also the instrument closest to the human voice [17] – Музыкальная пила как музыкальный инструмент представляет собой широкую большую пилу, изготовленную из рулонной пружинной стали, торцовочную пилу, которую

обычно заставляют звучать, ударяя по ней смычком. Она издает яркий сферический звук. Звук напоминает сопрано, а пила является инструментом, наиболее близким к человеческому голосу (пер. авт).

Понятийная сфера «здания и части зданий» представлена в нашей выборке, например, метафорическим названием экспериментального музыкального инструмента *symphonic house* – симфонический дом. Этот инструмент, созданный в результате совместной работы мастера по изготовлению музыкальных инструментов Билла Клоуза (США) и архитектора Дэвида Ханауолта (США), получил такое название потому, что *symphonic house*, будучи струнным музыкальным инструментом, одновременно представляет собой архитектурное сооружение, где элементы здания являются частями музыкальных инструментов симфонического оркестра.

В число других примеров данной категории входят: *wire fence* – проволочная изгородь, *musical fence* – музыкальная ограда, *toaster tower* – башня для тостера и др.

Рассмотрим следующий пример:

On 20th July 2003 local and visiting artists gathered in Winton to perform in a truly unique composition – The world premiere of The Musical «The Musical Fence». Fence, designed by percussionist and composer Graeme Leak, is a wire fence that can be played as a musical instrument and it is the first Permanent musical fence installation in the world [18] – 20 июля 2003 года местные и приезжие артисты собрались в Уинтоне, чтобы исполнить поистине уникальную композицию – мировую премьеру мюзикла "Музыкальная Ограда". Ограда, на которой можно играть, – инсталляция Грэйма Лика, перкуссиониста и композитора. Это первая в мире постоянная музыкальная инсталляция такого типа (пер. авт.).

По сравнению с другими категориями, группы «игрушки», «мебель», «еда и посуда», «одежда» и «предметы гигиены» менее многочисленны.

Уникальный музыкальный инструмент *air cake* – воздушный пирог использует для звукоизвлечения пластиковые трубы, вентиляторы, газовые горелки, полистирол и листья. Высота тона и резонанс изменяются за счёт вращения и воздействия выдувными пистолетами. В эту же категорию входят инструменты с метафорическими названиями: *wind antenna* – ветровая антенна, *bicycle wheel* – велосипедное колесо, *Moog bed* – кровать Муга и *forest ladder* – лесная лестница.

Группа «абстрактные понятия» объединяет термины, отражающие свойства музыкальных инструментов, а не их физические характеристики. Характерным примером является инструмент *Haaken continuum* – континуум Хаакена обеспечивающий трёхмерное управление звукоизвлечением в реальном времени. К этой же группе относятся метафорические названия: *mission control* – управление миссией, *glissando vibe* – атмосфера глиссандо, *harmonic canon* – гармонический канон и *quadrangularis reversum* – обратная сторона четырёхугольника.

Анализ метафоризации в терминологии экспериментальных музыкальных инструментов выявил существенное различие в продуктивности метафорических моделей. Модель «артефакты» оказалась наиболее

распространённой (46% терминов), в отличие от модели «животные», представленной лишь в 7% случаев. Полученные данные демонстрируют особенности формирования новых названий инструментов. Анализ метафоризации свидетельствует о значимости ассоциативных наименований экспериментальных музыкальных инструментов, так как данный тип номинации способствует повышению информативности. Метафорические названия передают не только функцию инструмента, но и его внешний вид, принцип действия, а также ассоциации с другими предметами или явлениями. Кроме того, они помогают упростить профессиональную коммуникацию, поскольку метафоры делают терминологию более понятной и доступной как для специалистов, так и для широкой публики. И, наконец, метафорические названия придают инструментам определенный характер и образность, что делает их более привлекательными для музыкантов и слушателей.

Проведенное исследование выявило значительную роль метафоры в формировании и развитии терминологии экспериментальных музыкальных инструментов в английском языке. Обнаружено, что более четверти (26,3%) терминологических единиц в этой области обладают метафорическим характером, что подчеркивает важность метафоризации как когнитивного и лингвистического механизма в концептуализации новых и необычных объектов.

В ходе анализа были выделены пять основных метафорических моделей, отражающих восприятие специалистами экспериментальных инструментов: «Инструмент – Артефакт», «Инструмент – Абстрактное Понятие», «Инструмент – Человек», «Инструмент – Объект Неживой Природы или Растение» и «Инструмент – Реальное или Мифическое Животное». Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее продуктивной является модель «Инструмент – Артефакт» (46% терминов), что говорит о тенденции концептуализировать экспериментальные инструменты как результат целенаправленной творческой деятельности человека, как объекты технологического творчества и инженерной мысли. В рамках артефактной метафоры выделены различные понятийные сферы, такие как устройства (30,4%), инструменты (21,8%), здания и части зданий (13%), игрушки (10,8%), мебель (8,7%), еда и посуда (6,5%), одежда (4,4%) и предметы личной гигиены (4,4%), что демонстрирует разнообразие источников метафоризации в данной области.

Метафорические названия не только систематизируют терминологию, но и напрямую влияют на исполнительскую практику. Как показал анализ, такие номинации формируют акустические ожидания, создают образ инструмента, ориентируют в технике игры на нём.

Результаты исследования подтверждают, что метафорические названия не только способствуют повышению информативности терминологии, передавая как функцию, так и внешний вид, принцип действия и ассоциации с другими предметами или явлениями, но и упрощают профессиональную коммуникацию, делая терминологию более доступной и понятной как для специалистов, так и для широкой публики. Более того, метафорические названия придают

инструментам определенный характер и образность, что делает их более привлекательными для музыкантов и слушателей.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении эмпирической базы данных, включении анализа метафор в других языках, а также в изучении влияния метафорических моделей на процессы создания, восприятия и исполнения экспериментальной музыки.

Практическая значимость полученных результатов раскрывается в двух основных аспектах.

В области музыкальной педагогики, выявленные метафорические модели («артефакт», «животное», «абстрактное понятие») могут служить когнитивной основой для разработки методик обучения, направленных на оптимизацию запоминания и систематизацию знаний об инструментах. Экспрессивные метафоры (например, «тигриная лапа», «хаософон») обладают значительным дидактическим потенциалом при формировании навыков звукоизвлечения у начинающих исполнителей. Кроме того, результаты исследования позволяют создать интерактивные учебные материалы на основе визуально-ассоциативного моделирования, что способствует интенсификации образовательного процесса.

В области создания новых музыкальных инструментов выявленное доминирование артефактных метафор (46%) указывает на важность технологических ассоциаций. Модель «инструмент — человек» (16%) может вдохновить на разработку интерфейсов, учитывающих антропоморфные жесты, что сделает взаимодействие с инструментом более интуитивным. Метафоры, связанные с природой и животными (19%), актуальны для экологичного дизайна и биоинспирированных звуковых технологий.

Исследование метафорических моделей не только углубляет понимание восприятия экспериментальных инструментов, но и предлагает практические инструменты для педагогики и дизайна, способствуя развитию музыкального искусства и технологий.

© Кудашева М.Ю., 2025

Список источников

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: Теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. – 200 с.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Академия, 2008. – 304 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: ЛИБРОКОМ, 2006. – 248 с.
4. Sager J.C. A practical course in terminology processing. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin Publishing Co., 1990. – 254 р.
5. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – Москва: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
6. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. // Избранные труды. – Москва: Наука, 1977. – С.162-169.
7. АРИСТОТЕЛЬ. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 645–680.

8. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
9. Lexicon der Systematischen Musikwissenschaft/Hrsg.von Helga de la Motte-Haber, Oliver Schwab-Felisch, Christian Utz. – Laaber: Laaber-Verlag, 2013. – 795с.
10. Nyman M. Experimental Music: Cage and Beyond. – Cambridge University Press, 1999. – 208 p. URL: <https://archive.org/details/experimentalmusi0000nyma/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 21.01.2025)
11. Gioia T. The End of Music. – Pantheon Books, 2019. – 336 p. URL: https://archive.org/details/the-end-of-music_202109 (дата обращения: 21.12.2024).
12. Grove Music Online. – Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordmusiconline.com/page/about-gmo> (дата обращения: 17.01.2025).
13. guitarplayer.ru [Электронный ресурс] – URL: <https://guitarplayer.ru/index.php> (дата обращения: 21.04.2025).
14. sequenza21.com [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sequenza21.com/> (дата обращения: 29.04.2025).
15. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2002. – 160 с.
16. Bass fan: A fan-based musical instrument. // YouTube. – 2023. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=omgbhGirTtY&t=4s> (дата обращения: 11.11.2024).
17. Musical saw: An introduction. // Singende Saege. – URL: <https://singende-saege.com/en/wikisaw.html> (дата обращения: 11.11.2024).
18. Musical fence: A unique musical installation. // Singende Saege. – URL: <https://singende-saege.com/en/wikisaw.html> (дата обращения: 11.11.2024).

References

1. Alekseeva L.M., & Mishlanova S.L. (2002). Meditsinskiy diskurs: Teoreticheskiye osnovy i printsyipy analiza [Medical discourse: Theoretical foundations and principles of analysis]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 200 p.
2. Grinev-Grinevich S.V. (2008). Terminovedeniye: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy [Terminology: A textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Akademiya. 304 p.
3. Leichik V.M. (2006). Terminovedeniye: predmet, metody, struktura [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow: LIBROCOM. 248 p.
4. Sager J.C. (1990). A practical course in terminology processing. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin Publishing Co. 254 p.
5. Grinev S.V. (1993). Vvedeniye v terminovedeniye [Introduction to Terminology]. Moscow: Moskovskiy Litsey. 309 p.
6. Vinogradov V.V. (1977). Osnovnyye tipy leksicheskikh znacheniy slova [The main types of lexical meanings of the word]. Izbrannyye Trudy [Selected Works]. Moscow: Nauka. 310 p.
7. Aristotle. (1983). Sochineniya: V 4-kh t. T. 4 [Works: In 4 volumes. Vol. 4] (A. I. Dovatur, Ed., Trans.). Moscow: Mysl'. pp. 645–680. 830 p.
8. Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 683 p.
9. de la Motte-Haber, H., Schwab-Felisch, O., & Utz, C. (Eds.). (2013). Lexikon der Systematischen Musikwissenschaft [Encyclopedia of Systematic Musicology]. Laaber: Laaber-Verlag. 795 p.
10. Nyman M. (1999). Experimental Music: Cage and Beyond. Cambridge University Press. 208 p. Retrieved January 21, 2025, from <https://archive.org/details/experimentalmusi0000nyma/page/n9/mode/2up>
11. Gioia, T. (2019). The End of Music. Pantheon Books. 336 p. Retrieved December 21, 2024, from https://archive.org/details/the-end-of-music_202109

12. Grove Music Online. (n.d.). Oxford University Press. Retrieved January 17, 2025, from <https://www.oxfordmusiconline.com/page/about-gmo>
13. guitarplayer.ru. (n.d.). Retrieved April 21, 2025, from <https://guitarplayer.ru/index.php>
14. sequenza21.com. (n.d.). Retrieved April 29, 2025, from <https://www.sequenza21.com/>
15. Mishlanova S.L. (2002). Metafora v meditsinskom diskurse [Metaphor in medical discourse]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 160 p.
16. Bass fan: A fan-based musical instrument. (2023, November 11). YouTube. Retrieved November 11, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=omgbhGirTtY&t=4s>
17. Musical saw: An introduction. (2023). Singende Saege. Retrieved November 11, 2024, from <https://singende-saege.com/en/wikisaw.html>
18. Musical fence: A unique musical installation. (2023). Singende Saege. Retrieved November 11, 2024, from <https://singende-saege.com/en/wikisaw.html>

Кудашева Марина Юрьевна

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия
marp1512@inbox.ru

Kudasheva Marina Yurievna

senior lecturer of the department of humanities, Perm State Institute of Culture, Perm, Russia
marp1512@inbox.ru

Научная статья

УДК 811.124

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-76-86>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРАВИЛАМ ОФОРМЛЕНИЯ РЕЦЕПТУРНЫХ ПРОПИСЕЙ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Маргарита Николаевна Лазарева¹, Евгений Раисович Курбатов², Федор Владимирович Собин³

^{1,2,3} Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия.

¹ margarita-lazareva@yandex.ru

² kurbatov@pfa.ru

³ fff-2005@mail.ru

Аннотация. При организации обучения по программам среднего профессионального и высшего медико-фармацевтического образования выявлен ряд проблем, обусловленных несоблюдением нормативных требований к оформлению рецептурных прописей на латинском языке, а также несвоевременная актуализация учебно-методических материалов. Предметом исследования послужили требования, регламентирующие вопросы оформления рецептурных прописей, и примеры их практической реализации, представленные в учебно-справочной литературе. Цель работы – выявить ошибки, связанные с нарушением регламентаций структурно-языкового оформления латинской части рецептов, и представить примеры рецептурных моделей, соответствующих современным требованиям. В результате исследования установлено, что причины несоблюдения нормативных требований к оформлению рецептов на латинском языке связаны с наличием двух структурно-семантических моделей рецептурной строки – традиционной и современной, определены их основные различия и причины, обусловившие трансформацию традиционной модели. Указаны наиболее распространенные ошибки в оформлении прописей, встречающихся в учебной литературе, представлены примеры оформления рецептурных прописей с соблюдением законодательных норм и предложен единый подход к обучению рецептуре в курсах дисциплин, способствующих формированию профессиональных компетенций на всех этапах образования.

Ключевые слова: нормативные требования, рецептурные прописи на латинском языке, правила оформления, унификация требований

Для цитирования: Лазарева М.Н., Курбатов Е.Р., Собин Ф.В. Проблемы реализации нормативных требований при обучении правилам оформления рецептурных прописей на латинском языке // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 76-86.
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-76-86>

Original article

PROBLEMS OF IMPLEMENTING REGULATORY REQUIREMENTS WHEN TEACHING THE RULES OF REGISTRATION OF PRESCRIPTION PRESCRIPTIONS IN LATIN

Margarita N. Lazareva¹, Evgeniy R. Kurbatov², Fedor V. Sobin³

^{1,2,3} Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia.

¹ margarita-lazareva@yandex.ru

² kurbatov@pfa.ru

Abstract. When organizing training in secondary vocational and higher medical and pharmaceutical education programs, a number of problems were identified due to non-compliance with regulatory requirements for the design of prescription formulations in Latin, as well as the lack of timely updating of educational and methodological materials. The subject of the study was the requirements governing the design of prescription formulations and examples of their practical implementation presented in educational and reference literature. The purpose of the work is to identify errors related to violations of the regulations for the structural and linguistic design of the Latin part of prescriptions, and to present examples of prescription models that meet modern requirements. The study revealed that the reasons for non-compliance with the regulatory requirements for the design of prescriptions in Latin are related to the presence of two structural and semantic models of the prescription line: the traditional model and the modern model. The study identified their main differences and the reasons that led to the transformation of the traditional model. The article identifies the most common errors in the design of recipes found in educational literature, provides examples of the design of prescription recipes in compliance with legal regulations, and suggests a unified approach to teaching recipes in courses that contribute to the formation of professional competencies at all stages of education.

Keywords: regulatory requirements, prescriptions in Latin, rules of registration, unification of requirements

For citation: Lazareva M.N., Kurbatov E.R., Slobin F.V. Problems of implementing regulatory requirements when teaching the rules of registration of prescription prescriptions in latin, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 76-86. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-76-86>

Введение

Соблюдение правил оформления рецептов и отпуска по ним лекарственных препаратов (ЛП) является одним из факторов, определяющих профессиональную компетентность будущих специалистов в сфере здравоохранения [1-3]. Формирование профессиональных компетенций осуществляется в процессе профессиональной подготовки будущих медицинских и фармацевтических работников при соблюдении последовательности и преемственности между всеми этапами и уровнями образования, обеспечивая развитие и совершенствование компетенций от теоретических основ к умениям и практическим навыкам. Новации, вносимые нормативными документами в правила оформления рецептурных прописей, в частности Приказом МЗ РФ от 24.11.2021 №1094н (далее – Приказ) [4], непосредственно затрагивают сферу медико-фармацевтического образования, поскольку они тесно связаны с практикой обучения рецептуре, которая предполагает оперативное реагирование на изменения в законодательстве на всех этапах профессиональной подготовки.

Знакомство будущих медицинских и фармацевтических работников с правилами выписывания рецептов происходит на начальных курсах при изучении латинского языка, закрепление полученных знаний осуществляется на старших курсах при изучении профильных дисциплин. Данный формат предполагает наличие преемственности в оформлении рецептурных прописей в процессе преподавания разных учебных дисциплин, осуществляющих формирование профессиональных компетенций при работе с рецептами. Однако часто меняющееся законодательство, его несовершенство,

проявляющееся в возможности неоднозначной трактовки содержания некоторых положений нормативного документа, в нечёткости формулировок и недостаточной регламентации деталей, а также отсутствие практических рекомендаций, связанных с оформлением различных видов прописей (официальных и экстемпоральных) на латинском языке, приводит к вариативности в интерпретации регламентаций и, как следствие, к отсутствию единых подходов к соблюдению нормативных правил оформления рецептурных прописей.

Цель и методы исследования

Цель статьи – выявить проблемы, обусловленные несоблюдением современных нормативных требований к оформлению рецептурных прописей на латинском языке, и представить примеры рецептурных моделей, соответствующих требованиям Приказа. Методы исследования включают сравнительный и структурно-сопоставительный анализ с использованием методов сплошной выборки и терминологического моделирования.

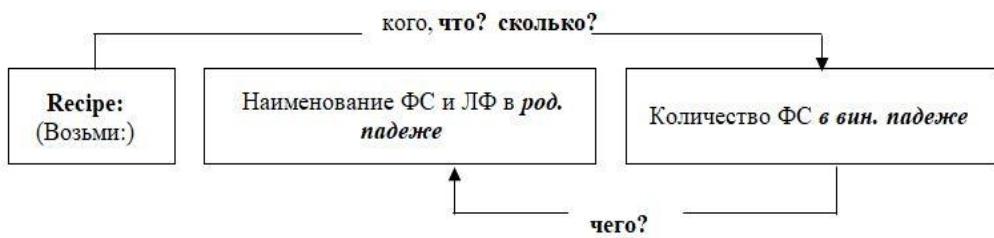
Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ положений Приказа, касающегося требований оформления рецептурных прописей, с одной стороны, и практикой их реализации в сфере образования, в частности, в издаваемой учебно-методической литературе [6-8] с другой, выявил ряд проблем, обусловленных, на наш взгляд, двумя основными причинами:

1) недостаточной регламентацией деталей, неточностью формулировок издаваемых нормативных документов и отсутствием практических рекомендаций, связанных с оформлением различных видов прописей;

2) недостаточной степенью исполнительской дисциплины со стороны значительной части педагогического сообщества, его неготовностью к принятию и реализации вступивших в силу нормативных требований, затрагивающих правила оформления рецептурных прописей.

Прежде чем приступить к анализу нормативных требований по оформлению рецептов на латинском языке и практики их реализации в текстах учебного дискурса, следует напомнить, что существуют **две модели** грамматической зависимости слов в первой строке рецептурной прописи, которая начинается словом *Recipe*. Согласно **первой модели**, которая используется, как правило, при выписывании ЛП, изготавливаемых в аптеке по развернутым стандартным или авторским, в том числе экстемпоральным прописям, название фармацевтических субстанций (ФС) и других лекарственных средств (ЛС) указывается в **родительном падеже**, так как грамматически оно зависит от обозначения весового количества, которое отвечает на вопрос к глаголу *Recipe* (Возьми кого, что?) и стоит в винительном падеже. Схему грамматической зависимости в таких прописях можно представить следующим образом (рис.1):

Recipe: Dihydroergotoxini 0,0005
 Reserpini 0,0001
 Clopamidi 0,005
 Sacchari 0,2
 Misce, fiat pulvis. Da tales doses numero 20
 Signa: По 1 порошку 2 раза в день

Recipe: Riboflavini 0,001
 Acidi ascorbinici 0,03
 Acidi borici solutionis 2% 10 ml
 Da.
 Signa. По 2 капли 3 раза в день
 в оба глаза

Рис. 1. Схема грамматической зависимости с примерами прописей по модели 1.

Вторая модель, которая предпочтительно используется при выписывании готовых лекарственных форм (ЛФ), поступающих в аптечные организации в фасованном виде (таблетки, суппозитории, драже, капсулы и др.), предполагает указание названия ЛФ в **винительном падеже** ед. или мн. числа, так как оно зависит от слова «*Recipe*» (Возьми кого, что?), а не от обозначения дозы. При этом название ФС, входящей в состав ЛП, указывается в родительном падеже. Схема грамматической зависимости в подобных прописях имеет вид (рис.2):

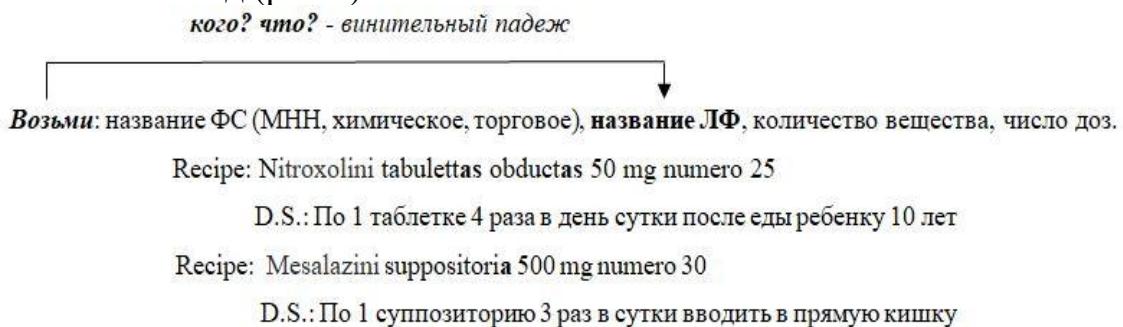

Рис. 2. Схема грамматической зависимости с примерами прописей по модели 2.

Одна из основных проблем, затрагивающих вопросы правильности оформления рецептурных прописей на латинском языке, касается различий в интерпретации нормативного требования к соблюдению последовательности расположения информации о выписываемом ЛП в рецептурной строке. Так, в Приложении 3 к Приказу сформулировано положение, которое предписывает соблюдение следующей последовательности изложения информации: 1) наименование ЛП (международное непатентованное наименование, группировочное или химическое наименование, либо в случае их отсутствия – торговое наименование) на латинском языке; 2) форма выпуска; 3) дозировка; 4) количество. В соответствии с данной рекомендацией, первая рецептурная строка должна иметь вид:

Recipe: Riluzoli suspensionis peroralis 5 mg/ml 300 ml
 D.S.: Принимать натощак по 10 мл каждые 12 часов

Recipe: Nitroxolini tabulettas obductas 50 mg numero 50

D.S.: Принимать по 3 таблетки 4 раза в сутки

Как видно из вышеприведенных примеров, строка 1 оформлена по первой модели – название ФС и ЛФ указаны в родительном падеже, а строка 2 – по второй модели, согласно которой в родительном падеже указывается только название ФС, а обозначение ЛФ и ее определение стоят в винительном падеже, так как грамматически зависят от слова «Recipe» (возьми – что?).

Необходимо отметить, что сформулированное в Приказе требование указывать «состав ЛП, ЛФ и обращение медицинского работника к фармацевтическому работнику ... в родительном падеже», не соответствует грамматическим нормам ни латинского, ни русского языков. Кроме того, данная регламентация может относиться только к рецептурным прописям, оформленным по первой модели. При оформлении рецептурной строки по второй модели, выписывая такие ЛФ как таблетки, капсулы, суппозитории, пластири, драже и др., в родительном падеже указывается только состав ЛП (название действующего вещества / веществ), а название ЛФ следует указывать в винительном падеже:

Recipe: Tamsulosini tabulettas pelliculatas prolongatas 0,4 mg numero 60

D.S.: По 1 табл. после завтрака 1 раз в сутки

Recipe: Rivastigmini emplastra transdermalia 4,6 mg/24 h numero 30

D.S.: Наклеить на кожу на 24 часа

Отметим, что при оформлении прописи на латинском языке с использованием общепринятых сокращений название ЛФ записывается без грамматических окончаний, что не позволяет определить грамматическую форму наименования и нивелирует неточность формулировки Приказа.

Rp.: Tamsulosini tab. pellicul. prolong. 0,4 mg N 60

D.S.: По 1 табл. после завтрака 1 раз в сутки

Rp.: Rivastigmini empl. transderm 4,6 mg/24 h N 10

D.S.: Наклеить на кожу на 72 часа

Однако при оформлении подобных прописей без сокращений данное требование может оказать негативное влияние на выбор грамматически правильной формы наименования ЛФ и относящихся к ней обозначений, сокращенная форма которых не указана в Приложении 3 Приказа, таких как *transdermalis* ‘чрезкожный’, *gastrosolubilis* ‘растворимый в желудке’, *orodispersibilis* ‘растворимый в полости рта’, *pelliculatus* ‘покрытый пленочной оболочкой’, *ophthalmicus* ‘глазной’ и других.

Анализ примеров рецептурных прописей, представленных в учебной и справочной литературе, показывает, что информация о ЛП указывается в последовательности, не соответствующей регламентациям Приказа, а именно, за словом *Recipe* (*Rp.*) строка начинается с обозначения ЛФ, за которым следует наименование ФС / ЛС, его весовое количество и дозировка / количество доз:

Recipe: Suppositoria vaginalia Clindamycini 100 mg numero 3

D.S.: Вводить интравагинально по 1 суппозиторию 1 раз в сутки

Recipe: Solutionis Acidi ascorbinici 50 mg/ml 1 ml

Da tales doses numero 10 in ampullis

Signa: По 1 мл внутримышечно 1 раз в день

Несоблюдение данной регламентации является наиболее распространенным нарушением нормативных требований к оформлению рецептурных прописей при составлении учебников, учебных пособий, экзаменационных билетов и других дидактических материалов, используемых в учебном процессе. В основе этих расхождений, на наш взгляд, лежит приверженность значительной части профессионального педагогического сообщества к использованию старой (традиционной) модели лексико-грамматического оформления рецепта (на первом месте – название ЛФ), обусловленной технологическими особенностями аптечного изготовления лекарственных препаратов.

Вместе с тем причины, побудившие изменить традиционную структуру рецептурной строки и законодательно закрепить эту норму, следует рассматривать в более широком контексте. Развитие промышленного производства ЛП вызвало изменение условий профессиональной деятельности, перенесло акцент из сферы аптечного изготовления в сферу промышленного производства с использованием цифровых технологий, которое предполагает высокий уровень его автоматизации. Социальный контекст обусловил трансформацию структурно-семантической модели построения фармакопейных терминов (название фармацевтической субстанции вынесено на первое место) и соответствующего оформления рецептурной строки.

Экстемпоральные рецептурные прописи, регламентирующие состав изготавливаемого ЛП по рецепту врача непосредственно в аптеке, выписываются по модели 1. При оформлении таких прописей следует также придерживаться указанной в Приказе последовательности. При этом, если в состав препарата входит лекарственное растительное сырье или изготовленные из него препараты (отвары, настои, настойки и т.п.), рекомендуется использовать фармакопейное (группировочное) наименование растительного сырья, которое состоит либо из родового, либо из полного научного названия растения в сочетании с указанием морфологической группы (используемого органа):

Recipe: Chamomillae recutitae florum infusi ex 3,0 – 100 ml

Natrii hydrocarbonatis 1,0

Menthae piperitae foliorum tincturae 2 ml

M.D.S.: Для полосканий полости рта

Такой подход к оформлению рецептурных прописей на латинском языке, учитывающий требования действующего законодательства, был реализован при работе над вторым изданием учебника по латинскому языку для обучающихся по специальности «Фармация» [9].

Наиболее распространенные ошибки в оформлении прописей, встречающихся в учебной литературе, касаются следующих моментов: использование устаревшего порядка слов, при котором название ЛФ выносится на первое место, несоблюдение требования прописывать фармакопейное, а не торговое название лекарственного сырья и ЛП растительного происхождения, использование грамматически неправильных форм рецептурных слов на

латинском языке, которые в учебной литературе указываются без сокращений, включение в пропись наименований ЛС вышедших из употребления, устаревших или несоответствующих действующей фармакопее [10] (например, торгового или тривиального названия вместо международного непатентованного), в частности:

- несоответствующие фармакопее названия лекарственного сырья, продуктов первичной переработки и ЛП растительного происхождения, например: 1) Rp.: *Infusi rhizomatae Valeriana officinalis* 6 ml вместо Rp.: *Valeriana officinalis rhizomatum infusi* 6 ml; 2) Rp.: *Tincturae Valeriana 25 ml* вместо Rp.: *Valeriana officinalis rhizomatum tincturae* 25 ml; 3) *Oleum Cacao* вместо *Cacao seminum oleum pingue*; 4) *Oleum jecoris Aselli* вместо *Jecoris piscium oleum pingue*;
- торговые / тривиальные наименования ЛС химического происхождения: 1) Rp.: *Albucidi 0,1* вместо *Sulfacyli natrici solutionis 0,1*; 2) Rp.: *Vitamini A 0,03*, вместо *Axerophtholi acetatis 0,03*; 3) Rp.: *Solutionis Vitamini E 10% 8,0* вместо Rp.: *Tocopheroli acetatis solutionis 10% 8,0*; 4) Rp.: *Boracis 4,0* вместо Rp.: *Natrii tetraboratis 4,0*;

– терминологически и грамматически неправильные формы рецептурных слов, в том числе существительных с предлогами, например: 1) Rp.: *Ung. sulfurici ppt. 5% 50,0* вместо Rp.: *Ung. sulfurati simplicis 5% 50,0*; 2) Rp.: *Olei Camphorae gtt. XIV* вместо Rp.: *Olei camphorati gtt. XIV*; 3) Rp.: *Insulini soluble 5 ml* вместо Rp.: *Insulini solubilis 5 ml*; 4) *Da tales doses N 3 in flaconis* вместо *Da tales doses N 3 in flaconibus*.

Приводя примеры рецептов в сокращенном виде, авторы учебной литературы нередко используют устаревшие или авторские аббревиатуры латинских рецептурных слов и выражений, не соответствующие рекомендациям Приказа, например: 1) Rp.: *Tabl. Chloropyramine 0,025* вместо Rp.: *Chloropyramini tab. 0,025*; 2) Rp.: *Sol. Ac. salicylici sp. 1 % 100 ml* вместо Rp.: *Ac. salicylici sol. spr. 1 % 100 ml*; 3) Rp.: *Olei Anisi gt. I* вместо Rp.: *Anisi vulgaris seminum olei gtt. I*; 4) *Misce fiat linim.* вместо *Misce fiat lin.*; 5) *Misce fiat pulv. sbtss.* вместо *Misce fiat pulv. subtiliss.* и др.

Подводя итог вышеизложенному, приведем в качестве примеров рецептурные прописи на латинском языке современных ЛП в полном и сокращённом вариантах, составленные согласно регламентациям Приказа. Их оформление зависит от происхождения, состава и других особенностей ЛП (табл.).

Таблица 1. Примеры рецептурных прописей ЛП на латинском языке

Оформление прописи в соответствии с Приказом	
Вариант без сокращений	Сокращенный вариант
Международное непатентованное наименование (МНН)	
Rp.: Morphini tabulettas 5 mg numero 20 D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке 2 раза в день	Rp.: Morphini tab. 5 mg N 20 D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке 2 раза в день
Rp.: Salbutamoli aërosolum 0,025 mg/d - 200 doses numero 1	Rp.: Salbutamoli aér. 0,025 mg/d - 200 doses N 1 D.S.: По 2 дозы при приступе

D.S.: По 2 дозы при приступе бронхиальной астмы.	бронхиальной астмы.
Группировочное или химическое наименование	
Rp.: Codeini + Natrii hydrocarbonatis + Terpini hydratis tabulettas 8 mg + 250 mg + 250 mg numero 10 D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке 2–3 раза в день	Rp.: Codeini + Natrii hydrocarbonatis + Terpini hydratis tab. 8 mg + 250 mg + 250 mg N 10 D.S.: Принимать внутрь, по 1 таблетке 2–3 раза в день *
Rp.: Paracetamoli +Tramadol tabulettas 325 mg + 37,5 mg numero 40 D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке 3 раза в сутки	Rp.: Paracetamoli + Tramadol tab. 325 mg + 37,5 mg N 40* D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке 3 раза в сутки
При рассмотрении примеров 3, 4 оформленных в соответствии с Приказом № 1094н МЗ РФ от 24 ноября 2021 г., возникает вопрос о возможности указания дозировок рядом с наименованием ЛС: <i>Codeini 8 mg + Natrii hydrocarbonatis 250 mg + Terpini hydratis 250 mg</i> .	
Торговое наименование	
Rp.: Zoloft tabulettas pelliculatas 100 mg numero 28 D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке вечером	Rp.: Zoloft tab. pellicul. 100 mg N 28 D.S.: Принимать внутрь по 1 таблетке вечером
Rp.: Fendivia systemata therapeutica transcutanea 50 mcg/h numero 5 D.S.: Наклеить на кожу на 72 часа	Rp: Fendivia STT 50 mcg/h N 5 D.S.: Наклеить на кожу на 72 часа
В приложении 2 Приказа, содержащем перечень латинских сокращений, рекомендованных для оформления рецептов, сокращение <i>STT</i> расшифровывается как <i>systema therapeutica transcutanea</i> (<i>трансдермальная терапевтическая система</i>), что не соответствует правилам латинской грамматики. Правильный вариант имеет вид <i>systema therapeuticum transcutaneum</i> (в единственном числе) и <i>systemata therapeutica transcutanea</i> (во множественном числе).	

В заключении отметим, что соблюдение законодательных норм, касающихся правил оформления рецептурных прописей, будет способствовать единству подходов к обучению рецептуре в курсах дисциплин, осуществляющих формирование профессиональных компетенций при работе с рецептами на всех этапах профессионального образования. Вместе с тем, при разработке и формулировании рекомендаций очень важно избегать ошибочных и двусмысленных формулировок, которые ведут к вариативности интерпретации и нарушению реализации нормативных требований при формировании практических навыков оформления рецептурных прописей на латинском языке.

Выводы

Необходимость своевременного и регулярного совершенствования компетенций, как работниками практического здравоохранения, так и профессорско-преподавательским составом учебных заведений продиктована требованием соблюдения законодательства в сфере обращения лекарственных средств и, как следствие, увеличения доступности лекарственной помощи населению. Следует также отметить важность оперативного внесения изменений в учебные и учебно-методические пособия, используемые в процессе обучения при формировании профессиональных компетенций. Для практических работников, на наш взгляд, желательно разработать алгоритм

оформления рецептурных прописей и методические рекомендации, содержащие уточнения и разъяснения, позволяющие избежать двусмысленных формулировок и неправильных интерпретаций регламентаций Приказа.

© Лазарева М.Н., Курбатов Е.Р., Собин Ф.В., 2025

Список источников

1. Дриго А.Е. Анализ соблюдения порядка оформления рецептурных бланков и правил отпуска рецептурных лекарственных препаратов / А.Е. Дриго, Л.И. Лаврентьева, О.В. Желткевич, Н.В. Корчкова // Вестник Росздравнадзора. – 2020. – №5 (2). – С. 79–84.
2. Осипова В.А. Фармацевтическая экспертиза рецептов на лекарственные препараты: нормативно-правовое регулирование и анализ наиболее распространенных ошибок при оформлении / В.А. Осипова, М.А. Мищенко, М.А. Коннова, А.А. Пономарева, Е.С. Мищенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12 (1). – С. 51–53.
3. Порсева Н.Ю. Практические аспекты регламентаций по оформлению рецептурных бланков в практике здравоохранения / Н.Ю. Порсева, Е.Р. Курбатов, М.Н. Лазарева, А.В. Солонинина, Ф.В. Собин // Фармация. – 2023. – Т.72. – №2. – С.43–48.
4. Приказ Минздрава России от 24.11.2021 N 1094н «Об утверждении порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401865/ (дата обращения: 14.01.25).
5. Петрова Г.В. Латинский язык и медицинская терминология: учебник / Г.В. Петрова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 560 с.
6. Стадульская Н.А. Основы латинского языка с медицинской терминологией: учебное пособие / Н.А. Стадульская, Л.А. Антипова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 256 с.
7. Ильенко Л.И. Унифицированные экстемпоральные прописи в современной практической медицине: учебно-методическое пособие / Л.И. Ильенко, Н.В. Орлова, Б.К. Романов и др. – М.: РНИМУ им. Н.И. Пирогова, 2024. – 348 с.
8. Харкевич Д.А. Фармакология: учебник. 13-е изд., испр. и доп./Д.А. Харкевич. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 752 с.
9. Лазарева М.Н. Латинский язык и терминология фармации: учебник, 2-е изд., перераб. / М.Н. Лазарева, М.Н. Нечай. – М.: КНОРУС, 2024. – 550 с.
10. Государственная фармакопея Российской Федерации XV издания. URL: <https://pharmacopoeia.regmed.ru/pharmacopoeia/izdanie-15/> (дата обращения: 14.01.25).

References

1. Drigo A.E., Lavrent'eva L.I., Zheltkevich O.V., Korchkova N.V. Analiz sobljudenija porjadka oformlenija recepturnyh blankov i pravil otpuska recepturnyh lekarstvennyh preparatov [Analysis of compliance with the procedure for registration of prescription forms and rules for the release of prescription drugs]. Vestnik Roszdravnadzora [Bulletin of Roszdravnadzor], 2020. – №5 (2). – Pp. 79-84.
2. Osipova V.A., Mishhenko M.A., Konnova M.A., Ponomareva A.A., Mishhenko E.S. Farmacevticheskaja jekspertiza receptov na lekarstvennye preparaty: normativno-pravovoe regulirovanie i analiz naibolee rasprostranennyh oshibok pri oformlenii [Pharmaceutical examination of prescriptions for medicines: regulatory and legal regulation and analysis of the most common mistakes in registration]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019. – № 12 (1). – Pp. 51–53.

3. Porseva N.Ju., Kurbatov E.R., Lazareva M.N., Soloninina A.V., Sobin F.V. Prakticheskie aspekty reglamentacij po oformleniju recepturnyh blankov v praktike zdravoohraneniya [Practical aspects of regulations for the preparation of prescription forms in healthcare practice]. Farmacija [Pharmacy], 2023. – Vol.72. – №2. – Pp. 43–48.

4. Prikaz Minzdrava Rossii ot 24.11.2021 N 1094n «Ob utverzhdenii porjadka naznachenija lekarstvennyh preparatov, form recepturnyh blankov na lekarstvennye preparaty, porjadka oformlenija ukazannyh blankov, ih ucheta i hranenija, form blankov receptov, soderzhashhih naznachenie narkoticheskikh sredstv ili psihotropnyh veshhestv, porjadka ih izgotovlenija, raspredelenija, registracii, ucheta i hranenija, a takzhe pravil oformlenija blankov receptov, v tom chisle v forme jelektronnyh dokumentov» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 11/24/2021 N 1094n "On approval of the procedure for prescribing medicines, forms of prescription forms for medicines, the procedure for Registration of these forms, their accounting and storage, forms of prescription forms containing the appointment of narcotic drugs or psychotropic substances, the procedure for their manufacture, distribution, registration, accounting and storage, as well as rules for registration of prescription forms, including in the form of electronic documents"]. [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401865/ (date of application: 14.01.25).

5. Petrova G.V. Latinskij jazyk i medicinskaja terminologija: uchebnik [Latin language and Medical terminology: textbook]. M.: GJeOTAR-Media, 2019. – 560 p.

6. Stadul'skaja N.A., Antipova L.A. Osnovy latinskogo jazyka s medicinskoj terminologiej: uchebnoe posobie [Fundamentals of the Latin language with medical terminology: a textbook]. M.: GJeOTAR-Media, 2022. – 256 p.

7. Il'enko L.I., Orlova N.V., Romanov B.K. i dr. Unificirovannye jekstemporal'nye propisi v sovremennoj prakticheskoy medicine: uchebno-metodicheskoye posobie [Unified extemporal prescriptions in modern practical medicine: an educational and methodical manual]. M.: RNIMU im. N.I. Pirogova, 2024. – 348 p.

8. Harkevich D.A. Farmakologija: uchebnik. 13-e izd., ispr. i dop. [Pharmacology: textbook. 13th ed., ispr. and add.]. M.: GJeOTAR-Media, 2022. – 752 p.

9. Lazareva M.N., Nechaj M.N. Latinskij jazyk i terminologija farmacii: uchebnik, 2-e izd., pererab [Latin language and Terminology of Pharmacy: textbook, 2nd ed., revised.]. M.: KNORUS, 2024. – 550 p.

10. Gosudarstvennaja farmakopeja Rossijskoj Federacii XV izdanija [The State Pharmacopoeia of the Russian Federation XV edition]. [Electronic resource] URL: <https://pharmacopoeia.regmed.ru/pharmacopoeia/izdanie-15/> (date of application: 14.01.25).

Лазарева Маргарита Николаевна кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и фармацевтической терминологии, Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия
margarita-lazareva@yandex.ru

Lazareva Margarita Nikolaevna candidate of philology, associate professor, head of the department of Latin language and pharmaceutical terminology, Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia
margarita-lazareva@yandex.ru

Курбатов Евгений Раисович доктор фармацевтических наук, доцент, профессор кафедры фармацевтической химии, Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия
kurbatov@pfa.ru

Kurbatov Evgeniy Raisovitch doctor of pharmaceutical sciences, associate professor, professor of the department of pharmaceutical chemistry, Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia
kurbatov@pfa.ru

**Собин Федор
Владимирович**

кандидат фармацевтических наук, доцент кафедры фармацевтической технологии, декан факультета промышленной фармации, Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия
fff-2005@mail.ru

**Sobin Fedor
Vladimorovitch**

candidate of pharmaceutical sciences, associate professor of the department of pharmaceutical technology, dean of the faculty of industrial pharmacy, Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia
fff-2005@mail.ru

Научная статья

УДК 81.373.4

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-87-95>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ ЭЛИТА

Татьяна Владимировна Поляк

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

poliak.tatjana@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей функционирования соционима *элита* в русскоязычном дискурсе и в языковом сознании носителей современного русского языка. На основе анализа семантики слова и его употребления в различные исторические периоды устанавливается зависимость данного термина от идеологической концепции, лежащей в основе социально-экономического устройства общества, а также от актуального медийного нарратива. На основе проведенного социолингвистического анкетирования выявляются основные представления о составе современной элиты и личностных качествах, которые должны быть присущи ее представителям.

Ключевые слова: элита, соционимы, социальные страты, социально-экономическое устройство общества, медиа-нarrатив, социолингвистическое анкетирование

Для цитирования: Поляк Т.В. Лингвоаксиологические характеристики понятия *элита* // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №3. С. 87-95. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-87-95>

Original article

LINGUO-AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT *ELITE*

Tatiana V. Polyak

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

poliak.tatjana@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of the soctionym *elite* in the Russian-language discourse and in the linguistic consciousness of speakers of modern Russian. Based on the analysis of the semantics of the word and its use in different historical periods, the dependence of this term on the ideological concept underlying the socio-economic structure of society, as well as on the current media narrative is established. On the basis of the sociolinguistic questionnaire the main ideas about the composition of the modern elite and personal qualities that should be inherent in its representatives are revealed.

Key words: elite, soctionyms, social strata, socio-economic structure of society, media narrative, sociolinguistic questionnaire

For citation: Polyak T.V. Linguo-axiological characteristics of the concept *elite*, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 3. Pp. 87-95. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-87-95>

Введение

С середины 90-х годов в российском медийном пространстве начинает активным образом использоваться слово «элита». Стремительный рост частотности его употребления, связанный с отказом России от идеологии построения бесклассового общества, наблюдается также в научном дискурсе

политической, экономической и социологической направленности. Основными проблемами, изучаемыми в рамках сформировавшейся науки «элитологии», являются определение понятия «элиты», описание входящих в ее состав социальных групп и выполняемых ими функций [1, 2]. Гораздо реже в фокусе внимания ученых находятся лингвистический и аксиологический аспекты, позволяющие судить об изменениях в семантике лексемы и в отношении общества к представителям элиты.

Цель исследования – выявить особенности функционирования соционима *элита* в диахронической перспективе и изучить его актуальные аксиологические характеристики в сознании современных россиян.

Методы и материалы

Основными методами явились этимологический, словарно-дефиниционный и контекстуальный анализ, результаты использования которых послужили основой для проведения социолингвистического анкетирования. Материалом для проведения исследования послужили толковые словари русского языка и энциклопедии, научные статьи в области элитологии, а также данные Национального корпуса русского языка и открытых интернет-ресурсов.

Характеристика понятия *элита* в диахронической перспективе

Слово *элита* восходит к латинскому языку, в котором имело значение «выбирать» и было заимствовано русским языком через посредничество французского языка [3]. Первоначально слово употреблялось для обозначения лучших сортов растений или животных («элита – лучшие растения, семена или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизведения» [4] и лишь впоследствии было перенесено на сферу социальных отношений. Отметим, что в самом известном этимологическом словаре М. Фасмера данная лексема не представлена.

Обращает на себя внимание, что «Большая советская энциклопедия» вообще не включает социологическое значение в состав предлагаемой дефиниции: «Элита: 1) в растениеводстве высококачественные семена с.-х. культур, получаемые от урожая суперэлиты <...>; 2) в животноводстве наиболее ценные по экстерьеру, конституции, наследственным качествам и продуктивности с.-х. животные, типичные для данной породы» [5]. Вышедший под редакцией Д.Н. Ушакова в 1934–1940 гг. «Толковый словарь русского языка» в качестве первого значения указывает «избранное общество», однако снабжает его пометами «книжное», «редкое»: Элита: 1. Избранное общество (книжн. редк.) [6]. Остальные приводимые словарем значения также связаны с областью растениеводства и животноводства.

Основоположник элитологии в России, Г.К. Ашин, указывает, что в русском языке слово *элита* «первоначально употреблялось купцами для обозначения товаров высшего качества: в XVIII веке сфера употребления расширяется, и термин *элита* начинает употребляться для наименования высшей знати, а также отборных воинских частей» [1, с. 22]. В советское время соционим *элита* практически выходит из активного употребления, что было обусловлено характерными для социалистической системы идеологическими установками, в соответствии с которыми советский народ представлял собой

«новую историческую, социальную и интернациональную общность» [7, с. 54]. Предполагалось, что в рамках формируемой общности не может существовать разделения общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, а трудящиеся и партия представляют собой «нерушимое единство», коллектив, сплоченный единой целью «построения коммунизма». Неслучайно сам термин элиты в данный исторический период маркируется идеологически, употребляясь преимущественно в контексте описания системы, существующей в капиталистических странах, например, Да. Элиты! Теперь Володя вспомнил: это лорды, пэры, герцоги, кавалеры ордена Бани, Подвязки и разное другое [8]; для всех или для элиты?» Ну а что такое «элиты»? Эстеты в башне из слоновой кости? [8]; в Академию воздушного флота Великобритании принимаются пилоты с 5-летним и более стажем, Авиация – элита армии, в английские училища попадают лишь сыновья весьма состоятельных подданных его величества [8]; Английская элита рассматривает себя как породистый класс, который под воздействием таких факторов, как наследственность, традиции, воспитание, лучшие других подготовлен для управления страной; как особый сорт людей, специально предназначенный стоять у кормила власти [8].

По наблюдениям Г.К. Ашина, в 50-ые годы слово элиты функционировало только в нарративе, посвященном «критике буржуазной социологии». Поскольку в Советском союзе не существовало эксплуатации человека человеком, то и не могло быть «эксплуататорского класса» [1, с. 245]. Как видим, ученый приравнивает понятие элиты к классу эксплуататоров, что выводит его за рамки отношений, существующих в социалистических государствах.

Декларируемое отсутствие элиты как некоего привилегированного класса не означало, однако, полного нивелирования различий внутри советского общества, что послужило эмпирическим основанием для изучения сущности и состава тех социальных страт, которые можно было бы рассматривать как советский коррелят элиты. Данному вопросу посвящены работы российского историка М.А. Фельдмана, изучающего «советскую, партийно-советскую, политическую и хозяйственную элиту» в различные исторические периоды существования Советского Союза [9]. В первоначальный период существования СССР «партийную элиту составляли люди, имеющие невысокий образовательный уровень, примерно одного возраста: большинство родились до 1901 г. и выросли в дореволюционной России, почти все были участниками революции и Гражданской войны» [10, с. 36]. С решением задач по ликвидации безграмотности данная характеристика отпадает, а на смену ей приходит членство в высших партийных и государственных органах. По мнению Фельдмана, несмотря на декларируемое всеобщее равенство, к элите в СССР относились члены партии, не только определяющие основные пути развития государства, но и имеющие доступ к определенным материальным благам, недоступным основным массам населения [Там же]. Реальное расслоение общества не находило, однако, своего эксплицитного выражения в именовании людей, входящих в ЦК партии, с помощью определения элита. Его использование в работах по элитологии советского периода представляет собой экстраполяцию актуального термина на предыдущий исторический период.

Увеличение частотности употребления соционима *элита* наблюдается в российском медийном пространстве с начала 90-ых годов, когда произошел слом старой социально-экономической системы и отказ от присущих ей идеологем социального равенства. Как замечает Фельдман, «классовые признаки становятся вторичными, на первый план выходит «этакратический тип стратификации, согласно которому дифференциация между социальными группами происходит, прежде всего, по их положению во властно-государственной иерархии» [10, с. 32]. Переход к рыночной системе обусловливает появление в российском медийном дискурсе сочетания *бизнес-элита*, которое понимается как «верхушка крупных предпринимателей, которые благодаря своему финансовому могуществу и наличию экономических ресурсов оказывают существенное влияние на принятие общегосударственных решений» [2, с. 5].

Обновленные, лишенные идеологизации дефиниции термина включаются в словник специализированных словарей. В политологии под *элитой* предлагается понимать «высший слой социальной структуры общества, осуществляющий функции управления, развития науки, культуры и других областей общественной жизни» [11]. В экономике элита описывается как «руководящая верхушка официальных руководителей государственной власти, высший менеджмент финансовых и коммерческих структур, опирающихся на поддержку средств массовой информации и силовые структуры» [12].

Полная деидеологизация термина характерна для «Современного словаря русского языка» под редакцией Кузнецова, определяющего значение слова как «лучшие представители общества или какой-либо его части. *Творческая элита. Региональная, политическая элита. Политическая элита* (привилегированная группа лиц, непосредственно участвующая в принятии и осуществлении решений, связанных с использованием государственной власти). О тех, кто наделил себя особыми правами. *Здесь лечилась только элита. Цены доступны лишь элите*» [13]. Согласно Большой российской энциклопедии, «элита: немногочисленная группа лиц, занимающих высшие статусные позиции (не обязательно формально закреплённые) в системе социальной иерархии, оказывающих значительное влияние на жизнь общества в различных сферах и/или обладающих теми или иными исключительными качествами и способностями, получающими высокую общественную оценку и признание» [14].

Обращает на себя внимание, что последняя дефиниция констатирует наличие у элиты «исключительных качеств и способностей, получающих высокую общественную оценку и признание», в то время как словарь С.А. Кузнецова указывает, что те, кто претендует на статус элиты, сами наделяют себя особыми правами, то есть вовсе не обязательно должны обладать некоторыми исключительными качествами. На волне резко выросшей популярности термина как в научном, так и медийном дискурсе возникают дискуссии о референтном составе российских элит и о тех качествах, которыми они обладают или должны обладать. Новое направление общероссийской дискуссии неожиданно задал президент РФ Владимир Путин в своем послании в 2024 году Федеральному

собралию: «Слово "элита" во многом себя дискредитировало теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считает себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями. Особенно имею в виду тех, кто в предыдущие годы набили карманы за счет всяких процессов в экономике с 1990-х годов. Они точно не элита». По его словам, «подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России». Труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди» (taas.ru). Данное высказывание вызвало живой отклик в российских СМИ, которые вынесли часть высказывания в медийные заголовки, например: *Путин: российская элита дискредитировала себя* (URA.RU); *Путин: Настоящая элита России – это труженики и воины* (rg.ru); *Участников СВО Путин назвал подлинной элитой* (interfax.ru); *Путин: Слово «элита» во многом себя дискредитировало* (souzveche.ru) и т.п.

Таким образом, президентом России были сформулированы четкие критерии для определения референтного состава элиты государства и имплицитным образом заданы те личностные характеристики, которые свойственны данным социальным группам. Для того чтобы выявить, кого россияне относят к элите и какими качествами, по их мнению, должны обладать ее представители, нами было проведено анкетирование среди репрезентативного количества респондентов.

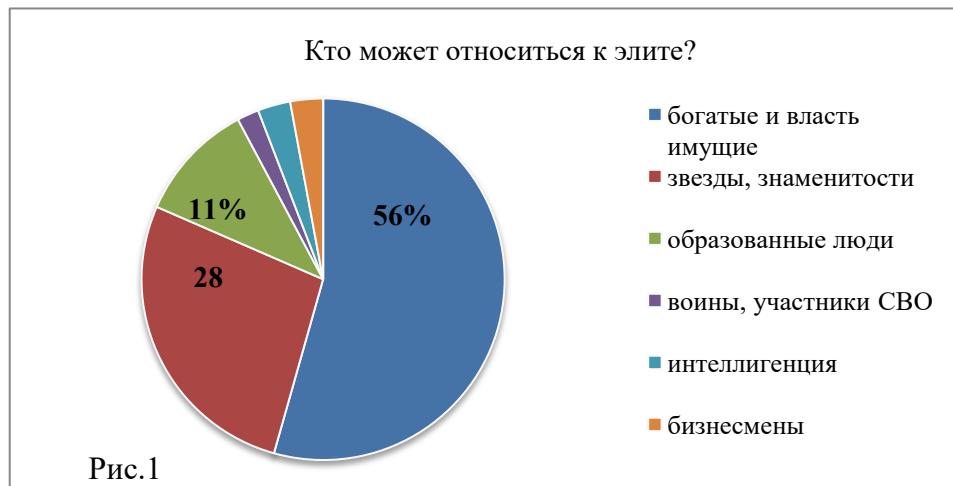
Анализ данных анкетирования респондентов

В соответствии с принятыми в социологии требованиями к составлению анкет [15] структура проведенного нами опроса включала в себя: приветствие, основные вопросы и заключительные рубрики, предполагающие учет социальных характеристик анкетируемых. К релевантным для целей нашего исследования были отнесены: возраст, образование и пол респондентов. Опрос проводился онлайн на сервисе survio.com. Основная часть анкеты включала в себя два вопроса закрытого типа: 1) «Кто, по вашему мнению, относится к элите российского общества?»; 2) «Какими качествами, по вашему мнению, должна обладать элита?». Кроме предлагаемых вариантов ответов, респондентам предоставлялась возможность дополнить выбранные из ответов собственным мнением.

На первый вопрос анкеты «Кто относится к элите российского общества?» предлагались следующие варианты ответов: *богатые люди; олигархи; власть имущие; интеллигенция; бизнесмены; члены правительства; труженики, воины, участники СВО; звезды и знаменитости; IT- специалисты; образованные люди*. На второй вопрос, «Какими качествами должна обладать элита?», предлагались следующие варианты ответов: *честность; служение идеалам; организаторские способности; высокоразвитый интеллект; выдающиеся способности и талант; богатство; медийная известность*.

Всего в анкетировании приняло участие 336 человек в возрасте от 25 лет. Среди них: 147 мужчин и 189 женщин. 195 опрошенных имеют высшее образование, 141 среднее. Анализ полученных данных показал, что, отвечая на первый вопрос, 56% опрошенных выбрали из списка богатых людей и власть имущих, 28% указали на звезд и знаменитостей, 11% отдали предпочтение образованным людям. Остальные группы были выбраны незначительным

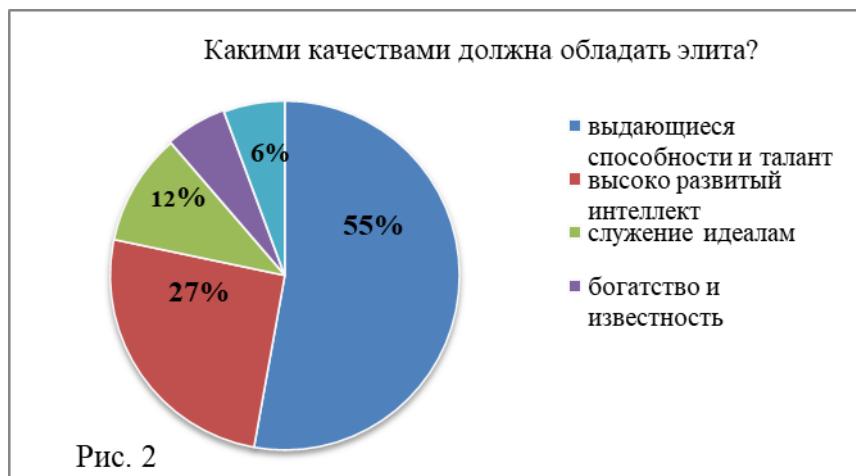
процентом опрошенных, среди которых чаще всего упоминались «бизнесмены» (3%), интеллигенция (4%) и члены правительства (3%). Анализ данных выявил разницу в выборе ответов в зависимости от возраста анкетируемых. Старшая возрастная группа чаще причисляла к элите власть имущих (70%), средняя – богатых и власть имущих (80%), молодая – звезд, знаменитостей и богатых (60%). Вариант *воины, участники СВО* был указан всеми возрастными группами, однако составил незначительный процент: 8 % – среди старшего поколения, 5 % – в средней возрастной группе и только 3 % – в группе самых молодых респондентов. Данные опроса представлены на диаграмме № 1 (рис.1).

Внимания также заслуживают дополнительные ответы, предложенные респондентами. Люди молодого возраста (34% из этой возрастной категории) предложили ответ «блогеры», «тик-токеры», «золотая молодежь»; средней возрастной группы (25%) добавили свой вариант: топ-менеджеры, креативный класс, представители шоу-бизнеса. Никто из опрошенных не предложил рассматривать в качестве элиты такие профессиональные группы, которые должны пользоваться всеобщим уважением, например, учителя или врачи.

На вопрос «Какими качествами должна обладать элита?» были выбраны следующие ответы: 55% поставили на первое место выдающиеся способности и талант, 27% – высоко развитый интеллект, 12% – служение идеалам и только 6% – богатство, известность и организаторские способности. Старшая возрастная группа чаще выделяла выдающиеся способности (45%). Также важный акцент был сделан на служение идеалам, поддержанный 30% опрошенных. Организаторские способности были указаны только 20% респондентов, в то время как богатство и медийная известность были выбраны 5% анкетированных. Средняя возрастная группа продемонстрировала несколько иные предпочтения. Выдающиеся способности и талант были указаны 40% респондентов, служение идеалам – 35% респондентов, организаторские способности и высокоразвитый интеллект – 20%, богатство и медийная известность – 5%. Младшая возрастная группа преимущественно указала на «богатство» и «известность» (60%), что может свидетельствовать о сложившихся в данной группе предпочтениях в системе ценностей.

Организаторские способности и высокоразвитый интеллект был отмечен 25% опрошенных, выдающиеся способности и талант – 15%. Данные опроса представлены на диаграмме № 2 (рис. 2).

Заключение

Итак, выполненное исследование показало, что понятие «элита» является эластичным термином, его референтный состав и отношение общества к представителям элиты меняется в зависимости от господствующих идеологических установок и геополитической ситуации. Данные экстралингвистические факторы влияют на представления об элите и тех качествах, которые должны быть присущи «лучшим» людям государства. В их оценке наблюдается дифференциация, обусловленная социовозрастными параметрами.

© Поляк Т.В., 2025

Список источников

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность / Г.К. Ашин. – М.: МГИМО-университет, 2010. – 600 с.
2. Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия / О.В. Крыштановская // Мир России. –2002. – № 4. – С. 3-60.
3. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. <https://www.etymonline.com/word/elite> (дата обращения: 21.01.2025)
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. <https://www.booksite.ru> (дата обращения: 21.01.2025)
6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. – 1247 с.
7. Булыгина Т.А., Амбарцумян К.Р. К вопросу об истории формирования концепции «новая историческая общность – советский народ» и ее реализация в 1970-1980-е годы / Т.А. Булыгина, К.Р. Амбарцумян // История: факты и символы. – 2022. – № 3. – С. 52-62.
8. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 21.01.2025)
9. Фельдман М.А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации / М.А. Фельдман // Дискурс-Пи. – 2021. – № 4. С. 29-45.

10. Фельдман М.А. Осмысление партийно-хозяйственной элитой СССР итогов первой пятилетки: путь к прозрению не бывает легким /М.А. Фельдман // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – № 3. С. 76-84.
11. Коновалов В. Н. Политология: словарь / В.Н. Коновалов. – М.: РГУ, 2010. – 290 с.
12. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2024. — 512 с.
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.
14. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. <https://bigenc.ru> (дата обращения: 21.01.2025)
15. Клеменчук С.В. О методах социолингвистического исследования / С.В. Клеменчук // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 3 (34). – с. 148.

References

1. Ashin G.K. Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost' [Elitology: History, Theory, Modernit]. Moscow, MGIMO- University, 2010. – 600 p.
2. Kryshtanovskaya O.V. Biznes-elita i oligarhi: itogi desyatiletija [Business-elite and oligarchs: results of the decade]. Mir Rossi [The World of Russia], 2002. – No. 4. – Pp. 3-60.
3. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/word/elite> (acsssed: 21.01.2025).
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik, 1999. – 944 p.
5. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. [Big Soviet Encyclopedia]. Available at: <https://www.booksite.ru> (acsssed: 21.01.2025).
6. Ushakov D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennoj russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Al'ta-Print, 2007. – 1247 p.
7. Bulygina T.A., Ambarcumyan K.R K voprosu ob istorii formirovaniya kontsepcii «novaya istoricheskaya obshchnost' – sovetskij narod» i ee realizatsiya v 1970-1980-e gody [On the history of the formation of the concept "new historical community - the Soviet people" and its realization in the 1970s-1980s]. Iстория: факты и символы [History: facts and symbols], 2022. – № 3. – Pp. 52-62.
8. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/en/> (acsssed: 21.01.2025).
9. Fel'dman M.A. Sovetskaya elita 1930-h gg.: problema identifikatsii [Soviet elite of the 1930s: the problem of identification]. Diskurs-Pi [Discourse-Pi], 2021. – № 4. – Pp. 29-45.
10. Fel'dman M.A. Osmyslenie partijno-hozyajstvennoj elitoj SSSR itogov pervoj pyatiletki: put' k prozreniyu ne byvaet legkim [Comprehension of the results of the first five-year plan by the party and economic elite of the USSR: the path to insight is not easy]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia], 2021. – № 3. – Pp.76-84.
11. Konovalov V. N. Politologiya: slovar'. Moscow, RGU, 2010. – 290 p.
12. Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. Sovremennyj ekonomicheskij slovar' [Modern Economic Dictionary]. Moscow, INFRA-M, 1999. – 512 p.
13. Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. SPb., Norint, 1998. – 1534 p.
14. Bol'shaya rossiskaya entsiklopediya. [Big Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru> (accessed 21 .01.2025).
15. Klemenchuk S.V. O metodah sotsiolingvisticheskogo issledovaniya [On the methods of sociolinguistic research]. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education], 2010. – № 3 (34). – p.148.

**Поляк Татьяна
Владимировна**

старший преподаватель, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, Россия
polyak.tatjana@yandex.ru

**Polyak Tatiana
Vladimirovna**

senior lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
polyak.tatjana@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-96-105> 5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ТЕКСТЫ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ

Михаил Константинович Шептухин

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

mikhailsheptukhin@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме лингвистической классификации документных текстов, актуальность которой обусловлена расширением пространства современной деловой коммуникации. Цель работы состоит в выявлении жанровых особенностей документов, реализующих общую интенцию регламентирования. С применением метода жанровой параметризации установлены разновидности регламентирующих текстов: директивные и разъяснительные. Специфика их речевого воплощения показана на примере документов сферы образования (регламент и методические рекомендации): в директивных регламентирующих текстах использованы языковые средства, эксплицирующие иерархические отношения субъектов коммуникации и модальность долженствования; в разъяснительных регламентирующих текстах – языковые средства, выражающие наставнические отношения субъектов коммуникации, широкий спектр модальных значений (возможности, необходимости, долженствования, совета, запрета), а также языковые средства, приводящие к деофициализации документа.

Ключевые слова: документ, регламентирующий текст, жанр, жанровые разновидности, речевая организация

Для цитирования: Шептухин М.К. Современные регламентирующие тексты: к вопросу о жанровой специфике // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – № 4. – С. 96-105. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-3-96-105>

Original article

MODERN REGULATORY TEXTS: ON THE ISSUE OF GENRE SPECIFICS

Mikhail K. Sheptukhin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

mikhailsheptukhin@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the problem of linguistic classification of document texts, the relevance of which is due to the expansion of the space of modern business communication. The purpose of the work is to identify the genre features of documents that implement the general intention of regulation. Using the method of genre parameterization, two types of regulatory texts have been established: a directive and an explanation. The specifics of their speech embodiment is shown by the example of educational documents (regulations and methodological recommendations).: The prescriptive regulatory texts use linguistic means that explicate the hierarchical relationships of communication subjects and the modality of duty; explanatory regulatory texts use linguistic means that express the mentoring relationships of communication subjects, a wide range of modal meanings (opportunities, necessities, duties, advice, prohibition), as well as linguistic means that lead to the de-formalization of the document.

Keywords: document, regulatory text, genre, genre varieties, speech organization

For citation: Sheptukhin M.K. Modern regulatory texts: on the issue of genre specifics,

Введение

В исследованиях, посвященных современной деловой коммуникации, отмечается расширение ее сфер [1], появление новых видов документов в связи с использованием ИТ-технологий как канала передачи информации [2], стирание границ между документами разных видов и подсистем [3–5], стилевая неоднородность документных текстов и др. [6, 7]. В связи с этим актуальность приобретают проблемы трактовки понятия «документ», определения документного статуса новых текстовых объектов, систематизации и типологизации документов и др.

В специальной литературе представлены классификации, в основе которых экстравелингвистические (способ документирования, отношение к аппарату управления, количество затронутых вопросов, ограничение доступа, степень подлинности, сроки хранения, сфера деятельности, способ передачи документов и др.) или интравелингвистические (качества текста, его структура, особенности лексико-грамматической и стилевой организации) признаки (см., напр.: [8–12]). Однако типологизация документов в жанровом аспекте до сих пор остается дискуссионным вопросом, поскольку нет четких критериев, которые учитывали бы все многообразие видов документов, обеспечивающих деловую коммуникацию в разных сферах жизни социума.

Перспективной при лингвистической классификации документов, отражающих современные тенденции деловой коммуникации, может стать их комплексная оценка, которая позволит охарактеризовать жанровые особенности документа, установив соотношение интенции адресанта и ее речевой реализации в тексте.

Обратимся к документам, которые связаны с общей для них интенцией регламентирования и предназначены для установления определенных правил, требований и порядка осуществления какой-либо социальной деятельности. К ним относят регламент, инструкцию, порядок, правила, положения, методические рекомендации и др. (см., напр.: [13]). Такие документы представляют собой парадигму текстов, имеющих формально-содержательные особенности. Учитывая это, считаем целесообразным использовать термин «регламентирующий текст» (= «регламентирующий документ») как обобщающую номинацию. В документах интенция регламентирования может быть реализована по-разному: как директивная или как разъяснительная. В связи с этим выделим разновидности регламентирующих текстов: 1) директивные (напр., положение, правила, регламент, порядок) и 2) разъяснительные (напр., методические рекомендации, руководство пользователя, инструкция). Выявление различий в реализации общей интенции регламентирующих текстов возможно на основе анализа ее речевого воплощения.

Материал и методы

Для описания разновидностей регламентирующих текстов и выявления их жанровой специфики в аспекте речевого воплощения мы применили метод жанровой параметризации на основе модели жанра документного текста. Она разработана О.А. Горбань, М.В. Косовой, Е.М. Шептухиной, Е.Ю. Ильиновой [14] в результате адаптации к анализу документного текста модели речевого жанра, которая предложена Т.В. Шмелевой [15]. Используемая в нашей работе модель объединяет такие параметры жанра, как «адресант» и «адресат», «функция», «информация», «структура», «модальность», «пространство», «время» [14]. Эти «параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста разноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое» [14, с. 184]. Определяющими для оценки жанра документного текста являются параметры «адресант» и «адресат» (субъекты коммуникации), «функция» и связанный с ними параметр «модальность».

Материалом для исследования послужили документы, функционирующие в высших и средних специальных учебных заведениях. Обращение к сфере образования обусловлено разнообразием субъектов делового взаимодействия и его целей (обучение, воспитание, управление и др.), что нашло отражение в разнообразии обеспечивающих ее регламентирующих текстов. Различия в речевом воплощении интенции регламентирования иллюстрируются в статье документами, через которые осуществляется компьютерно-опосредованная коммуникация: «Регламент проведения в ВолГУ государственной итоговой аттестации с применением дистанционных образовательных технологий» (директивный регламентирующий текст), «Методические рекомендации по оформлению работ студентов с использованием мультимедийных технологий для студентов СПО по укрупненной группе специальностей 38.00.00 Экономика и управление» (разъяснительный регламентирующий текст).

Результаты

1. Директивный регламентирующий текст

Любой регламент – это документ, «в котором в целях упорядочения определенного участка деятельности зафиксированы те или иные часто повторяющиеся операции участников процесса, а также сроки исполнения тех или иных технологических операций» [16, с. 83]. Выбранный для анализа «Регламент проведения в ВолГУ государственной итоговой аттестации с применением дистанционных образовательных технологий» (далее Регламент) представляет собой перечень обязательных действий всех участников процесса аттестации, выполнение которых обеспечивает его эффективность.

Адресант Регламента неоднородный: в создании документа участвовали разные должностные лица. Во-первых, это специалист Управления образовательных программ, который подготовил документ (прямой адресант), во-вторых, должностное лицо, согласовавшее документ, и должностное лицо,

утвердившее документ (косвенный адресант) (подробно о прямом и косвенном адресате см.: [6, с. 9]).

Прямой адресант обозначен в реквизите, расположенному внизу титульного листа: *Разработчик: начальник УОП ФИО* и в реквизите «подпись». Косвенный адресант указан в реквизитах «наименование организации – автора документа»: *ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»*; «гриф утверждения документа» и «наименование должностного лица, утвердившего документ»: *УТВЕРЖДАЮ ректор ФИО*; а также «гриф согласования документа» и «наименование должностного лица, согласовавшего документ»: *СОГЛАСОВАНО проректор по учебной работе ФИО*, в реквизите «наименование вида документа»: *Регламент проведения в ВолГУ государственной итоговой аттестации с применением дистанционных образовательных технологий*.

В документе содержится информация о социальном статусе адресанта: использованы существительные, называющие человека в каком-либо аспекте его социальных функций и характеристик: *ректор, проректор, разработчик, начальник УОП ... + ФИО*; неодушевленные нарицательные существительные, содержащие в структуре значения сему ‘организация’: *Волгоградский государственный университет, ВолГУ*; антропонимы – имена собственные, обозначающие человека, занимающего ту или иную должность: *должность + ...ФИО*.

Адресат Регламента неоднородный. Это председатель, члены и секретарь ГЭК, руководители ВКР, обучающиеся – студенты, допущенные к итоговой аттестации, а также подразделение, ответственное за аттестационное испытание. Указание на того или иного адресата осуществляется посредством существительных, называющих человека в аспекте выполняемых им социальных функций, например: *Не позднее чем за 10 минут до начала заседания ГЭК в режиме видеоконференции все обучающиеся, члены и секретарь ГЭК, а также руководители ВКР должны подключиться к назначенному собранию*.

Отметим, что в административной структуре вуза адресант и адресат находятся в иерархических отношениях подчинения как вышестоящий и нижестоящий, что обеспечивает реализацию **директивной функции** документа.

Ее содержание определено в разделе 1. Общие положения: *1.2. Регламент устанавливает процедуру и особенности проведения государственной итоговой аттестации (далее – ГИА) с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, в т. ч. в режиме видеоконференции*. Реализация этой функции осуществляется базовыми в русском языке лексическими и грамматическими средствами, выражающими модальное значение долженствования: модальные слова в сочетании с инфинитивом. Частотным является модальное слово *должен*: *должны обеспечивать, должно включать, обучающийся должен проверить, приступить и т. д.* Реже семантика долженствования выражается модальным словом *обязан* и наречием *вправе*: *Обучающийся обязан не позднее чем за 10*

календарных дней до начала аттестационного испытания направить...; В случае технических сбоев... председатель ГЭК вправе перенести аттестационное испытание на другое время.

Регламент содержит большое количество глаголов несовершенного вида в формах настоящего времени, акцентируя вневременной характер действия, напр.: *председатель называет фамилию, предлагает выбрать экзаменационный билет; обучающийся подтверждает* и др. Эти единицы имплицитно выражают семантику директивности. Характеризуя прескриптивные тексты, Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова писали, что содержащаяся в них информация «является руководством к действию и, следовательно, глагольные предикаты осложняются модальным значением *долженствования*» [17, с. 350].

Итак, эксплицированные в документе иерархические отношения субъектов коммуникации и модальность *долженствования*, связанная с директивной функцией, позволяют определить регламент как директивный регламентирующий текст.

2. Разъяснительный регламентирующий текст

Любые методические рекомендации представляют собой документ, в котором содержатся предложения и указания, обеспечивающие эффективное решение какой-либо задачи. Выбранные для анализа «Методические рекомендации по оформлению работ студентов с использованием мультимедийных технологий для студентов СПО по укрупненной группе специальностей 38.00.00 Экономика и управление» (далее Методические рекомендации) содержат описание последовательности действий по подготовке мультимедийной презентации и комментарии к требованиям, которые к ней предъявляются; их соблюдение позволит студентам создать качественный продукт и получить положительную оценку.

Адресант анализируемых Методических рекомендаций неоднородный, поскольку в их создании принимали участие разные лица. Во-первых, это преподаватель кафедры, который подготовил документ (прямой адресант), он указан на обороте титульного листа. Во-вторых, это должностные лица, имеющие полномочия рассмотреть и одобрить документ, а также должностное лицо, его утвердившее (косвенный адресант). Прямой и косвенный адресанты указаны на титульном листе документа. Для их номинации использованы существительные, называющие человека в каком-либо аспекте его социальных функций и характеристик: *преподаватель, председатель, директор филиала*; неодушевленные нарицательные существительные, содержащие в структуре значения сему ‘организация’: *преподаватель Владимирского филиала федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»*; антропонимы – имена собственные, обозначающие человека, занимающего ту или иную должность: *должность + ...ФИО*.

Адресат Методических рекомендаций однородный, это студенты определенной специальности, что указано на титульном листе, в реквизите «наименование вида документа». Кроме того, указание на адресата

осуществляется при изложении содержания Методических рекомендаций, для этого используются существительное *студент*, формы второго лица местоимений и глаголов, например: *Студенту рекомендуется записать текст выступления; Титульная страница необходима, чтобы представить аудитории Вас и тему вашего выступления; Вводите только те обозначения и понятия, без которых понимание основных идей доклада невозможна.*

Адресант и адресат находятся в отношениях наставничества (более опытный и менее опытный), которые обеспечивают освоение студентом определенных компетенций.

Функция разъяснения, обусловленная интенцией адресанта, определена в одном из разделов текста – Пояснительной записке: *Данные методические рекомендации предназначены для помощи студентам в оформлении презентаций к докладам, рефератам, эссе, сообщениям, портфолио, курсовым работам и выпускным квалификационным работам.* Она актуализирована существительным *помощь*, обозначающим оказание содействия, которое в учебном процессе возможно посредством разъяснения требований, дополнительного объяснения какого-либо учебного материала и т. д.

Функция разъяснения эксплицируется широким спектром модальных средств. Как и в рассмотренном выше Регламенте, здесь представлена модальность долженствования, которая выражена сочетанием модального слова *должен* с инфинитивом: *Слушатели должны успеть воспринять информацию и со слайда, и на слух; Каждая фраза должна логично подводить к следующим фразам и мн. др.* Значение долженствования в некоторых контекстах усиливается наречием: *Информация, которая плохо воспринимается на слух – даты, имена, новые термины, понятия – должна быть обязательно представлена на слайдах.*

Однако отметим, что модальность долженствования не является единственной и даже доминирующей. В тексте Методических рекомендаций отмечаются модальные значения возможности, необходимости, совета, запрета, для выражения которых используются, как правило, специально предназначенные для этого лексические и грамматические средства. Представим их в порядке убывания количества примеров реализации.

Значение возможности передается модальным глаголом *мочь* или модальным словом *можно* с инфинитивом: *Информация на слайде может быть более формальной и строго изложенной, чем в речи. На слайдах с ключевыми определениями можно задержаться подольше.*

Модальное значение необходимости, как правило, выражено модальными словами *необходимо*, *надо* в сочетании с формой инфинитива: *При подготовке презентации необходимо соблюдать следующие требования; Над каждой фразой надо критически подумать.* В редких случаях семантика необходимости передается глаголом *следовать* и усиливается эмоционально-экспрессивным наречием: *Непонятные фразы следует безжалостно изымать из презентации.* Кроме того, семантика необходимости может актуализироваться наречием, выражающим рациональную оценку, например: *важно ответить на вопросы.*

Модальность совета актуализируется использованием сравнительной степени наречия *хорошо*, глагола *рекомендовать* (= «на правах знающего человека давать (дать) совет использовать что-л.»): *Лучше записать и выучить свою речь наизусть, если вы чувствуете себя неуверенно перед аудиторией*; *Студенту рекомендуется записать текст выступления дословно*. Для выражения совета составитель методических рекомендаций использует разговорное сочетание *иметь смысл* в значении «целесообразно»: *Имеет смысл размещать на слайде такой объем текста, который бы не приводил к автоматическому уменьшению размера шрифта*.

Значительно реже, чем указанные выше модальные значения, в тексте актуализируется модальность запрета, для чего используется наречие соответствующей семантики: *В коротком выступлении нельзя повторять одну и ту же мысль*. Кроме того, в анализируемом материале представлены контексты, в которых выражен неполный запрет: *Средства динамического представления информации должны использоваться в исключительных случаях*. В приведенном примере наречие *исключительный* («осовенный, редкий») обозначает ограничение на распространение запрета.

Итак, эксплицированные в документе наставнические отношения субъектов коммуникации, широкий спектр модальных значений, формы второго лица местоимений и глаголов, разговорные и эмоционально-экспрессивные языковые средства, приводящие к деофициализации документа, позволяют определить методические рекомендации как разъяснительный регламентирующий текст.

Заключение

Результаты анализа документов, обеспечивающих управление различными процессами в сфере образования, показали перспективность использования метода жанровой параметризации документного текста для выявления его специфики. Различия регламентирующих текстов обусловлены вариантом реализации общей интенции регламентирования, которая может быть актуализирована как директива или разъяснение.

Расширение парадигмы регламентирующих текстов требует уточнения их классификации, в которой бы учитывалось все их жанровое многообразие; и это является актуальной задачей современной лингвистики.

© Шептухин М.К., 2025

Список источников

1. Маджаева С.И. Функции медицинского документа «История болезни» / С.И. Маджаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. – 2016. – № 1 (30). – С. 147-153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.1.20. – EDN: VVMWYJ.
2. Белоус Е.С. Интерактивные документы: языковые особенности и документный статус / Е.С. Белоус // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 168-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14>. – EDN: FWPPJN.
3. Киреева Е.З. Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) / Е.З. Киреева // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 108-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122. – EDN: WZKKID.

4. Плигина Е.С. К проблеме документного статуса PR-текста / Е.С. Плигина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоzнание. – 2012. – № 2 (16). – С. 146-149. – EDN: PUAPTZ.
5. Ширинкина М.А. Информационный тип документов исполнительной власти: проблемы выделения и описания / М.А. Ширинкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоzнание. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020A14>. – EDN: VVBBWN.
6. Косова М.В. Инициатива как вид документа / М.В. Косова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2023. – № 3. – С. 5-18. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-3-1. – EDN: IOGPVQ.
7. Романова Н.А. К вопросу о стилевой принадлежности текстов клинических рекомендаций (руководств) / Н.А. Романова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2 (299). – С. 132-138. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_2_132. – EDN: ILQRIH.
8. Косова М.В. Понятийно-терминологический аппарат ДОУ: проблемы и перспективы / М.В. Косова // Материалы международной научной конференции «Энергетика 2008: инновации, решения, перспективы». В 5 кн. Кн. 5 «Экономика и социальные технологии». – Казань: Казанский госуд. энергетич. ун-т, 2008. – С. 149-152.
9. Кузнецова Т.В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления) / Т.В. Кузнецова. – Москва: Бизнес-Школа Интел-Синтез, 2002. – 374 с.
10. Кушнерук С.П. Документная лингвистика / С.П. Кушнерук. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – 245 с.
11. Ларьков Н.С. Документоведение / Н.С. Ларьков. – Москва : Проспект, 2016. – 412 с.
12. Токарев Г.В. Документная лингвистика / Г.В. Токарев. – Тула: Арт-принт, 2010. – 125 с.
13. Шарипова Р.Р. Композиционные и лексические особенности текстов регламентирующих документов системы менеджмента качества / Р.Р. Шарипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. – С. 205-207. – EDN: UIPOEN.
14. Горбань О.А. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVII века (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») / О.А. Горбань, Е.Ю. Ильинова, М.В. Косова, Е.М. Шептухина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 (155). – С. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074. – EDN: XHPZYF.
15. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88-98.
16. Шарипова Р.Р. Композиционно-речевая организация текста регламента как регулирующего документа / Р.Р. Шарипова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоzнание. – 2014. – № 2 (21). – С. 82-89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.2.11>. – EDN: SPGDBL.
17. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – Москва : Наука, 2004. – 544 с.

References

1. Madzhaeva S.I. Funktsii meditsinskogo dokumenta «Istoriia bolezni» [Function of medical document “Clinical Record”]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. – 2016. – No. 1 (30). – Pp. 147-153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.1.20. – EDN: VVMWYJ.
2. Belous E.S. Interaktivnye dokumenty: iazykovye osobennosti i dokumentnyi status [Interactive Documents: Language Features and Document Status]. Vestnik Volgogradskogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. – 2021. – Vol. 20. – No. 1. – Pp. 168-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14>. – EDN: FWPPJH.

3. Kireeva E.Z. Faktor adresata v tekste ofitsialnogo dokumenta (na materiale ukazov gubernatora Tulskoi oblasti, izdannykh v sviazi s rasprostraneniem Covid-2019) [Addressee factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019)]. Nauchnyi dialog. – 2020. – No. 8. – Pp. 108-122. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-108-122>. – EDN: WZKKID.

4. Pligina E.S. K probleme dokumentnogo statusa PR-teksta [PR text as a document]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. – 2012. – No. 2 (16). – Pp. 146-149. – EDN: PUAPTZ.

5. Shirinkina M.A. Informatsionnyi tip dokumentov ispolnitelnoi vlasti: problemy vydeleniia i opisaniia [Information Documents of Executives: Problems of Identification and Description]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. – 2020. – Vol. 19. – No. 4. – Pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020A14>. – EDN: VVBBWN.

6. Kosova M.V. Initsiativa kak vid dokumenta [Initiative as a type of document]. Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psichologiya [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology]. – 2023. – No. 3. – Pp. 5-18. DOI: [10.5922/pikbfu-2023-3-1](https://doi.org/10.5922/pikbfu-2023-3-1). – EDN: IOGPVQ.

7. Romanova N.A. K voprosu o stilevoi prinadlezhnosti tekstov klinicheskikh rekomendatsii (rukovodstv) [On the question of the stylistic affiliation of the text of clinical recommendations (guidelines)]. Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia Voronezh State Pedagogical University]. – 2023. – No. 2 (299). – Pp. 132-138. DOI: [10.47438/2309-7078_2023_2_132](https://doi.org/10.47438/2309-7078_2023_2_132). – EDN: ILQRIH.

8. Kosova M.V. Poniatiino-terminologicheskii apparat DOU: problemy i perspektivy [Conceptual and terminological apparatus of preschool educational institutions: problems and prospects]. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Energetika 2008: innovatsii, resheniia, perspektivy». V 5 kn. Kn. 5 «Ekonomika i sotsialnye tekhnologii» [Proceedings of the international scientific conference “Energy 2008: innovations, solutions, prospects”. In Book 5, Book 5 “Economics and Social Technologies”]. – Kazan: Kazanskii gosud. energetich. un-t, 2008. – Pp. 149-152.

9. Kuznetsova T.V. Deloproizvodstvo (dokumentatsionnoe obespechenie upravleniia) [Office management (documentation support for management)]. – Moskva: Biznes-Shkola Intel-Sintez, 2002. – 374 p.

10. Kushneruk S.P. Dokumentnaia lingvistika [Documentary linguistics]. – Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo, 2007. – 245 p.

11. Larkov N.S. Dokumentovedenie [Documentation management]. – Moskva: Prospekt, 2016. – 412 p.

12. Tokarev G.V. Dokumentnaia lingvistika [Documentary linguistics]. – Tula: Art-print, 2010. – 125 p.

13. Sharipova R.R. Kompozitsionnye i leksicheskie osobennosti tekstov reglamentiruiushchikh dokumentov sistemy menedzhmenta kachestva [Compositional and lexical peculiarities of texts of regulatory documents of the quality management system]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. – 2015. – No. 10 (52): v 2-kh ch. Ch. I. – Pp. 205-207. – EDN: UIPOEN.

14. Gorban O.A. Zhanrovye osobennosti voiskovykh gramot serediny XVIII veka (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhailovskii stanichnyi ataman») [Genre characteristics of the 18th century military charters (With Reference to the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive] / O.A. Gorban, E.Iu. Ilinova, M.V. Kosova, E.M. Sheptukhina. Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. – 2016. – No. 3 (155). – Pp. 182-199. DOI: [10.15826/izv2.2016.18.4.074](https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.074).

EDN: XHPZYF.

15. Shmeleva T.V. Model rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. Zhanry rechi [Genres of speech]. – Saratov: Kolledzh, 1997. – Iss. 1. – Pp. 88–98.
16. Sharipova R.R. Kompozitsionno-rechevaia organizatsiia teksta reglamenta kak reguliruiushchego dokumenta [The compositional and speech organization of regulation text as a regulatory document]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. – 2014. – No. 2 (21). – Pp. 82-89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.2.11>. – EDN: SPGDBL.
17. Zolotova G.A. Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [The communicative grammar of the Russian language]. G.A. Zolotova (ed.). – Moskva: Nauka, 2004. – 544 p.

**Шептухин Михаил
Константинович**

аспирант кафедры русской филологии и журналистики,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
mikhailsheptukhin@yandex.ru

**Sheptukhin Mikhail
Konstantinovitch**

postgraduate student of the department of Russian philology and
journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia
mikhailsheptukhin@yandex.ru

Требования к оформлению статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *.doc* или *.docx*. Рукопись присыпается через личный кабинет автора на сайте.

Параметры страницы. Формат А4 (книжный). Поля: все по 20 мм.

Форматирование основного текста. Абзацный отступ 1,25 см.

Межстрочный интервал шапки статьи – одинарный, текста статьи – полуторный. Нумерация страниц располагается внизу страницы в углу справа.

Шрифт Times New Roman, Ообычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

Объем статьи. Минимальный объем статьи 8 страниц, максимальный объем – до 12 страниц машинописного текста.

Требования к составу публикуемой статьи.

Публикуемая в журнале статья должна состоять из следующих последовательно расположенных элементов:

- «Научная статья» – слева, шрифт 12пт;
- индекс (УДК) – слева, шрифт 12пт;
- шифр научной специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым представлена статья в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 года № 118 – слева, шрифт 12пт;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.9.5 Русский язык.
 - заголовок (название) статьи на русском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) на русском языке – слева, шрифт 12пт, полужирный;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на русском языке указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений¹⁾ (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - электронная почта автора (ов) – слева, шрифт 12пт
 - аннотация на русском языке – шрифт 12пт;
 - ключевые слова на русском языке – шрифт 12пт;
 - «Original article» – слева, шрифт 12пт;
- заголовок (название) статьи на английском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
- имя, отчество и фамилия автора (ов) – слева, шрифт 12пт, полужирный на английском языке;
- сведения о месте работы (учёбы) авторов на английском языке (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
- аннотация на английском языке – шрифт 12пт;
- ключевые слова – шрифт 12пт;

- текст статьи – шрифт 14пт, интервал полуторный;
- список источников – шрифт 12пт, интервал одинарный.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья
УДК 811.133.1 5.9.6 Языки народов зарубежных стран
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30> (французский)

**РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ
(на материале французского языка)**

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

**THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE
PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS
(based on the French language)**

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

Редакция журнала рекомендует придерживаться традиционной структуры написания статьи (введение, цели исследования, методы исследования, полученные результаты, обсуждение результатов и выводы). Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.

Аннотация. Объем – не превышает 250 слов.

Ключевые слова. не меньше 3 и не больше 15 слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Список источников. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. **Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.**

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются односторонность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. *La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques* [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. *La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques* [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. *Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii* [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – Т. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Ришадовна | кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань
grechukhinaz@mail.ru

Grechukhina Zemfira Rishadovna | candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan
grechukhinaz@mail.ru

Евгения Юрьевна Кислякова | кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград
evgenija.kislyakova2@yandex.ru

Kislyakova Evgeniya Yurievna | candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia
evgenija.kislyakova2@yandex.ru

Библиографическая запись

Для связи списка цитируемой литературы с текстом статьи используются отсылки в ГОСТ Р 7.0.7–2021. Отсылки в тексте статьи заключают в квадратные скобки. Порядковый номер цитируемого источника приводят в соответствующей строке текста статьи, например, [5]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой, например, [5, с. 23].

References составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать]), выходные данные с обозначениями на английском языке. Для транслитерации с кириллицы на латиницу рекомендуем использовать систему автоматического транслитерирования на сайте <http://www.translit.ru> (выбрав при этом опцию «МВД»).

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. *Nazvanie zhurnala [Title of Journal]*, 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

- представлять в References описание журнала только в транслитерированном варианте (без перевода) недопустимо;
- при описании изданий без авторов (сборников, коллективных монографий) допускается вместо авторов писать одного, максимум двух редакторов издания;
- для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо просто “Unpublished Source” или “Unpublished Report” и т.д., если авторство в документе отсутствует;
- так как русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, необходимо в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;
- нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников. Это часто приводит к потере связки, так как название может быть не идентифицировано;
- все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства (кроме собственного непереводного имени издательства, оно транслитерируется)) должны быть представлены на английском языке;
- в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не надо указывать тип изданий;
- в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании указывается “Pp.” перед страницами; количество страниц в полном издании (книге) – указывается как “р.” после указания количества страниц;
- перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

- одна публикация описывается в списке литературы один раз, независимо от того, сколько раз в тексте публикации был упомянут источник;
- если книга в списке литературы (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы издания были процитированы в тексте; исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы, с указанием страниц “от-до”;
- для транслитерации необходимо использовать системы автоматического перевода кириллицы в романский алфавит; не делать транслитерацию вручную;
- для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Примеры оформления списка источников.

- Блэйк П.Г. Современные представления об анемии при почечной недостаточности / П.Г. Блэйк // Нефрология и диализ. – 2000. – Т. 2. – № 4. – С. 278-286.
- Аронов Д.А. Функциональные пробы в кардиологии / Д.А. Аронов, В.П. Лупанов. – М.: МЕДпресс-информ, 2007. – 328 с.
- Горелкин А.Г. Пат. 2387374 Рос. Федерация, МПК A61B5/107 Способ определения биологического возраста человека и скорости старения / А.Г. Горелкин, Б.Б. Пинхасов; заявитель и патентообладатель ГУ НЦКЭМ СО РАМН. – № 2008130456/14; заявл. 22.07.2008; опубл. 27.04.2010. Бюл. № 12.
- Онищенко Г.Г. Иммунобиологические препараты и перспективы их применения в инфектологии / Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкин, С.С. Афанасьев, В.В. Поспелова; под ред. Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкина, С.С. Афанасьева, В.В. Поспеловой – М.: ГБОУ ДПО ВУНМЦ МЗ РФ, 2002. – 608 с.
- Иванов В.И. Роль индивидуально-типологических особенностей студентов в адаптации к учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук / В.И. Иванов. – Томск, 2002. – 18 с.
- Johnson D.W. Novel renoprotective actions of erythropoietin: New uses for an old hormone / D.W. Johnson, C. Forman, D.A. Vesey // Nephrology. – 2006. – Vol. 11. – № 4. – Pp. 306-312.
- Государственный реестр лекарственных средств. URL: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 11 февраля 2019).

Далее следует список источников («References»), оформленный в следующем порядке:

- все авторы и название статьи в транслитерированном варианте (использовать сайт <https://translit.net/>, выбрав стандарт BGN.

Окошко переключения между стандартами размещается над строкой с буквами алфавита),

- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках,
- наименование русскоязычного источника в транслитерированном варианте,
- перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках,
- выходные данные с обозначениями на английском языке.

Примеры оформления списка источников в латинице (References).

- Пример оформления *книги*: Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.
- Пример оформления *статьи из журнала*: Bleyk P.G. Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.
- Пример оформления *патента*: Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.
- Пример оформления *диссертации*: Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo hepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.
- Пример оформления *статьи с DOI*: Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.
- Пример оформления *статьи из сборника трудов*: Kantemirova B.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticeskoy patologiyey [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.
- Пример оформления *материалов конференций*: Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya

antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiskikh gosudarstv "Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny" [Materials of III International Conference of the Caspian States "Actual issues of modern medicine". 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

- Пример оформления *интернет-ресурса*: Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Рисунки, схемы, диаграммы. В качестве иллюстраций статей принимается не более 3 рисунков. Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например, (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.

Фотографии. Прилагаемые фотографии должны быть четкими, пригодными для сканирования либо в электронном виде (формат *tif, jpg*).

Таблицы. Таблица должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе *Microsoft Word* (формат **.doc*) и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами АГМУ или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией.

Дополнительно к статье автор высылает следующие документы:

1. Сведения об авторе(ах).

Сведения об авторе(ах) присылаются на электронный адрес журнала lingv_edu@astgmu.ru отдельным файлом, имеющим название Сведения_Фамилия. Сведения об авторе(ах), которые содержат данные:

- фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (кафедра, институт (факультет)); занимаемая должность; контактный телефон (рабочий, сотовый); адрес электронной почты.

Сведения в полном объеме приводятся на русском и английском языках.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи

Фамилия	Имя	Отчество
Ученая степень,	ученое звание	

Должность или профессия	
Место работы или учебы	
Контактный телефон	
Адрес электронной почты	
Тема статьи	

Requirements for article arrangement

General requirements. The electronic version of the article is executed in a *Microsoft Word* text editor and saved with the *.doc* or *.docx* extension. The manuscript is sent through the personal account of the author on the website of the online edition.

Page parameters. A4 format (book). Margins: all 20 mm.

Formatting of the main text. Paragraph indentation 1.25 cm.

The line spacing of the article header is single; the text of the article is one and a half. Page numbering is located at the bottom of the page in the corner on the right. *Times New Roman Font*, Regular. The size of the pin (characters) is 14 pt.

The volume of the article. The minimum volume of the article is 8 pages, the maximum volume is up to 12 pages of typewritten text.

Requirements for the composition of the published article.

The article published in the online edition should consist of the following sequentially arranged elements:

- "Scientific article" – on the left, font 12pt;
- index (UDC) – on the left, font 12pt;
- cipher of the scientific specialty and the corresponding branches of science, for which the article is presented in accordance with the Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated February 24, 2021 No. 118 – on the left, font 12pt;
- 5.9.6 Languages of peoples of foreign countries (indicating a particular language or group of languages)
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics
- 5.9.5 Russian language
 - title (name) of articles in Russian – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
 - the author's first name, patronymic and surname in Russian – on the left, font 12pt, bold;
 - information about the place of work (study) of authors in Russian is indicated after the authors' names on different lines and linked to the names using superscript numeric designations (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
 - e-mail of the author(s) – on the left, font 12pt
 - abstract in Russian – font 12pt;
 - keywords in Russian – font 12pt
 - "Original article" – on the left, font 12pt;
 - title (name) of articles in English – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
 - first name, patronymic and surname of the author(s) – on the left, font 12pt, bold in English;
 - information about the place of work (study) of the authors in English (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
 - abstract in English – font 12pt;
 - keywords – font 12pt;

- the text of the article is 14pt font, one and a half interval;
- the list of sources is 12pt font, the one interval.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
 Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья

УДК 811.133.1

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30> (французский)

**РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ
 ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ
 (на материале французского языка)**

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

**THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE
 PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS
 (based on the French language)**

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

The editorial board of the online edition recommends adhering to the traditional structure of writing an article (introduction, research objectives, research methods, results obtained, discussion of results and conclusions). The elements of the article are separated from each other by one empty line.

Abstract. The volume does not exceed 250 words.

Keywords. No less than 3 and no more than 15 words (phrases) that carry the main semantic load in the text.

List of sources. The list of cited literature is given in accordance with the requirements of GOST R 7.0.7–2021. **Bibliographic entries in the list of non-textual bibliographic references are numbered and arranged in the order of citation of sources in the text of the article.**

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. *La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques* [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. *La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques* [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. Osnovnye aspekty raskhozhdennyj v issledovaniyah grammatikalizacii [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – T. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Ришадовна кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань
grechukhinaz@mail.ru

Grechukhina Zemfira Rishadovna candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan
grechukhinaz@mail.ru

Евгения Юрьевна Кислякова кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград
evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Kislyakova Evgeniya Yurievna candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia
evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Bibliographic entry. To link the list of cited literature with the text of the article, references are used in accordance with GOST R 7.0.7–2021, References in the text of the article are enclosed in square brackets. The serial number of the cited source is given in the corresponding line of the text of the article, for example, [5]. If the link is given to a specific fragment of the document text, the reference indicates the serial number and pages on which the link object is placed. The information is separated by a comma, for example, [5, p. 23].

References are compiled in the order completely identical to the Russian-language version with a similar numbering.

References must be issued according to the following rules:

1. Authors (transliteration), the title of the article in transliterated version [translation of the title of the article into English in square brackets], the name of the Russian-language source (transliteration) [translation of the name of the source into English is a paraphrase (for journals, you can not do)], output data with notation in English. For transliteration from Cyrillic to Latin, we recommend using the automatic transliteration system on the website <http://www.translit.ru> (by selecting the option "Interior Ministry").

2. It is forbidden to use the signs "/" and "-" to separate the structural elements of the bibliographic description.

Example:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. Nazvanie zhurnala [Title of Journal], 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

- it is unacceptable to submit a description of the journal in References only in a transliterated version (without translation);
- when describing publications without authors (collections, collective monographs), it is allowed to write one, maximum two editors of the publication instead of the authors;
- for unpublished documents, you can make the shortest name with an indication in parentheses (unpublished), if it has authorship (to take into account the author's references), or simply "Unpublished Source" or "Unpublished Report", etc., if there is no authorship in the document;
- since Russian-language sources are difficult to identify by foreign experts, it is necessary to italicize the original name of the source in the descriptions, as in most foreign standards;
- it is undesirable to make arbitrary abbreviations of source names in links. This often leads to the loss of the bundle, as the name may not be identified;
- all the main output publishing information (in the descriptions of the journal: the designation of the volume, number, pages; in the descriptions of books: the place of publication – the city, the designation of the publishing house (except for the publisher's own untranslated name, it is transliterated)) must be submitted in English;
- in the descriptions of Russian-language textbooks, teaching aids, it is not necessary to indicate the type of publications;
- in the output data of publications in references (articles, books), the number of pages of the publication must be indicated: the range of pages in the publication is indicated by "Pp." Before pages; the number of pages in the complete edition (book) – indicated as "p." after specifying the number of pages;
- the translation of the title of the article or source is taken in square brackets;
- one publication is described in the list of references once, regardless of how many times the source was mentioned in the text of the publication;

- if the book in the list of references (in any version - main or in References) is described in full, then the description should indicate the full volume of the publication, regardless of which pages of the publication were cited in the text; the exception is when individual chapters from a book are used; in this version, the list of references gives a description of the chapter, indicating the pages “from-to”;
- for transliteration, it is necessary to use systems for automatically translating Cyrillic into the Roman alphabet; do not transliterate manually;
- for journals published in Russian and English, a link is given to the English version of the journal.

The following is a list of sources (“References”), arranged in the following order:

- all authors and the title of the article in a transliterated version (use the site <https://translit.net/>, selecting the BGN standard. The window for switching between standards is located above the line with the letters of the alphabet),
- translation of the title of the article into English in square brackets,
- the name of the Russian-language source in a transliterated version,
- translation of the source name into English in square brackets,
- output data with symbols in English.

Examples of formatting a list of sources in Latin (References).

- *Example of book formatting:* Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.
- *Example of formatting an article from a magazine:* Bleyk P.G. Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.
- *Example of a patent formatting:* Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.
- *Example of theses formatting:* Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo hepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.
- *Example of article formatting with DOI:* Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.

- *Example of formatting an article from a collection of works:* Kantemirova B.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticeskoy patologiy [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.

- *Example of formatting conference materials:* Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspinskikh gosudarstv "Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny" [Materials of III International Conference of the Caspian States "Actual issues of modern medicine". 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

- *Example of formatting of an Internet resource:* Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Drawings, schemes, diagrams. No more than 3 figures are accepted as illustrations of articles. Illustrations must be clear. In the text of the article, a link to a specific figure should be given, for example, (Fig. 2). Figures should have a minimum number of words and symbols. Each figure must have a serial number, title and explanation of the meanings of all curves, numbers, letters and other symbols placed under the figure.

Photo. Attached photographs must be clear, suitable for scanning or in electronic form (.tif, jpg format).

Tables. There should be no more than 3 tables. Each table should be given a serial number and a heading. Abbreviation of words is allowed only in accordance with the requirements of GOST 7.12-93, 7.11-78. Tables must be provided in a Microsoft Word text editor (*.doc format) and numbered in order. The simultaneous use of tables and graphs (figures) to present the same results is not allowed.

Additional materials for published articles

1. Information about the author(s).

Information about the author(s) is sent to the email of the online edition lingv_edu@astgmu.ru in a separate file called **Information_Surname**. Information about the author(s), which contains data: last name, first name, patronymic in full; academic degree; academic title; place of work (department, institute (faculty)); position held; contact phone (work, cell); E-mail address.

Information in full is given in Russian and English.

Full Name	
-----------	--

Academic degree, academic title	
Position or profession	
Place of work or study (with address)	
Contact number	
E-mail address	
Article topic	

The responsibility for the accuracy of the specified information lies with the author of the article.

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Сетевое издание

2025

Том 5 № 3

Сетевое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой
информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.)

Учредитель: ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России

Адрес учредителя: 414000, г. Астрахань, Бакинская, 121, каб 410

Тел: +7 (8512) 66-94-80

E-mail: post@astgmu.ru

Редакционная коллегия

Научный редактор – Гречухина З.Р.

Ответственный секретарь – Дьякова Е.М.

